

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093**)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2014

Ежеквартальное издание

№ 3

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2014

Quarterly

№ 3

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2014
© Ivanovo State University, 2014

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный политехнический университет; **А. А. Данилов**, Институт Всеобщей истории РАН; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторак**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Поливянный**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Polytechnical University; **A. A. Danilov**, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrashyova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Humanitarian Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

Золотарёв О. В. Явление креативного класса в России 9

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ермушин М. В. Формирование системы оплаты труда инженерно-технической интеллигенции в первой половине 20-х годов XX века 20

Зотова А. В. Материальное стимулирование советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны 33

Каранов Д. П. Роль интеллигенции в этнокультурном развитии ингерманландских финнов и особенности ее формирования 42

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

От редакции 56

Волков В. С. Приближение к универсальности: методологические искания профессора В. С. Меметова 57

Кочешков Г. Н. Интеллигенция и историческая наука в конце XIX — начале XX века: Н. А. Рожков 65

Курасов С. А. Случай на лекции: столкновение в повседневности «старой» интеллигенции и «нового» студенчества в первые годы советской власти 74

Стрелец М. В. Ханс Альбрехт Бете: страницы биографии 82

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Репников А. В.* Размышления на чужбине (По страницам
дневника Д. В. Скрынченко) 92
- Софронова Л. В., Хазина А. В.* Ренессансный ученый
в интеллектуальных и социальных практиках
(По переписке Джона Колета и Эразма 1512—1513 годов) 105

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Коваленко С. В., Ермолаева Л. К.* Философско-
методологические основы деятельности преподавателя
в коррекции историко-политического мировоззрения
учащихся 123

ТВОРЧЕСТВО УЧЕНЫХ

- Усманов С. М.* «Спасайте русский интеллект» 137
- Порозов В. А.* Год жизни — 1992. Избранные стихотворения 140
- Аннотации* 149
- Информация для авторов* 157

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

Zolotaryov O. V. Phenomenon of a creative class in Russia 9

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

Ermushin M. V. Formation of salary system of the technical-
engineering intelligentsia in the first half of the 20-s
of the 20th century 20

Zotova A. V. Material stimulation of the Soviet intelligentsia
during the Great Patriotic War 33

Karanov D. P. The role of intelligentsia in ethno-cultural
development of the Ingermanlandian Finns and features
of its formation 42

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

From editors 56

Volkov V. S. Approach to universality: professor
V. S. Memetov's methodological search 57

Kocheshkov G. N. Intelligentsia and historical science at the end
of the 19th — the beginning of the 20th century:
N. A. Rozhkov 65

Kurasov S. A. Episode at the lecture: collision in daily occurrence
of the «old» intelligentsia and the «new» students in the first
years of the Soviet power 74

Strelets M. V. Hans Albrecht Bete: biography pages 82

FROM ARCHIVE FUNDS

- Repnikov A. V.* Thoughts in the foreign land:
D. V. Skrynchenko's Diary 92
- Sofronova L. V., Hazina A. V.* Renaissance scientist in
intellectual and social practices (on correspondence between
John Kolet and Erasmus in 1512—1513) 105

EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Kovalenko S. V., Ermolaeva L. K.* Philosophical and
methodological bases of teacher's activity in correction
of students' historical and political outlook 123

CREATIVITY OF SCIENTISTS

- Usmanov S. M.* «Rescue the Russian intellect» 137
- Porozov V. A.* A year of life — 1992. The chosen poems 140
- Annotations* 153
- Information for authors* 157

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)53-283.2

О. В. Золотарёв

ЯВЛЕНИЕ КРЕАТИВНОГО КЛАССА В РОССИИ

Рассуждая о ситуации в сегодняшней России, невозможно обойти вопрос о креативном классе. В настоящий момент это, вероятно, одно из самых не только востребованных, но политизированных и мифологизированных понятий. Причем вопрос более серьезен и глубок, нежели простая идентификация офисного служащего креативного сектора.

Конечно, мысль о том, что в экономике решающую роль будут играть не собственники средств производства, а «техноструктура», появилась далеко не сейчас. Об этом еще в 60-е годы прошедшего столетия говорил Дж. Гэлберт. Он же особо отмечал, что молодежь захочет вливаться в ряды этой «техноструктуры» только при условии устранения формальной дисциплины и усиления собственных позиций в управлении корпораций.

К началу XXI века общество становится уже не только постиндустриальным, но и информационным. В итоге на смену «виртуальной реальности» приходит «реальная виртуальность» (М. Кастельс). Происходят и серьезные перемены в сфере потребления. Главным является уже покупка не товаров, а символов (Ж. Бодрийяр). Потребление, таким образом, становится стержнем идентичности, а имидж — символом свободы. Вот здесь-то и

© Золотарёв О. В., 2014

Золотарёв Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института. (8212) 21-44-81

начинается время «тайных бунтарей», которые, оставаясь в рамках корпоративных схем, стремятся вместо буржуазности выбрать богемность, показать, какие они «класные» и «крутые»¹.

Но эти бунтари не только не взорвали капитализм. Они были превращены в источник новых прибылей: они не просто были встроены в корпоративные схемы, но и спровоцировали спрос на товары «контркультуры» — товары освобождения. Именно подобное слияние богемных и буржуазных ценностей в одно целое и породило «креативный» класс. Идеолог креативной общности Р. Флорида в этой связи особо отмечал, что «мы не просто совместили эти категории: нам удалось полностью превзойти их, так что они утратили всякий смысл. Под влиянием креативного этоса мы сочетаем работу и образ жизни, конструируя свою творческую идентичность». Р. Флорида, относя к «креативщикам» до трети американцев, выделяет ядро креативного класса, к которому причисляют людей, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий, нового креативного содержания. Помимо ядра, креакл включает в себя и креативных специалистов, занимающихся решением сложных задач, требующих независимости мышления и высокой образованности. Три главных ценности креативного класса, по мысли Р. Флориды, это индивидуальность (нежелание подчиняться традиционной корпоративной дисциплине и групповым нормам), меритократия (преобладание личных качеств и успехов и оценка человека по этим успехам) и, наконец, открытость (к таланту нельзя применять классификацию по таким признакам, как раса, этнос, пол, внешность, сексуальная ориентация, непривязанность к чему-либо, готовность к переменам)².

Вот в последнем и кроется главный смысл креативности: вы можете заниматься творческим трудом, любить свою работу и т. д. при одном важном условии — вы рвете связь не только с традициями и иерархией, но и со своей страной, Родиной. Таким образом, креативный класс в любой момент готов сменить страну проживания, он предельно номадичен. При этом он считает себя лучшей частью общества. Принимая ценности креативного класса, вы автоматически объявляете неспособными к созиданию тех, кто не хочет заниматься разрушением традиционных принципов и институтов. Желание перемен выпускается в пар через клапан креативности с привеском в виде нетрадиционных ценностей³.

Возможно, именно стремлением выпустить протестное движение в свисток и объясняется внезапное появление в России в конце 2011 года доморощенного креативного класса. Социальное бытие рождает предложение. Именно поэтому образовавшийся после ухода в прошлое классической интеллигенции вакуум и попытался заполнить новый «креативный класс».

Ведь креакл в своей основной массе состоит из тех, кого в России называли интеллигенцией, а на Западе интеллектуалами. Но, в то же время, он не тождественен ни тем, ни другим. Принадлежность к креативному классу некоторые исследователи описывают как социо-психотип, который не зависит ни от социального положения, ни от уровня доходов или потребления, ни от образования. Определяющей чертой креативного класса называется творческая и социальная субъектность, желание и способность быть участниками процессов социального развития⁴.

И всё же чаще всего в России креативный класс ассоциируется с интеллигенцией («думающей интеллигенцией», «политически активной интеллигенцией»). При этом так считают весьма разные по своим взглядам политики (начиная от В. Путина и заканчивая К. Собчак)⁵.

Однако креакл, в отличие от интеллигенции, пытается навязать массам «не идеологию и мировоззрение, а готовые стандарты потребления и модели поведения, неизбежные в условиях победившего рыночного фундаментализма». Причем эта «паразитирующая прослойка» реализует свои идеи в товарных фетишах и символах гламурного образа жизни. Это позволяет некоторым аналитикам называть участников Болотного движения «профессиональными потребителями»: потребление во всех формах и видах, потребление всего и вся — вот всё, что они делают в жизни». Фактически «новая интеллигенция» (она же — креативный класс) признает единственным своим идеалом прочное земное благополучие. Она — своеобразный гибрид интеллигенции и мещанства, породивший особую новую культуру, культуру человека пресыщенного, нацеленного на обладание и потребление, на успех и наслаждение. В этой культуре товарный фетишизм распространяется на любые человеческие отношения, всё оценивается с точки зрения прибыли. Для человека потребления нет разделения на добро и зло, всё растворяется в системе значений социального статуса⁶.

Поэтому даже на митинги представители креативного класса приходили, чтобы потреблять «такой дефицитный товар, как общественное действие». Ведь протест был чрезвычайно профессионально разрекламирован и «продан» — с применением современных технологий маркетинга и пиара. Участие в протестном движении стало «модным трендом». Возможно, именно поэтому социологи так и не смогли найти «нормальных причин» массовости протеста, ибо его участники не были политически мотивированы (более того, поражает их неосведомленность в политике)⁷.

В своем поведении креативный класс существенно отличается от интеллигенции. Для интеллигенции, когда она видит неправду (а сегодняшнее положение в стране для народа — это неправда), не существует выбора за что выступать — за правду или хлеб насущный для себя. Креативный класс, объявляя себя новой интеллигенцией, поступает весьма хитро, принимая позу борца за правду, выступая громогласно против жуликов и воров за достойную жизнь (но достойную жизнь, прежде всего, для себя). Конечно, здесь надо помнить, что новый креакл — это далеко не вся образованная часть общества, а только ее либеральный слой. Возможно, это даже и не либеральная интеллигенция, а мелкая буржуазия, четко осознавшая свое единство, противопоставляющая себя как соседям сверху (олигархам, крупному чиновничеству), так и соседям снизу (народу) и ощутившая необходимость борьбы за свои права. Вспомним, одной из движущих сил Болотного движения было, по признанию самих участников, «ощущение общности интересов и единства с другими людьми, которого они лишены». Действительно, людям внушали, что у них одинаковые интересы, единство целей и общая судьба. Именно здесь была возможность «почувствовать себя элитой»⁸.

А теперь мы наблюдаем, как креативщики пытаются занять общественную нишу былой интеллектуальной элиты общества — старой интеллигенции. Но они не в состоянии усвоить интеллигентскую этику, культурную парадигму интеллигенции. Именно поэтому, повторяя избитую фразу, они оказались страшно далеки от народа. В этом причина быстрого упадка набравшего обороты протестного движения. Да и не хотела либеральная интеллигенция никакой революции. Она просто желала оседлать любые стихийные процессы (возможно даже для того, чтобы настоящей революции не случилось)⁹.

Неудачи протестного движения возродили тезис о дремучести русского народа, о неготовности его к переменам. Вновь зазвучали голоса о необходимости просвещения народа, о новом хождении в народ. Но революционеры XIX столетия народа не знали, потому и идеализировали его. Нынешний креативный класс народа также не знает, но не идеализирует, а презирает его. Либеральная интеллигенция любит под видом народа себя как носительницу лучших (по ее мнению) качеств народа. Сегодня резко обозначилась антиномия: просвещенная часть общества и весь прочий народ. Простым людям внушается комплекс неполноценности. Ведь в нашей стране традиционно именно просвещенный (ныне, пусть — креативный) класс чувствовал свою вину за отрыв от народа, свою вину за обособленность. А не наоборот... Что же касается народа, то он также не испытывает ни малейшего доверия к либеральной интеллигенции. И не отзывается на ее призывы. Потому-то и сердится креакл, называя народ рабom. Ведь неверие народа в новую интеллигенцию во многом и привело протестное движение декабря 2011 года к тихому краху. Дело здесь, пожалуй, не в зависти к материальному благополучию креативщиков. Просто они, в отличие от интеллигенции, ничего не могут дать в плане духовно-нравственных ориентиров и ценностей¹⁰. Ибо ничего креативный класс не создал и создавать не собирается. И жертвовать ничем для народа не желает. Он желает жить для себя и делать только то, что тешит его креативность. В этом одно из его отличий от интеллигенции.

Другое — в отношении к свободе. Исследователи отмечают, что существование креативного класса возможно исключительно при наличии свободного социального и культурного пространства. Если его нет, то креативный класс маргинализируется¹¹. Конечно, заикленность на идее свободы есть характернейшая черта не только креативного класса, но и всей нашей интеллигенции. Поэтому нередко интеллигенцию представляют как антигосударственную силу, не просто отрицающую государство, но и стремящуюся к его уничтожению. И казалось, что это должно хотя бы сблизить креакл и интеллигенцию. Но свобода подразумевает и ответственность. Чем большей свободой ты обладаешь, тем большую ответственность на себя берешь. Ведь что такое интеллигенция: «каюсь, мы виноваты», «мы полностью за все

в ответе», но креативный класс ни за что не хочет отвечать. Он берет обязательства, но их не выполняет. Креаклы любят отстаивать свои права, но предпочитают забывать об обязанностях. И это обнуляет цену слова (а классическая интеллигенция постоянно наращивала цену слова, его значение: «глаголом жги сердца людей!»). У креативного класса налицо отрыв свободы от ответственности. Свобода без ответственности — страшное дело, порождающее «социально опасный тип». И еще, кричащий о свободе, обожающий свободу, кланяющийся свободе новый интеллигент вместе с тем напрочь ее отрицает, он прямо кипит от возмущения и ненависти к тем, кто не разделяет его взгляды и смеет думать иначе, нежели он. Он готов гулять по Болотной площади с горящими от ненависти глазами и презирать тех, кто не гуляет рядом¹². Это позволяет говорить о креативном классе скорее не как о новой интеллигенции, а как о псевдоинтеллигенции.

Существенно отличается российский креативный класс и от своего западного собрата. Прежде всего тем, что теорию Р. Флориды на российской почве решили применять не в экономике, а в политике¹³. Конечно, американский отец креативного класса говорил о том, что в него входят те, чьи взгляды формируют общественное мнение. Р. Флорида, таким образом, связывает разношерстных представителей новой структуры общностью интересов и целей: формировать картину мира для всего населения. Похоже, что именно эта деталь в теории Р. Флориды и привлекла российских политтехнологов.

Явление отечественного креативного класса подготавливалось ими задолго до событий на Болотной площади зимой 2011 года, когда его попытались использовать в политических целях. В 2007 году под редакцией М. Ходорковского выходит книга «Постчеловечество». В ней идеи Р. Флориды получают развитие уже с учетом российских реалий. Прежде всего говорится, что «биологическая эволюция человека приведет к внутреннему разделению человечества на биологической основе, к выделению из него людей с более высокими интеллектуальными и физическими качествами». Дальше идут рассуждения о «возникновении качественно нового неравенства — между способными и неспособными к творческому труду людьми. В силу качественного роста значения творческого труда это постепенно

начинает создавать биологический барьер, преодолеть который, в отличие от социального, почти невозможно... Неравномерность же нового витка биологической эволюции поставит исключительно важный, в первую очередь с мировоззренческой точки зрения вопрос о единстве человечества... от решения которого будет зависеть будущее не только отдельных обществ, но человечества в целом»¹⁴. Если коротко подвести итог всем этим длинным рассуждениям, то в сухом остатке будет следующее. Идет биологическая эволюция человека, в результате которой люди делятся на два вида: творческих и нетворческих. Эти виды принципиально неравны, так что нетворческим нет смысла даже мечтать о равенстве. Принадлежность к творческим будет определяться по самооценке и доходу. Между этими двумя видами есть непреодолимый биологический барьер, поэтому творческие — это новая, причем высшая, раса, которая будет доминировать в будущем мире. Таким образом, мы видим, что «креативный класс претендует на наследственное обладание креативностью»¹⁵.

Конечно, здесь явно прослеживается стремление нынешней российской элиты хоть таким образом обосновать свое привилегированное положение и претензии на власть и собственность. Недаром один из ведущих российских политиков — В. Сурков утверждал, что вышедший на Болотную креативный класс — это «лучшая часть» общества. Уступить ее разумным требованиям — «обязанность и конституционный долг» власти¹⁶. Само появление термина «креативный класс», по мнению некоторых исследователей, весьма выгодно в сегодняшних российских условиях официальной пропаганде, ибо, с одной стороны, это своего рода комплимент людям, вовлеченным в протестную деятельность. С другой — этот термин предъявляет к ним повышенные требования, которые они не в состоянии выполнить. Это позволяет сразу провести черту между «асоциальными элементами с Болотной» и основной массой населения страны. Ибо от этого креативного класса ждут чего-то такого, на что у него совершенно нет ресурса — «хотя бы в силу того, что такого класса не существует». Хотя польза от этого псевдокласса всё же есть, несмотря на то что он, конечно, вовсе не составлял ядро какого-то протестного движения: он пусть и не решает, но хотя бы обозначает имеющиеся в российском обществе проблемы¹⁷.

Сейчас разговоры о российском креативном классе приутихли. Но они обязательно возникнут вновь, возможно, уже под каким-нибудь другим трендом. Ибо креативный класс является всего лишь частью теории постиндустриального общества, которая в настоящее время весьма активно разрабатывается. Самое опасное в этих размышлениях то, что с их помощью стремятся доказать биологическую природу социальных различий, что, говоря словами К. Маркса, эксплуататоры и эксплуатируемые — это разные биологические и антропологические виды.

Каковы же перспективы креативного класса? Конечно, многие сейчас осознают, что частная собственность уже к концу XIX столетия стала препятствием на пути развития производительных сил, превратилась в анахронизм. Однако на смену традиционной частной собственности пришла не коллективная (как предсказывал К. Маркс), а личная собственность (что вполне в духе рассуждений К. Маркса о превращении науки в непосредственную производительную силу). В наступающем «обществе знаний» решающую роль (в силу господства личной, а не коллективной собственности) играют не трудящиеся, а люди, умеющие создавать новые знания. Мысль о их появлении связана в первую очередь с тем, что социальная структура, существовавшая ранее, уже не могла обеспечить капитализму экономическую и политическую стабильность. Поэтому и была высказана идея о переходе от конвейерного типа производства к креативному, который менее универсален, но более удовлетворяет индивидуальным вкусам потребителя. Креативный класс и есть модель производителя таких утонченных желаний, которая в постиндустриальном обществе становится главной фигурой. Эта модель распространяется на все виды деятельности. Более того, она становится фактически обязательной¹⁸.

Но такой подход еще больше усугубляет имущественный раскол. Судя по господствующим в мире тенденциям, новое неравенство будет только углубляться. На первый взгляд оно не представляется несправедливым. Ведь новый интеллектуальный класс никого не эксплуатирует и никого не принуждает приобретать создаваемые им интеллектуальные продукты. Но ведь и капиталист не заставляет рабочих трудиться. Однако он ставит пролетариат, свободных в выборе людей, перед такой альтернативой:

или работай на меня, или умирай с голоду. Конечно, сейчас выбор иной: если хочешь быть «на уровне», покупай наши разработки (в подавляющем большинстве вовсе не необходимые). В противном случае будешь изгоем. Таким образом, формируются искусственные, зачастую вредные потребности. Так представители нового интеллектуального класса фактически паразитируют на пороках человека, не создавая каких-либо реальных новых ценностей. Более того, говоря об интеллектуальном неравенстве, они призывают признать справедливым и неравенство имущественное. Однако здесь стоит заметить, что вряд ли среди нынешних обладателей интеллектуальной личной собственности есть те, кто внес реальный вклад в развитие науки или культуры. Скорее они паразитируют на уже созданном до них фундаменте знаний. Поэтому вопрос об обобществлении знаний, вполне возможно, весьма скоро встанет на повестку дня. Да и сама идея о неминуемой несправедливости постиндустриального общества не просто ошибочна, а реакционна. Ведь это призыв к возвращению — возвращению уже даже не к капитализму, а к феодализму¹⁹.

Нельзя не заметить, что опасность сегодняшней ситуации в России, когда у креативного класса нет практически никаких шансов на победу (ни в результате выборов, ни с помощью цветной революции), заключается прежде всего в том, что он не хочет признавать свое поражение. И, как уже не раз бывало в истории (в том числе и нашей), в таком случае подобного рода политики переходят от программы захвата власти в стране к курсу на разрушение. Подобный вариант развития событий, особенно если учитывать склонность нынешней власти к роковым ошибкам, возможен²⁰.

Но, может быть, дело обстоит иначе. Посмотрим, появление на Западе и в России тех, кого причисляют к креативному классу, совпадает по времени с деиндустриализацией. В западном мире по этому пути пошли, когда столкнулись в 1970-е годы с системным кризисом экономики. Ситуацию спасло перенесение производственных мощностей в Азию и значительное удешевление производства. Однако на Западе осталась избыточная высококвалифицированная рабочая сила, которая осознавала свою роль и не была готова к ухудшению своего положения. Выход был найден в накачке населения дешевыми кредитами и пропаганде массовой попкультуры. При этом Запад сохранил за собой

ведущую роль в мировых финансах. Таким образом, сложилась своеобразная система мирового неокOLONIALИЗМА, объясняющая привилегированное положение западного мира его ведущей ролью в создании новых технологий. Сегодняшняя Россия также в 1990-е годы пережила деиндустриализацию, возможно, в самой разрушительной ее форме. Но с наведением хотя бы элементарного порядка в нулевые годы началась стабилизация экономики, восстановление самой прибыльной ее части (добыча ресурсов) и опять-таки накачка населения кредитами. Единственное, чем могла заняться в этих условиях относительно образованная часть общества — это перераспределение доходов путем оказания различных нужных и ненужных услуг. Вот тут-то и в России появляется креативный класс, который нередко именуют еще офисным планктоном. Его уровень жизни растет весьма быстро, но пришел кризис. И первое, от чего избавляются в условиях кризиса — это сфера услуг. Но ведь наши креаклы оказывают услуги, а не трудятся. Они не работают, они зарабатывают. Вот представители креативного класса в условиях замедления роста экономики (даже еще не кризиса) первыми и оказываются за бортом. Где выход? Возможно, в восстановлении производительной экономики и новой индустриализации²¹.

В сегодняшней России многих из тех, кто желает перемен, кто способен созидать новое, продолжают причислять к креативному классу. Однако, в отличие от западного мира, большую часть так называемого российского креативного класса составляют те, чье мировоззрение базируется скорее не просто на идеалах самореализации, а на желании участия в «большом проекте» — «идеальном проекте» в масштабах страны. Отсутствие такого проекта будет выбрасывать людей туда, где они будут искать хоть какой-то самореализации²². Поэтому, возможно, путь к преобразованию так называемого российского креативного класса и рождению подлинно новой, а не псевдоинтеллигенции — в предложении подлинно масштабных проектов новой социальной, экономической и культурной реальности. Может быть, это и ключ к будущему страны. Но вместо него нынешняя власть продолжает предлагать обществу различного рода заменители, которые не могут породить ничего, кроме отечественных суррогатов, таких, например, как российский «креативный класс».

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Восканян М.* Некреативным вход воспрещен // *Завтра*. 2013. № 45. С. 3.
- ² *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.
- ³ *Восканян М.* Указ. соч.
- ⁴ *Окара А.* Креативный класс как партнер государства // *Независимая газета* : (НГ-сценарии). 2009. 22 дек. С. 12.
- ⁵ Высказывания о креативном классе. URL: [http://www.wikireality.ru/wiki/Высказывания о креативном классе](http://www.wikireality.ru/wiki/Высказывания_о_креативном_классе) (дата обращения: 01.06.2014).
- ⁶ *Замлелова С.* Спорные мысли про самих себя // *Отечественные записки* : прил. к газ. «Советская Россия». 2013. № 22. С. 10.
- ⁷ *Крижанская Ю., Сверчков А.* Хомячок болотный обыкновенный (*Hamster paludis vulgaris*) // *Суть времени*. 2013. № 11. С. 8—9.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Щипков А.* Интеллигенция. Свидетельство о смерти // *Литературная газета*. 2012. № 48. С. 3.
- ¹⁰ *Беляков С., Рудалев А.* Кабала масс и мелкобуржуазное болото // *Там же*. № 37. С. 3.
- ¹¹ *Окара А.* Указ. соч.
- ¹² *Замлелова С.* Указ. соч.
- ¹³ *Крижанская Ю., Сверчков А.* Афера с креативным классом — 2 // *Суть времени*. 2013. № 26.
- ¹⁴ *Постчеловечество* / под ред. *М. Ходорковского*. М., 2007.
- ¹⁵ *Расинский П.* Извращения в системе образования // *Суть времени*. 2013. № 21.
- ¹⁶ См.: *Крижанская Ю., Сверчков А.* Афера с креативным классом — 3 // *Там же*. № 28.
- ¹⁷ Креативный класс в России: кто все эти люди? URL: <http://archives.colta.ru/docs/4829> (дата обращения: 01.06.2014).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Антонов М.* Феодализм продвинутых // *Литературная газета*. 2014. № 5. С. 9.
- ²⁰ *Ципко А.* Неуместные умолчания // *Там же*. 2013. № 40. С. 3.
- ²¹ *Стариков Н.* «Креативный класс» — что это такое? URL: <http://nstarikov.ru/blog/15458> (дата обращения: 01.06.2014).
- ²² *Восканян М.* Указ. соч.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)613-283.2

М. В. Ермушин

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА

Одним из актуальных вопросов при определении материального положения инженерно-технической интеллигенции в годы нэпа является изучение системы и форм оплаты труда. В исторической литературе можно встретить противоречивые утверждения об уровне благосостояния инженерно-технической интеллигенции. В советской историографии этот вопрос рассматривался в контексте мероприятий советской власти по вовлечению «буржуазных» специалистов в сферу новых общественных отношений. Проводилась мысль о неуклонном росте материального уровня жизни инженерно-технической интеллигенции. Так, С. А. Федюкин, в качестве примера, приводит среднемесячный заработок рядовых инженеров металлургической промышленности и высокооплачиваемых специалистов в 1925 г., который составлял 500—600 руб.¹

В 90-е гг. XX — начале XXI века к этой проблеме обращались Л. И. Пыстина, Л. В. Борисова, А. А. Ильюхов, Т. Г. Чебоксарова и др.² Ими выяснено, что число специалистов, получавших высокие ставки, было незначительным, а разрыв между верхним и нижним уровнем зарплаты инженерно-технических работников (ИТР) существенным. Отмечена неодинаковая величина заработка

© Ермушин М. В., 2014

Ермушин Максим Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурологии Костромской государственной сельскохозяйственной академии. ermuschin@yandex.ru

при замещении одноименных должностей, наблюдавшаяся в разных регионах, отраслях, в управленческих структурах и на производстве. Заработная плата специалистов зависела от экономического состояния конкретной отрасли, ведомственной принадлежности предприятия. В трестированной промышленности она была выше, чем на предприятиях, относившихся к губернским советам народного хозяйства (ГСНХ). По данным наркома труда В. Шмидта, зарплата инженера в середине 20-х гг. определялась не столько тарифной сеткой, сколько индивидуальным договором: «...с инженерами заключают индивидуальный договор, потому что его ставка в сетку не укладывается. Он заключает договор с хозяйственником, и в результате мы не знаем, как он оплачивается, каковы его условия»³. Всё названное выше осложняет исследование материального положения инженерно-технической интеллигенции и делает изучение системы и форм оплаты труда специалистов в 20-е гг. актуальным.

В годы военного коммунизма разница в заработной плате между различными категориями инженерно-технической интеллигенции была незначительная. На I Всероссийском съезде инженеров и техников, прошедшем в декабре 1922 г., приводились следующие данные (табл. 1).

Таблица 1

Средняя заработная плата технического персонала в 1914—1921 гг.⁴

Год	Рабочие	Канторский персонал	Младший тех. персонал	Высший тех. персонал
1914	1	1,8	4	14
1919	1	1,3	1,7	2,1
1920	1	1	1,1	1,7
Лето 1921	1	1	1	1,6

За 1 взят средний заработок рабочих. Из таблицы видно, что если в 1914 г. средняя заработная плата высшего инженерно-технического персонала равнялась 14 средним заработкам рабочих, то в 1921 г. — 1,6. Это соотношение наглядно демонстрирует политику уравниловки в системе оплаты труда. В период Гражданской войны зарплата перестала быть оплатой количества труда определенной квалификации, а превратилась в соцобеспечение,

т. е. величина заработной платы определялась количеством средств существования, которое могло выделить государство⁵. В этих условиях принципы оплаты труда инженерно-технической интеллигенции ничем не отличались от рабочих.

В 1921 г. в связи с отказом государства от политики унификации и уравнительности в заработной плате, а также с курсом на привлечение специалистов к хозяйственному строительству происходят изменения в системе оплаты труда инженерно-технической интеллигенции. Прежде всего, перед государством стояла задача возродить материальные стимулы труда и добиться того, чтобы заработная плата обеспечивала прожиточный минимум. Для этого надо было увеличить реальную заработную плату, установить зависимость величины зарплаты от квалификации.

В сентябре 1921 г. начался переход на 17-разрядную тарифную сетку. Высший административно-технический персонал оплачивался по 14—17 разряду, средний — 10—13, низший — 7—12, рабочие — с 1 по 9 разряд. Это дало некоторый рост заработной платы специалистов. Ставка 9-го разряда в 2,5 раза превышала ставку 1-го разряда⁶. Ставка высококвалифицированных специалистов от 3 до 5 раз превышала ставку 1-го разряда. В сентябре 1922 г. соотношение оплаты труда рабочих 1-го разряда и специалистов высшей квалификации составляло 1:5,2. При переходе к 17-разрядной тарифной сетке возникли трудности при тарификации технического персонала. Нормы, установленные сеткой, не создавали градации в заработках отдельных квалификаций и низко расценивали труд специалистов 9—12 разряда.

Тем не менее, принятые меры дали эффект. Зарплата инженеров выросла, но это вызвало недовольство рабочих. В конце 1922 г. правительство пошло на снижение разницы в оплате труда для специалистов и рабочих, которая для высококвалифицированных специалистов составила 1:2,5. Кроме того, в конце 1922 г. для ограничения роста заработной платы ИТР вводится госмаксимум. Председатель Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) М. Томский на I Всероссийском съезде инженеров (16—18 декабря 1922 г.) объяснил его введение тяжелым положением в стране и разрывом между заработной платой рабочих и ИТР, что, по его мнению, являлось условием для распространения антиспецовских настроений среди рабочих⁷.

В августе 1922 г. Совет народных комиссаров (СНК) ограничил госмаксимум 600 тыс. руб., в ноябре — 1 млрд руб.⁸ Он устанавливался в госзнаках, что в условиях гиперинфляции существенно снижало значение надбавки. Всесоюзное межсекционное бюро инженеров и техников (ВМБИТ) при одобрении ВЦСПС предложило перевести госмаксимум в товарные рубли, но Народным комиссариатом труда (НКТ) это одобрено не было⁹, поскольку означало существенное увеличение расходов из фонда заработной платы.

Уменьшение соотношений между 1 и 17 разрядами тарифной сетки привело к снижению оплаты труда ИТР. Инженерно-технические секции (ИТС) неоднократно просили правительство увеличить соотношение. По их мнению, справедливым считалось бы соотношение, лежащее в плоскости от 1:4 для 9-го разряда и 1:9 для 15-го разряда. Особо ценные специалисты 16-го разряда, по мнению ИТС, должны были тарифицироваться по договоренности между работником и работодателем. Помимо этого, при исчислении ставки 1-го разряда предлагалось учитывать заработную плату рабочих конкретного предприятия¹⁰. Признавалось целесообразным, чтобы низшая ставка инженерно-технического работника была на 10—20 % выше фактического заработка рабочего высшей квалификации.

Другим фактором, влиявшим на заработок инженерно-технической интеллигенции, являлось заключение коллективных договоров. Коллективные договоры, как регулятор заработной платы на производстве, распространились после Февральской революции и просуществовали до весны 1918 г. С переходом к нэпу правительство в декабре 1921 г. вернулось к практике заключения коллективных договоров. Теперь размер оплаты зависел от конкретного коллективного договора, который заключался между профсоюзами и хозяйственными органами. Это позволяло учитывать экономические условия, в которых находилось предприятие, найти компромисс между интересами различных категорий работников и дирекции. Однако надо учитывать то, что инженерно-технические секции, которые должны были отстаивать интересы специалистов, получили организационное оформление в регионах только к 1925 г. Поэтому размер заработной платы до этого времени регулировался либо администрацией

завода, или же коллективный договор от имени специалистов заключала общая профсоюзная организация предприятия. Но даже там, где профсоюзы включались в колдоговорную кампанию, они не всегда руководствовались интересами ИТР. ВЦСПС в циркулярном письме от 11 августа 1922 г. обращает внимание на этот аспект проблемы. «Со стороны профсоюзов, — указывалось в письме, — особенно при заключении договора, не совсем внимательное отношение к... рядовому инженерству. Инженеры не находят в коллективных договорах защиту своим интересам, отрываясь тем самым от профсоюзов»¹¹. Народный комиссариат труда, проведя анализ коллективных договоров 1922 г., также отметил «беспечность профсоюзов в области колдоговорной кампании»¹².

Сложно сказать, какова была степень вовлечения ИТР в колдоговорную кампанию в начале 20-х гг., поскольку такие сведения носят эпизодический характер. На примере Ярославской губернии можно получить общие представления об этом. В таблице 2 представлено соотношение ИТР, заработная плата которых определялась коллективным договором и администрацией предприятий в Ярославской губернии в 1923 г.

Таблица 2

Заработная плата ИТР в Ярославской губернии в 1923 г.¹³

ИТР	Число обследованных	Заработная плата			
		Регулирование колдоговором		Регулирование по усмотрению администрации	
		число	%	число	%
на производстве					
Инженеры	17	1	6	16	94
Техники	27	13	48	14	52
Итого	44	14	31,82	30	68,18
в государственных учреждениях					
Инженеры	21	10	48	11	52
Техники	10	7	70	3	30
Итого	31	17	54,84	14	45,16

Из таблицы видно, что из 44 обследованных ИТР, занятых на производстве, у 14 (31,82 %) заработная плата определялась

коллективным договором. Зарплата 30 (68,18 %) инженеров и техников регулировалась администрацией. Иную картину мы наблюдаем с ИТР, занятыми в советских учреждениях. Здесь из 31 опрошенного специалиста 17 (54,84 %) заключили коллективный договор. Однако в последнем случае нужно иметь в виду, что здесь размер оклада специалиста определялся не соглашением профсоюза с дирекцией, а в соответствии с выделенными государством фондами. При этом величина фонда по разным наркоматам была различна, поэтому ставки в одних наркоматах могли быть выше или ниже, чем в других¹⁴.

ВЦСПС 1 декабря 1921 г. издал циркуляр «О порядке определения особого фонда для дополнительной оплаты высококвалифицированных работников и использования этого фонда». Размеры фондов на предприятиях определялись исходя из важности и сложности производства, а также квалификацией высшего технического персонала. Устанавливалась зависимость величины особого фонда от количества занятых работников. Таким образом, в выигрышной ситуации оказывались крупные предприятия. Фондом распоряжалось заводоуправление, которое распределяло его среди инженеров 13—17 разрядов «в зависимости от значения и необходимости их участия в предприятии»¹⁵. В дальнейшем постановление СТО и приказ Народного комиссариата труда от 6 мая 1924 г. «О дополнительной оплате специалистов из особого фонда по индивидуальным договорам» ограничили дополнительные выплаты инженерно-техническим работникам 16—17 разрядом.

По данным Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР, из спецфондов по всей промышленности, кроме транспорта и сельского хозяйства, на доплату специалистам в 1924—1925 гг. выделялось 744 тыс. руб. в месяц, в 1925—1926 гг. — 1 млн руб. в месяц, в 1926—1927 гг. — 1 667 тыс. руб. в месяц, т. е. к 1927 г. выплаты выросли на 124 %. Сверхлимитных окладов (выше 360 руб.) по ВСНХ в 1925—1926 гг. выделено 80, из них 67 ставок до 475 руб. и 13 — выше 475 руб. В 1925—1926 гг. количество сверхлимитных ставок составило 177, из них 142 до 175 руб. и 35 выше 175 руб. В 1926—1927 гг. выделено 472 ставки, из них 375 до 475 руб. и 97 выше 475 руб.¹⁶

Система назначения и утверждения спецставок приводила к установлению полной зависимости специалистов от дирекции

предприятия. Списки инженеров, заслуживающих дополнительной оплаты, составляло заводоуправление, нередко находившееся под контролем директора. Далее списки отправлялись на утверждение в губернские органы НКТ, где мнение дирекции предприятия также играло не последнюю роль. К минусам такой системы можно отнести исключение инженерно-технических секций профсоюзов из распределения фонда. В итоге это создавало условия для произвола. Нередко родственные и протекционистские соображения служили факторами для определения величины заработной платы. Подобная практика приводила к нецелевому расходованию средств. На местах хозорганы за счет спецфондов доплачивали уборщицам, курьерам и др. Зачастую дирекция предприятий выплачивала надбавки всем специалистам. Это вело к тому, что величина доплаты значительно снижалась и составляла 5—10 руб. На втором пленуме ВМБИТ отмечалось большое количество нареканий по поводу неправильного расходования средств из спецфондов.

В 26 августа 1924 г. НКТ СССР издал циркуляр, в котором выделялись нарушения, допускаемые на местах в этом вопросе:

- 1) на местах пересматривали утвержденные центром фонды предприятий республиканского и даже всесоюзного значения,
- 2) самостоятельно устанавливали максимальный размер выплаты.

Для исправления ситуации в циркуляре вводились ограничения. Предприятия в пределах фонда заработной платы могли назначать оклады специалистам по своему усмотрению, но не выше 360 руб. При ведомствах создавались особые спецфондовые комиссии, утверждавшие заявки учреждений и ведомств. Местные органы НКТ могли утверждать оклады до 360 руб. Более высокие ставки устанавливались республиканскими и общесоюзными наркоматами труда¹⁷. В 1925 г. индивидуальные трудовые договоры со специалистами, заключавшиеся в дополнение к общему коллективному договору, стали обязательным условием для получения спецставок.

В 1926 г. индивидуальных договоров и связанных с ними выплат из спецфондов по 4 губерниям центрального промышленного района было заключено 5989. По губерниям они распределялись следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Количество ИТС, заключивших индивидуальный договор в 1926 г.¹⁸

Губернии	Число членов ИТС	Число членов, заключивших индивидуальный договор	
		Кол-во	%
Нижегородская	1372	221	16,1
Рязанская	745	39	5,23
Ярославская	741	92	12,41
Московская	3131	800	25,55

Как видно из таблицы, процент инженеров, заключивших индивидуальный договор, значительно колебался по разным губерниям. Наибольшее их количество приходилось на Московский регион — 25,55 %, что было вызвано большой концентрацией здесь высококвалифицированных специалистов.

Специалисты, которые заключили индивидуальные договоры, получали заработную плату как из основных фондов заработной платы, определенную коллективным договором, так и из особых фондов предприятий на дополнительную оплату ИТР. Главный недостаток состоял в том, что индивидуальные договоры заключались, как правило, со специалистами 16—17 разряда, а значит, касались узкого круга людей¹⁹. Назначение дополнительной оплаты из особого фонда по индивидуальным договорам вызывало недовольство со стороны других работников²⁰. Центральное Бюро инженеров и техников железнодорожников в 1927 г. констатировало, что система оплаты по индивидуальным договорам являлась «полной фикцией», приводила к произволу хозяйственных органов, и предлагало отказаться от них. Такого же мнения придерживались инженерно-технические секции²¹.

Таким образом, созданная система спецфондов в целом не удовлетворяла инженеров и вызывала критику со стороны профсоюзов.

Осенью 1922 г. ВЦСПС и НКТ разработал порядок выдачи дополнительных вознаграждений специалистам, занятым в государственных учреждениях, предприятиях и объединениях, в виде танъемов, премий и наград. Танъемы выдавались высшему административному персоналу (16—17 разряд тарифной сетки)

за счет полученной предприятием прибыли. Премии выдавались за снижение себестоимости продукции, внедрение изобретения и т. д. Однако все эти выплаты не могли превышать годовой госмаксимум. Как показала практика, попытка стимулировать таким образом труд специалистов не принесла значительных результатов. «Для получения премии, — писал один из инженеров Кулебакского Нижегородского завода, — приходится много работать по тем и другим усовершенствованиям. Но бывают случаи, что эксперты не принимают усовершенствование и тогда труд проходит даром»²². Кроме того, премии были привязаны к окладу, что влияло на их размер. В типовом коллективном договоре 1926 г. приводились следующие показатели: за уменьшение потерь сырья на 0,1 право на премию составляло 1 % от ставки, 0,5 — 50 %. В случае одной остановки работы размер премии сокращался на 30 %, двух остановок — на 60 %. Если учесть уровень технического оснащения заводов в 20-е гг. и качество сырья, то даже экономия в 0,1 % являлась достижением²³.

Простои заводов были частым явлением, особенно в начале 20-х гг. По данным ЦСУ РСФСР, за первые четыре месяца 1922 г. по Владимирской, Рыбинской, Калужской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской, Рязанской, Тульской, Тверской губерниям зафиксировано 133 737 часов простоя предприятий²⁴. В силу этого премии редко превышали 8 % от оклада.

Степень внедрения премирования в регионах и по отраслям производства была различной. В отчете губернского МБИТ Тверской губернии в 1924 г. отмечалось, что премирования ИТР практически не происходит. В Нижегородской губернии выдача премий была распространена в химической и металлургической отраслях²⁵.

Специалисты, входившие в профсоюз земли и леса, ее вообще не получали. ВЦСПС и ВСНХ СССР в 1924 г. вынуждены были особым письмом указать руководителям предприятий на необходимость введения премирования: «...с тем чтобы между заработной платой ИТР и рабочих наблюдался хоть какой-нибудь разрыв»²⁶.

На III Всесоюзном съезде инженеров и техников (7—8 апреля 1927 г.), касаясь вопроса премирования, констатировали: «...в этом отношении кое-что сделано, но не по существу, а формально. Формально ВСНХ, ВЦСПС издали соответствующие указания. Но на деле это не получило развития. И только в отдельных

секциях (горняков, металлистов, химиков) мы имеем успехи. У текстильщиков оно поставлено слабо»²⁷. Таким образом, система премирования так и не стала фактором стимулирования труда инженерно-технической интеллигенции.

Другим фактором, сказавшимся на уровне благосостояния инженерно-технической интеллигенции в начале 20-х гг., являлась денежная реформа и переход на исчисление заработной платы в твердой валюте. Для определения зарплаты в качестве единицы исчисления вводился товарный рубль. Исчисление товарного рубля по индексу Госплана запаздывало на две недели. Примерная стоимость товарного рубля на 1 декабря 1922 г. исчислялась по ценам 15 или 30 ноября. Между тем, разница между стоимостью товарного рубля, которая публиковалась губернскими комиссиями, и стоимостью рубля, по ценам губернских статистических бюро, на 1 декабря 1922 г. составила 18,7 %²⁸. В результате реальная заработная плата снижалась. В коллективные договоры разница курса не закладывалась. Позднее возникли проблемы при переходе от товарного рубля к золотому червонцу. Курс золотого червонца был подвержен значительному колебанию. Так, с ноября 1923 г. по январь 1924 г. червонный рубль по отношению к товарному рублю в Москве упал на 20 %²⁹. Это также оказывало влияние на реальную заработную плату.

В марте 1926 г. ВЦСПС провело анкетное обследование заработной платы ИТР. Среднемесячная заработная плата опрошенных инженерно-технических работников составляла 73,3 руб. при колебании для различных групп от 54 до 140 руб. Распределение числа ИТР с различным среднемесячным заработком представляло довольно пеструю картину. Две трети общего числа ИТР получали в пределах 26—75 руб.; более 25 % — от 76 до 150 руб.; группа с минимальным заработком в 23 руб. составляла 1,7 %, а с максимальным в 210 руб. — 3 %³⁰.

При сравнении со средним заработком квалифицированных рабочих выяснилось, что заработная плата основной массы анкетированных ИТР была ниже³¹.

Такие данные подтверждаются региональными органами ВМБИТ, которые провели свои обследования. В начале 1927 г., по данным Тверского МБИТ, в промышленных союзах (строителей, металлистов) оплата труда ИТР была ниже заработка квали-

фицированных рабочих³². Здесь, главным образом, влияли различия в системе оплаты труда. Рабочие получали по сдельной системе, в то время как ИТР — по ставкам. Это и приводило к тому, что заработная плата рядового инженера была ниже, чем у квалифицированного рабочего. Для характеристики величины оплаты труда в 1925 г. инженерно-технических работников можно привести следующие данные (табл. 4).

Как видно из таблицы, минимальный заработок ИТР был крайне низок и сравним с оплатой труда неквалифицированного рабочего.

Таблица 4

Величина оплаты труда инженерно-технических работников в 1925 г., руб.³³

	Союз металлистов		Союз строителей	
	min	max	min	max
Инженеры	49	600	35	450
Техники	47	350	20	280
Практики	52	360	28	180

В 1925 г. межсекционные бюро провели опрос с целью выяснить удовлетворенность инженерно-технических работников оплатой своего труда. В результате установлено, что в Москве своим доходом довольны 11 % инженеров и по Уралу — 33 %, во всех остальных регионах был получен отрицательный результат³⁴.

Если говорить о сверхурочном приработке, то информации об этом немного и она носит эпизодический характер. По материалам анкетного обследования, проведенного Тверским ГМБИТ в 1924 г., до 40 % инженеров и 10 % техников имели дополнительный заработок, главным источником которого являлась педагогическая деятельность. В среднем приработок составлял 6 товарных рублей в месяц и колебался от 1,6 руб. до 14 руб.³⁵ По данным инженерно-технических секций строителей, на 1 июня 1925 г. дополнительный доход от педагогической работы, экспертиз и пр. имели 10 % инженеров. Причем размер приработка составлял от 15 до 67 руб., в среднем 46 руб. На 1 января 1926 г. дополнительный источник дохода имели 5 % инженеров.

В среднем он равнялся 26 руб.³⁶, т. е. доля побочных заработков в доходах ИТР была незначительна и не могла существенно повлиять на размер общих доходов.

Таким образом, проводимая государством политика в области заработной платы не удовлетворяла основную массу инженеров. В основе действий государства в сфере заработной платы инженерно-технической интеллигенции лежали два принципа: эгалитаризм и дифференциации в оплате труда. Уравниловка для основной массы инженерно-технической интеллигенции сочеталась с введением дополнительной оплаты для сравнительно узкого круга инженеров в виде премий, спецфондов и тантьемов. Можно сказать, что политика государства в области оплаты труда инженерно-технической интеллигенции в первой половине 20-х гг. удовлетворяла интересы только высшего ее слоя. Тем самым создавались условия для возникновения социальной дифференциации.

Примечания

- ¹ Федюкин С. А. Привлечение буржуазной интеллигенции к социалистическому строительству. М., 1960. С. 31.
- ² Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918—1924 гг.). М., 2005 ; Пыстина Л. И. Льготы и привилегии в советской России в 1920-е годы (проблема изучения) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 31—34 ; Чебоксарова Т. Г. Производственная повседневность технической интеллигенции Западной Сибири в годы НЭПа : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007 ; Ильюхов А. А. Как платили большевики : политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917—1941 гг. М., 2010.
- ³ Шмидт В. Наша политика в области заработной платы // Вестник труда. 1925. № 9. С. 14.
- ⁴ См.: Пыстина Л. И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е — начале 1930-х гг. : (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. С. 21.
- ⁵ Ильюхов А. А. Указ. соч. С. 35.
- ⁶ Гуревич А. Заработная плата прежде и теперь. М., 1922. С. 126.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р. 5548. Оп. 1. Д. 9. Л. 58—59.
- ⁸ Там же. Л. 13.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Оп. 4. Д. 24. Л. 1.

- ¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.
- ¹² Там же. Ф. Р. 382. Оп. 5. Д. 118. Л. 27.
- ¹³ ГАРФ. Ф. Р. 5548. Оп. 2. Д. 13. Л. 181.
- ¹⁴ *Ильяхов А. А.* Как платили большевики. С. 336—337.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. Р. 5548. Оп. 1. Д. 22. Л. 5 ; Д. 77. Л. 436.
- ¹⁶ Там же. Оп. 6. Д. 4. Л. 9.
- ¹⁷ Там же. Ф. А. 390. Оп. 5. Д. 368. Л. 23.
- ¹⁸ Там же. Ф. Р. 5548. Оп. 6. Д. 6. Л. 38.
- ¹⁹ Там же. Ф. А. 390. Оп. 5. Д. 368. Л. 57.
- ²⁰ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 3139. Оп. 1. Д. 198. Л. 231.
- ²¹ ГАРФ. Ф. Р. 5548. Оп. 6. Д. 42. Л. 39.
- ²² Там же. Оп. 3. Д. 29. Л. 231.
- ²³ Там же. Оп. 8. Д. 64. Л. 18—19.
- ²⁴ Подсчитано автором по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 383. Л. 5, 24, 90, 111, 145, 194, 172, 245.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. Р. 5548. Оп. 6. Д. 41. Л. 143.
- ²⁶ Там же. Оп. 4. Д. 28. Л. 57.
- ²⁷ Там же. Оп. 6. Д. 6. Л. 121.
- ²⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 104. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
- ²⁹ Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 95.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. Р. 5548. Оп. 8. Д. 64. Л. 14.
- ³¹ Там же. Л. 15.
- ³² Там же. Оп. 6. Д. 41. Л. 225.
- ³³ Там же. Оп. 8. Д. 64. Л. 16.
- ³⁴ Там же. Л. 15.
- ³⁵ Там же. Оп. 3. Д. 39. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Оп. 8. Д. 64. Л. 15.

А. В. Зотова

МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Как известно, размер зарплаты — это в значительной мере выражение интересов государства в деятельности различных категорий специалистов. Во время войны они отражали заинтересованность страны в работе интеллигенции, направленной на укрепление обороны. С этой целью органы государственной власти старались материально стимулировать советских ученых, учителей, инженеров и других представителей интеллигенции.

К примеру, в 1941 г. средняя заработная плата производственного персонала на проектных работах в Ленинградском отделении Всесоюзного государственного треста по проектированию и изысканиям тепловых и электрических станций, сетей и подстанций была 896 руб. При этом средняя зарплата инженерно-технических работников составляла 982,5 руб., административно-хозяйственного персонала — 440 руб., рабочих — 442 руб., служащих — 392 руб.¹ То есть, самая высокая зарплата была не у представителей администрации, а у ИТР.

Подобная ситуация наблюдалась и в других НИИ. Например, средняя зарплата инженерно-технических работников Центрального конструкторского бюро 52 (ЦКБ-52) составляла 781,2 руб., служащих — 331 руб., рабочих — 338,5 руб.² В Академии коммунального хозяйства им. К. Д. Памфилова и в Государственном ордена Ленина оптическом институте в 1942 г. средняя зарплата научно-технического персонала составляла 700 руб.³

В 1943 г. средняя зарплата сотрудников институтов в основном осталась неизменной. Так, например, директор НИИ по-

© Зотова А. В., 2014

Зотова Анастасия Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича. anastasiyazotova@mail.ru

лучал зарплату 2000 руб. в мес., заведующий личным столом, секретарь института — 300 руб., начальник планового отдела, главный бухгалтер — 650 руб., заместитель главного бухгалтера — 395 руб., завхоз — 400 руб., старшая машинистка — 225 руб., заведующий библиотекой — 400 руб., библиограф — 263 руб., замдиректора по научной части — 1900 руб., старший научный сотрудник, имевший ученую степень кандидата наук, — 1050 руб., старший научный сотрудник без ученой степени — 800 руб., старший инженер — 1000 руб., инженер — 800 руб.⁴ На Гидроэкспериментальной электростанции и на Опытном заводе Центрального котлотурбинного института в тот период зарплата административно-управленческого персонала составляла в среднем около 400 руб.⁵, в то время как рабочие получали — 655 руб., инженерно-технические работники — 1018 руб., служащие — 533 руб., охрана — 243 руб., работники подсобного хозяйства — 397 руб.⁶

С 1 октября 1943 г., в один из напряженнейших периодов войны, произошло повышение зарплат преподавателям, директорам и заместителям директоров по учебной части техникумов, средних медицинских и правовых школ, художественных, музыкальных, театральных и хореографических училищ и рабфаков. К примеру, преподаватели с высшим образованием стали получать 525—550 руб., без высшего образования — 500—525 руб. Директора, имевшие высшее образование, в учебных заведениях, где число учащихся не достигало 300 человек, стали получать зарплату в размере 850 руб., а там, где количество превышало 300 человек, 1000 руб. Директора, не имевшие высшего образования, получали соответственно 750 и 850 руб. Заместители директоров по учебной части с высшим образованием зарабатывали соответственно 750 и 850 руб., без высшего образования — 650 и 750 руб.

Ставка представляла собой 3 преподавательских часа в день. За дополнительные часы предполагалась дополнительная оплата труда⁷.

С 1944 г. в СССР осуществлялся постоянный рост заработных плат. В первую очередь он коснулся представителей интеллигенции. В 1945 г. увеличение зарплат распространилось и на многие другие отрасли экономики⁸.

С 1 февраля 1944 г. были повышены ставки заработных плат работникам связи Наркомречфлота. Представляет интерес тот факт, что за повседневное использование на работе иностранных языков зарплата сотрудников увеличивалась: за знание и применение одного иностранного языка — на 10 %, нескольких языков — до 20 %. Также были повышены надбавки за работу на дополнительных системах телеграфных аппаратов до 40 руб. в месяц за каждую дополнительную систему⁹.

Постановлением СНК СССР от 12 июня 1944 г. № 710 с 1 июня 1944 г. были повышены зарплаты учителям школ для неграмотных и малограмотных и школ для взрослых. Зарплата варьировалась в зависимости от стажа учителя от 400 руб. до 575 руб. Директорам этих школ зарплата была повышена в зависимости от количества учащихся и наличия у директора высшего образования — от 400 до 650 руб. Учителя, проверявшие письменные работы учеников, дополнительно получали 60 руб. в месяц¹⁰.

Постановлением СНК СССР от 16 августа 1944 г. № 1114 с 1 августа 1944 г. были повышены зарплаты работникам массовых и школьных библиотек, библиотек при высших и средних учебных заведениях, государственных публичных и научных библиотек. В зависимости от стажа и образования библиотекари стали получать от 325 до 550 руб. За заведывание библиотекой была установлена надбавка в размере 15—35 %. Заведующим отделениями массовых библиотек стали выплачивать дополнительно 15 % ставки. Для библиотекарей, владевших иностранными языками и применявших их в своей работе, была установлена дополнительная оплата в размере 15 % ставки.

Директора библиотек первой категории получали 1800 руб., второй категории — 1500 руб., третьей — 1200 руб. Заместители директоров по научной части получали соответственно 1600, 1300, 1000 руб. в месяц. Заведующие филиалами, отделениями, отделами, главные библиотекари, главные библиографы получали от 900 до 1500 руб. Старшие редакторы и редакторы-специалисты — от 800 до 1200 руб.; старшие библиографы, библиографы-редакторы, методисты — 800—1000 руб.; старшие библиотекари, библиографы, инструкторы, инспекторы — 650—950 руб.; библиотекари, переводчики — 550—800 руб.;

помощники библиотекарей — 325—425 руб.; библиотечные техники — 250—350 руб.¹¹

Врачи-эксперты врачебно-трудовых экспертных комиссий со стажем работы от 5 лет стали получать от 690 руб. до 1100 руб. Врачам — старшим инспекторам по врачебно-трудовой экспертизе была назначена зарплата в размере 1105 руб. За кандидатскую степень государство доплачивало ученым 100 руб. в месяц, за докторскую — 200 руб.¹²

С 1 марта 1945 г. были установлены оклады для директоров вузов первой категории — 2500 руб., второй категории — 2300 руб., третьей — 2000 руб.¹³

Зарплата инспекторов школ отделов народного образования тоже увеличилась и составила от 800 до 1200 руб. в зависимости от стажа работы специалиста¹⁴.

Главные бухгалтеры служб и отделов в управлениях железных дорог стали получать от 800 до 1300 руб.; главные бухгалтеры линейных хозяйственных организаций — 700—1000 руб.; старшие бухгалтеры, старшие тарифоведы — 550—650 руб., бухгалтеры, старшие кассиры, тарифоведы — 400—500 руб., кассиры — 350—400 руб., старшие счетоводы, старшие таксировщики — 300—350 руб., счетоводы, расценщики, статистики, таксировщики — 275—325 руб.¹⁵

С 1 декабря 1944 г. оклады увеличились и у работников клубов профсоюзов. Председатели правлений клубов в зависимости от количества мест в зрительном зале (до 300, от 300 до 800 или от 800 и более мест) стали получать от 500 до 1200 руб. в месяц, председатели дворцов, домов культуры 900—1300 руб.¹⁶

С 1944 г. зарплата начальника земельного отдела составляла от 1000 до 1300 руб., зарплаты сотрудников земельных отделов тоже повысились: инженер-механизатор стал получать 700—900 руб., старший инженер — 800—1000 руб., главный инженер — 900—1200 руб.¹⁷

С 1 декабря 1944 г. главные агрономы райземотделов в зависимости от стажа работы (до 3 лет, от 3 до 10 лет, свыше 10 лет) получали от 650 до 850 руб. Землеустроители, агролесомелиораторы, мелиораторы, торфмейстеры, инженеры и техники — 400—650 руб. В зависимости от наличия у специалистов высшего образования инструкторы-организаторы стали получать

от 400 до 500 руб., инструкторы-бухгалтеры — 400—500 руб., бухгалтеры — 300—400 руб., статистики — 250—300 руб.¹⁸

Средняя заработная плата сотрудников Государственного банка к началу 1945 г. составляла 466 руб.¹⁹ В Сельхозбанке в 1944 г. управляющий городской или областной конторой получал 1500 руб., начальник отдела финансирования — 1300 руб., старший инспектор — 832 руб., инспектор — 675 руб., главный бухгалтер — 1500 руб., старший бухгалтер — 585 руб., бухгалтер — 535 руб., ревизор — 720 руб., завхоз — 300 руб., секретарь-машинистка — 300 руб., машинистка — 200 руб., шофер — 350 руб., курьер-уборщица — 115 руб.²⁰

У работников местных органов ЦСУ Госплана СССР также повысились зарплаты. Городской инспектор стал получать 1100—1300 руб., районные инспекторы в городе — 900 руб., старшие статистики, инструкторы по бюджетным обследованиям — 450 руб., статистики — 350 руб. Участковые инспекторы в зависимости от стажа зарабатывали 300—400 руб.²¹

Постановлением СНК СССР от 5 апреля 1945 г. № 676 был установлен порядок назначения персональных окладов специалистам, обладавшим выдающимися познаниями и опытом в порученном им деле, занятым на основных участках работы предприятия. Подобного рода специалисты получали в месяц 150 % должностного оклада, но не выше 3000 руб. в наркоматах и центральных учреждениях СССР первой группы и входивших в их систему учреждениях, предприятиях, организациях союзного значения. В остальных наркоматах и центральных учреждениях СССР ограничения по выплатам составляли не более 2200 руб.²²

С 1 сентября 1943 г. порядок назначения стипендий учащимся вузов и техникумов, кроме Московского и Ленинградского университетов, изменился. Так, студентам первого курса была назначена стипендия в размере 140 руб. в месяц, второго курса — 160 руб., третьего и четвертого — 185 руб., пятого — 210 руб. В техникумах студенты первого курса получали — 80 руб., второго — 100 руб., третьего — 120 руб., четвертого — 140 руб. Отличникам стипендия увеличивалась на 25 %. Аспирантам выплачивалась стипендия в размере 600 руб. в месяц²³.

В 1943—1944 гг. зарплаты сотрудников Всесоюзного НИИ переработки и использования топлива были такими: директор

получал 2200 руб., замдиректора по научно-технической части — 2100 руб., научный руководитель лаборатории, доктор наук — 1300 руб., старший инженер — 1100 руб., начальник лаборатории и старший научный сотрудник — 1000 руб., помощник директора по административно-хозяйственной части, а также главбух — 900—1100 руб., младший научный сотрудник и инженер-экономист — 800 руб., начальник охраны — 700 руб., товаровед — 600 руб., заместитель главбуха, завскладом — 500 руб., лаборант, кассир-инкассатор — 400—500 руб., секретарь — 600 руб., машинистка и кладовщик — 350 руб., охранник — 260 руб., истопник — 250 руб., вахтер — 230 руб., дворник — 200 руб., курьер-уборщица — 180 руб.²⁴

В 1945 г. в том же институте зарплаты некоторых категорий специалистов были увеличены. Так, заместитель главного бухгалтера стал получать на 300 руб. больше, его зарплата составила 800 руб. в месяц, начальник лаборатории, имевший степень доктора наук, стал получать — 2000 руб., начальник лаборатории, имевший степень кандидата наук, — 1500 руб., зарплата старшего научного сотрудника повысилась на 200 руб. и составила 1200 руб., главный механик стал получать 1100 руб., а инженер 900 руб. Начальник мастерской зарабатывал 850 руб., электромонтер, столяр и стеклодув — по 500 руб., слесарь, сварщик, водопроводчик, токарь — 400 руб.²⁵

Были и исключения из правил. В таблице представлена производительность труда (выработка) и средняя заработная плата одного работника Центрального научно-исследовательского Котлотурбинного института в месяц (в руб.)²⁶

	1940 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.		
				В абсол. цифрах	в % к	
					1940 г.	1944 г.
Выработка:						
а) план	1295	1294	1680	1450	112,0	86,5
б) фактическая	1347	1543	1739	1545	114,5	89,0
Средняя зарплата:						
а) план	554	865	1003	875	158,0	87,0
б) фактическая	597	990	983	865	143,5	87,4

Так, в Центральном научно-исследовательском котлотурбинном институте среднемесячная зарплата в 1940 г. составляла 597 руб., в 1943 г. она повысилась до 990 руб., в 1944 г. она была 983 руб., а в 1945 г., несмотря на повышение производительности труда, произошло ее снижение до 865 руб.²⁷

Для сравнения зарплат в НИИ и на заводах представляют интерес сведения многотиражных газет Ленинграда военного периода. Из этих материалов можно, в частности, сделать вывод о том, что на ленинградских заводах, таких как, например, «Кировский завод», «Электросила», фабрика «Красное знамя» и других, средняя зарплата рабочих составляла 500—800 руб., дворников — 180 руб. и т. д.²⁸, т. е. зарплата высокооплачиваемого инженера завода соответствовала зарплате младшего научного сотрудника или аспиранта НИИ.

Таким образом, материальное стимулирование интеллигенции наблюдалось на протяжении всего периода войны. Когда в конце января 1944 г. блокада Ленинграда была снята, повышение зарплат в первую очередь коснулось интеллигенции, и лишь потом всех остальных категорий специалистов. В связи с этим интеллектуальный труд ученых оценивался зачастую наравне с трудом высокопрофессиональных инженеров и военнослужащих, отличившихся уничтожением значительных сил противника.

В качестве примера нужно заметить, что во время Великой Отечественной войны ректор вуза или директор НИИ получали ту же зарплату, что и летчик-испытатель первого класса, проректор по научной работе зарабатывал на $\frac{1}{4}$ больше, чем управляющий банком. Кстати, такую же зарплату, как и у управляющего банком, получали библиотекарь второй категории, заместитель директора библиотеки по научной части, главный библиограф. Кандидат наук, доцент, а также старший редактор, методист, библиотекарь, переводчик зарабатывали столько же, сколько и бухгалтер, а сам бухгалтер получал зарплату, равную стипендии аспиранта.

Взвешенный и сбалансированный подход Советского государства к материальной оценке труда интеллигенции в годы войны повышал ее авторитет, стимулировал людей к добросовестному труду, профессиональному росту и, главное, свидетельствовал о социальной справедливости и понимании руководством государства роли интеллигенции в жизни страны.

Примечания

- ¹ Северо-Западное отделение Всесоюзного государственного треста по проектированию и изысканиям тепловых и электрических станций, сетей и подстанций : годовой отчет за 1941 год : финансовая часть // Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее — ЦГАНТД СПб.). Ф. 28. Оп. 1—1. Д. 29. Л. 6.
- ² Главное управление ЦКБ-52 : годовой отчет за 1941 г. // Там же. Ф. 346. Оп. 1—1. Д. 30. Л. 17.
- ³ См. подробнее: Ленинградский НИИ Академии коммунального хозяйства им. К. Д. Памфилова. 1942 г. // Там же. Ф. 275. Оп. 1—1. Д. 41. Л. 24 ; Государственный ордена Ленина оптический институт : планово-производственный отдел : смета института на 1942 г. // Там же. Ф. 169. Оп. 1—4. Д. 508. Л. 2.
- ⁴ См., напр.: Смета и штатное расписание Ленинградского НИИ Академии коммунального хозяйства им. К. Д. Памфилова на 1943 г. // Там же. Ф. 275. Оп. 1—1. Д. 50. Л. 10, 12.
- ⁵ ГЭЭС и Опытный завод Центрального котлотурбинного института : планово-производственный отдел : штатные расписания, сметы, производственно-финансовый план на 1943 г. // Там же. Ф. 222. Оп. 1—1. Д. 101. Л. 4.
- ⁶ Там же. Л. 5.
- ⁷ Инструктивное письмо НКФ Союза ССР от 30 октября 1943 г. № 713 о повышении заработной платы преподавателям, директорам и заместителям директоров по учебной части техникумов, средних медицинских и правовых школ, художественных, музыкальных, театральных и хореографических училищ и рабфаков // Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам. 1943. № 11/12. С. 12—13.
- ⁸ См., напр.: Гипрометиз : годовой отчет по основной деятельности за 1945 год // ЦГАНТД СПб. Ф. 3. Оп. 1—1. Д. 12. Л. 8.
- ⁹ Инструктивное письмо НКФ Союза ССР от 28 марта 1944 г. № 158 о повышении заработной платы отдельным категориям работников связи Народного комиссариата речного флота // Сборник постановлений, приказов и инструкций... 1944. № 6. С. 15.
- ¹⁰ Инструктивное письмо НКФ СССР от 26 июня 1944 г. № 342 о повышении заработной платы учителям школ для неграмотных и малограмотных и школ повышенного типа для взрослых // Там же. № 7/8. С. 13—14.
- ¹¹ Инструктивное письмо НКФ СССР от 25 августа 1944 г. № 455 о повышении ставок заработной платы работникам массовых и школьных

- библиотек, библиотек при высших и средних учебных заведениях, государственных публичных и научных библиотек // Там же. № 10/11. С. 15—16.
- ¹² Инструктивное письмо НКФ СССР от 14 ноября 1944 г. № 633 о должностных окладах врачей врачебно-трудовой экспертизы // Там же. 1945. № 1/2. С. 16.
- ¹³ Инструктивное письмо НКФ СССР от 3 марта 1945 г. № 123 о должностных окладах для директоров вузов // Там же. № 4/5. С. 13.
- ¹⁴ Инструктивное письмо НКФ СССР от 23 мая 1945 г. № 265 о штатах и ставках заработной платы инспекторов школ // Там же. № 6. С. 16—17.
- ¹⁵ Инструктивное письмо НКФ СССР от 25 августа 1944 г. № 459 о должностных окладах счетно-бухгалтерских работников управлений железных дорог, контор и линейных хозяйственных организаций железнодорожного транспорта // Там же. 1944. № 12. С. 14.
- ¹⁶ Инструктивное письмо НКФ СССР от 20 января 1945 г. № 24 о зарплатах работников клубов профсоюзов // Там же. 1945. № 3. С. 17.
- ¹⁷ Зарплата начальника земельного отдела // Там же. 1944. № 1/2. С. 17.
- ¹⁸ Инструктивное письмо НКФ СССР от 12 января 1945 г. № 13 о ставках зарплат и премировании агрономов и других работников райземотделов // Там же. 1945. № 4/5. С. 7—11.
- ¹⁹ Годовой кредитный отчет Ленинградской конторы Госбанка за 1944 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб.). Ф. 1289. Оп. 33. Д. 38. Л. 42.
- ²⁰ Годовой отчет конторы Сельхозбанка за 1944 г. // Там же. Ф. 7279. Оп. 2. Д. 34. Л. 98.
- ²¹ Инструктивное письмо НКФ СССР от 14 марта 1945 г. № 148 о должностных окладах работников местных органов ЦСУ Госплана СССР // Сборник постановлений, приказов и инструкций... 1945. № 4/5. С. 14.
- ²² Инструктивное письмо НКФ СССР от 4 мая 1945 г. № 237 о порядке назначения персональных окладов // Там же. № 6. С. 13.
- ²³ Инструктивное письмо НКФ СССР от 25 сентября 1943 г. № 621 о размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах // Там же. 1943. № 11/12. С. 11—12.
- ²⁴ См. подробнее: Штатное расписание и сметы расходов по Ленинградскому филиалу института на 1943 г. // ЦГАНТД СПб. Ф. 304. Оп. 1—1. Д. 58. Л. 2—3 об. ; Штатное расписание и сметы расходов по институту на 1944 г. (Ленинградский филиал) // Там же. Д. 75. Л. 2.
- ²⁵ Всесоюзный научно-исследовательский институт переработки и использования топлива (ВНИИТ) Управления химической промышленности Ленинградского Совета народного хозяйства (Ленсовнархоза) : штатное

- расписание Всесоюзного научно-исследовательского института по переработке сланцев «ВНИИПС» на 1945 г., утвержденное Государственной штатной комиссией при СНК СССР 27.12.1944 г. и 19.3.1945 г. // Там же. Ф. 304. Оп. 1—1. Д. 96. Л. 8—11.
- ²⁶ Народный комиссариат тяжелого машиностроения Главкотлотурбопром : Центральный научно-исследовательский Котлотурбинный институт : крат. отчет о деятельности Центрального котлотурбинного института за 1945 г. // Там же. Ф. 222. Оп. 1—1. Д. 129. Л. 4.
- ²⁷ Центральный научно-исследовательский котлотурбинный институт : отчет за 1944 г. по основной деятельности института // Там же. Ф. 222. Оп. 1—1. Д. 112. Л. 13.
- ²⁸ См. подробнее: *Маликов В.* Цех, где председателем цехкома т. Чернавин : помогаю отцу-фронтовику // За трудовую доблесть. 1943. 5 июня ; *Ломьши Н.* Цех, где председателем цехкома т. Логинова : всей семьей // Там же ; *Смирнова П.* От всей души // Клич Родины. 1943. 5 июня ; *Соколова А.* Швея-стахановка : на танки и самолеты // Фронтровая подруга. 1944. 5 мая ; *Чижевская З.* Список открыла Ахтырченко // Там же.

ББК 63.3(2)53-283.2-38

Д. П. Каранов

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

В современных исследованиях, посвященных проблемам этнокультурного развития этнических обществ, значительное внимание уделяется инициаторам этого процесса. Обычно ими выступают индивиды и группы, чьи действия влекут положительное изменение культурных компонентов, преобразование этнического сознания и прочие значимые для этнического обще-

© Каранов Д. П., 2014

Каранов Дмитрий Павлович — аспирант кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). karanov@inbox.ru

ства трансформации. Как правило, эти индивиды и группы обладают необходимыми возможностями, обусловленными их социальным положением, которое создает основу для осуществления воздействия. Аристократы, чиновники, коммерсанты и другие привилегированные слои населения могут рассматриваться в таком ракурсе. Однако чаще всего исследователи обращают свое внимание на интеллигенцию. Именно с этой группой связывают распространение национализма и иных политических принципов, именно ей приписывают ответственность за политическую активизацию масс в XIX в. и именно ее рассматривают как «выразителя интересов народа»¹. Наравне с политической функцией, интеллигенции свойственна этнокультурная функция, выраженная в консолидации групп, составляющих этническое общество. Следуя описанным выше принципам, данная работа призвана раскрыть роль интеллигенции в этнокультурном развитии ингерманландских финнов XIX — начала XX в.

Историю возникновения ингерманландских финнов обычно связывают с началом XVII в., когда Ижорская земля отошла к Швеции по Столбовскому мирному договору 1617 г. Православное население, обложенное шведами непомерными налогами (в том числе налогом на религию), было вынуждено покинуть родные края. Желая заселить опустевшие земли своими подданными, с целью закрепления за собой новых территорий, Шведское королевство проводило политику поддержки миграции финских крестьян в новую провинцию, которая стала называться Ингерманландия. Переселенцам давались налоговые послабления, они освобождались от рекрутской повинности, что в те времена было весомым аргументом в пользу переезда. После возвращения, по итогам Северной войны, приневских земель в состав России, финны не пожелали уезжать с обжитых мест. Они и некоторая часть ассимилированных ижорцев и вожан составили этническую основу ингерманландских финнов.

Интеллигенция ингерманландских финнов может быть разделена на две связанные между собой профессиональные группы: лютеранские священнослужители и учителя. Эти группы выделяются при внимательном рассмотрении истории ингерманландских финнов XIX — начала XX в. Их связь обусловлена как

нахождением в одном поле социальной системы ингерманландских финнов, так и по причине их исторической связи друг с другом. Так, лютеранская церковь явилась инициатором возникновения Колпанской семинарии, ставшей центром подготовки учителей для финских церковно-приходских, а позднее — народных школ.

Священники и учителя составляли интеллигенцию в широком смысле этого слова, как лица занятые умственным трудом, обеспечивающие духовные и образовательные потребности народа. Формирование их в качестве интеллигенции связано с разными историческими периодами: лютеранское священство такой группой можно считать начиная с 1820-х гг., т. е. после церковных реформ епископа Закариаса Сигнеуса, сумевшего навести порядок в финских лютеранских приходах Санкт-Петербургской губернии; учительская интеллигенция появилась во второй половине 1860-х гг. и оформилась как группа к началу XX в. Их деятельность стала мощным фактором, оказавшим значительное воздействие на этническую общность ингерманландских финнов в конце XIX — начале XX в.

В истории ингерманландских финнов навечно останутся имена выдающихся пасторов, которые, несмотря на давление со стороны государства (сначала Российской империи, а затем СССР), буквально создавали ингерманландскую культуру. Отто Рокканен, настоятель прихода Маркова-Ярвисаари, в 1874 г. открыл первую воскресную школу, а с 1884 г. входил в редакцию газеты «Inkegi», вплоть до ее первого закрытия в 1905 г. Адольф Хаккарайнен, главный пастор церкви св. Марии, в 1882 г. основал «Финское благотворительное общество», главная цель которого — организация культурно-просветительских мероприятий². А. Ф. Силен, Хедли Бромс, Алоис Пийспанен, Селим Лауриккала, Феликс Реландер и десятки других священнослужителей смогли дать толчок этнокультурному развитию ингерманландцев.

Священнослужители, занимавшиеся удовлетворением духовных потребностей лютеран Петербурга и его окрестностей, прибывали из других этнокультурных сред. В большинстве случаев ими оказывались финны (финляндские), эстонцы, немцы и шведы³. В этом нет ничего удивительного, т. к. данные народы

связывала с ингерманландцами общая конфессиональная принадлежность — лютеранство. При этом Финляндия была основным поставщиком лютеранских священнослужителей. В период с 1810 по 1865 г. в Ингерманландии работало 95 пасторов, из которых 5 человек приехали из Прибалтики, 11 — родились в Ингерманландии, а остальные прибыли из Финляндии⁴.

В Ингерманландию ехали, как правило, молодые пасторы, так как, с одной стороны, здесь заработок был больше, чем в Финляндии, а с другой — имелись более привлекательные карьерные перспективы. Например, они сразу занимали пост пастора и могли самостоятельно управлять своим приходом, что в Финляндии было невозможно. Из-за дефицита священнослужителей нередко возникала ситуация, когда один пастор обслуживал одновременно 2 или 3 прихода. Например, в 1890 г. сразу три прихода остались без священнослужителей⁵.

Пасторов, приезжавших работать в Ингерманландию, местное лютеранское население уважало и ценило. Они не только удовлетворяли духовные потребности прихожан, но и часто консультировали последних относительно вопросов прикладного характера, таких как сельское хозяйство. Знания и авторитет пастора подкреплялись тем, что многие из них добивались значительных успехов в животноводстве и огородничестве и увлеченно занимались этим делом, совмещая его со своими прямыми обязанностями. Сохранилась информация, что в 1878 г. в пасторате⁶ Лемболово содержалось 25 коров, в Шпаньково — 22, Белоострове — 13, Котлах — 8, а в Дудергофе — 8⁷.

В газете «Inkeri» в 1894 г. так описывалась роль пастора в ингерманландском обществе: «Неоценимо велико значение священника в среде нашего народа. От него, почти исключительно от него зависит — в такой мере, в какой только может зависеть от человека — не только собственно религиозная, но и вообще всякая интеллектуальная, нравственная, а также национальная общественная жизнь в нашем сельском приходе. <...> Он занимает у нас почетное место и влиятельное положение, причем с незапамятных времен»⁸.

Должность пастора, помимо перспектив и привилегий, содержала определенные сложности. Пастору ингерманландского

прихода необходимо было владеть как минимум тремя языками: немецким, русским и финским. Официальным языком лютеранской церкви был немецкий, на нем осуществлялась переписка между церковью и государственными органами, а также между церковным управлением и пасторами. После 1892 г. все документы и вся официальная переписка с внешними министерствами должны были осуществляться на русском, но внутрицерковные дела продолжали вестись на немецком языке. Что касается финского, то на нем говорила основная масса прихожан лютеранских приходов. На этом же языке проводились службы⁹. Помимо языкового барьера, на ингерманландского пастора возлагалась большая ответственность, ведь с начала XVIII — по вторую половину XIX в. пастор был представителем и выразителем интересов крепостного ингерманландского крестьянина. Зачастую он являлся единственным посредником между крестьянской общиной и владельцем поместья¹⁰.

Пастор был не единственным представителем сельской интеллигенции. В его делах ему активно помогали канторы. В должностные функции кантора входила помощь пастору в церковных делах: крещении детей, отпевании умерших, проведении служб и т. д.¹¹ В отсутствие пастора кантор полностью замещал его. Нередко канторы, владевшие русским языком, оказывали пасторам, прибывшим из Финляндии, огромную помощь в ведении дел и, прежде всего, в переводе с русского языка. Канторам вменяли в обязанность создание и руководство церковным хором при кирхе. Зачастую кантор работал учителем в местной школе, а также выполнял работу писаря. Как пишет финский историк Суло Халтсонен, канторы в Ингерманландии, в большинстве случаев, были «свои», т. е. являлись выходцами из местной крестьянской среды¹².

Лютеранская церковь была основным организатором просвещения ингерманландского крестьянства вплоть до 1918 г. Она ставила перед собой конкретные задачи, направленные на ликвидацию безграмотности, распространение знаний (в том числе религиозных), сохранение финского языка, воспитание патриотизма и т. д. Лютеранская церковь создавала церковно-приходские школы и вела их дела вплоть до 1890 г., т. е.

до передачи их под контроль Министерства народного просвещения. И даже после того, как она лишилась школ, казалось бы, важнейшего средства воздействия на финноязычных жителей губернии, она не утратила своего авторитета.

На рубеже XIX—XX вв. лютеранские священнослужители смогли организовать интенсивное развитие альтернативного канала влияния — воскресных школ. Занятия в таких школах проходили по воскресеньям. Учителем обычно являлся грамотный крестьянин, уполномоченный на это дело пастором или кантором. Основным предметом была религия, но дети обучались и пению, причем пели не только духовные песни, но и патриотические¹³. Священнослужители старались придать определенную системность и организованность воскресным школам, для чего было решено проводить собрания учителей каждые три года. На первом собрании учителей воскресных школ, которое прошло в пос. Колпаны в 1909 г., присутствовало 326 человек, включая пасторов¹⁴. Уже к 1912 г. в одном только приходе Токсово было 50 школ и 195 учителей!¹⁵

Но наиболее выдающимся шагом лютеранского духовенства в лице Генеральной евангелическо-лютеранской консистории стало учреждение Колпанской семинарии — «кузницы национальных кадров Ингерманландии». Этому способствовали постепенное увеличение количества финнов-ингерманландцев и объективные условия того времени, требовавшие развития сети начальных образовательных учреждений. Само развитие, в свою очередь, тормозило отсутствие подготовленных учителей. Существовал также и дефицит священнослужителей — пасторов и канторов. Эти проблемы руководство евангелическо-лютеранской церкви попыталось (небезуспешно) решить с помощью создания финноязычного духовного педагогического учебного заведения на территории Санкт-Петербургской губернии.

Открытие учительской семинарии состоялось 4 сентября 1863 г. в пос. Малые Колпаны. Место было выбрано не случайно, ведь именно здесь император Павел в 1775 г. за свой счет построил первую финскую школу. В дискуссии, предшествовавшей появлению семинарии, не раз озвучивались предложения расположить учебное заведение в Петербурге, но они не находили

поддержки. Лютеранские пасторы «боялись влияния и последствий отсутствия домашней жизни, соблазнов, предлагаемых в жизни большого города, опасаясь того, что молодые мужчины, отдаляясь от отношений сельской жизни, в случае достижения успеха уже не смогут туда обратно вернуться»¹⁶.

Срок обучения включал три года. Из-за ограниченности средств, семинария могла содержать только одну группу в течение этого времени. К юношам, поступавшим в Колпанскую семинарию, предъявлялись довольно строгие требования. Известно, что абитуриент должен уметь читать и писать по-фински и по-русски, знать Библию, знать наизусть Малый Катехизис Лютера, иметь представление об основах арифметики, интересоваться музыкой и иметь опрятный внешний вид. Вводились и возрастные ограничения — в семинарию принимались молодые люди от 15 до 20 лет¹⁷.

Колпанская семинария стала основным социальным лифтом ингерманландских финнов. За более чем 50 лет существования (1863—1919) она подготовила свыше 250 учителей, составивших ядро ингерманландской интеллигенции. Благодаря существованию данного заведения к 1910-м гг. Ингерманландия могла сама себя обеспечивать педагогическими кадрами, выйдя в этом отношении из зависимости от Финляндии. По образному выражению епископа Л. Хассинена, семинария «стала источником света для финнов Ингерманландии»¹⁸. В одной из статей в сборнике, посвященном полувековому юбилею семинарии, ее значение было оценено следующим образом: «Если бы семинария не подготовила нам учителей и руководителей, то наши соплеменники бродили бы еще во тьме духовного рабства, и вряд ли бы даже часть их могла бы возвыситься до национального самосознания, ингерманландцы не привыкли бы считать друг друга членами одного и того же племени, которых крепко соединяет общий родной язык, общее наследие предков и общая судьба»¹⁹.

В 1863 г. в семинарию поступили Паавали Хирвонен, Александери Хюнинен, Йохан Куйванен, Йозеф Отсалайнен, Александери Поккинен, Пиетари Поккинен, Моозес Путро, Андреас Пюённен, Адам Руотси, Матиас Сирккунен, Юханес-Якоб Талус, Абрам Тииснекка и Самули Весикко²⁰. Двое из них,

Паавали Хирвонен и Самули Весикко, покинули семинарию спустя год после поступления, однако работали учителями в церковных школах. Остальные успешно окончили Колпанскую семинарию, получив дипломы учителей и канторов.

Первый выпуск семинарии подарил ингерманландским финнам одним из самых ярких культурных деятелей — композитора и преподавателя Моозеса Путро (1848—1919) и журналиста и редактора Абрама Тииснекку (1845—1911). Тииснекка после окончания семинарии работал учителем в сельских школах. С начала 1870-х гг. он использовал свое природное любопытство и остроумие для работы журналистом в первых финских газетах Петербурга, в частности «*Pietarin sanomat*», где печатался под псевдонимом Т-kk²¹. Он готовил новости о финских окрестностях Петербурга для газет и журналов Финляндии. В свою очередь, Путро вошел в историю как талантливый органист, преподаватель Колпанской семинарии, создатель объединенного финского хора, редактор газеты «*Inkeri*» с 1885 по 1905 г. и заслуженно считается наиболее почитаемым ингерманландским композитором²². Моозес Путро стал автором национального гимна ингерманландских финнов «*Nouse Inkeri*» и многих других патриотических песен. Он являлся инициатором и руководителем первого национального певческого праздника, прошедшего в 1899 г. в деревне Пудость²³.

Колпанская семинария оказалась чрезвычайно плодотворной: практически каждый выпуск, помимо 10—15 молодых школьных учителей, давал ингерманландской культуре несколько талантов, встававших на передовую ингерманландского культурного развития. В выпуске 1870 г. в числе 9 молодых учителей такими талантами, безусловно, были учитель и писатель Габриэль Суни (1843—1903) и преподаватель Антти Куйванен (1851—1902)²⁴. Третий выпуск, состоявшийся в 1873 г., принес ингерманландским финнам 10 учителей, среди которых можно выделить будущего преподавателя Колпанской семинарии Юсо Якимайнена. Следующие выпуски были также обильны на таланты. Семинарию окончили музыканты Микко и Юхо Суси, Юхо Пентикяйнен, Эмил Суни, Юсо Мустонен, Томми Хирвонен и А. Коски²⁵; журналисты и писатели Пааво Ряйкконен, Ааппо Весикко,

Аатами Халтсонен, Юхо Коккенен, Микко Каасолайнен и др.; актер финского национального театра Иисакки Латту; лидер национального движения, директор Колпанской семинарии, главный редактор газеты «Neva» Каапре Тюнни; и т. д. Все выпуски семинарии до 1912 г. и количество обучавшихся в ней представлены в таблице²⁶.

Год выпуска	Кол-во обучавшихся
1866	13
1870	9
1873	10
1876	16
1879	11
1884	14
1888	11
1892	17
1896	14
1900	19
1904	31
1908	30
1912	27
Всего	222

Собственные учителя пользовались значительным уважением в среде ингерманландских финнов, но их количество было невелико. Из 229 учителей, работавших в финских народных школах Санкт-Петербургской губернии на 1913 г., только 85 закончили Колпанскую семинарию²⁷. Они становились инициаторами создания различных кружков, песенных обществ, клубов, общественных библиотек и т. д. И хотя финское учительство было плотно связано с лютеранской церковью, но все же представляло иную социальную группу. Ее важнейшими харак-

теристиками были организованность и чувство ответственности перед соплеменниками.

Организованность поддерживалась благодаря развивавшимся с 1870-х гг. общественным организациям. Одним из первых объединений стало созданное Моозесом Путро в 1872 г. «Pietarin Suomalainen Laulaseura» (Петербургское финское певческое общество)²⁸. Сам Путро был его бессменным руководителем вплоть до своей смерти в 1919 г. Среди общественных организаций немзыкального характера особое место принадлежало обществам трезвости «Alku» (Начало) и «Inkeri». Общество «Alku» учредили 4 финских купца в 1885 г.²⁹ В его цели входила популяризация трезвого образа жизни среди финских жителей Петербурга. Участниками этого объединения были и выпускники Колпанской семинарии — Карло Манстен, Петр Ряйкконен, Аатами Халтсонен, Юхо Пентикяйнен и др.³⁰ В 1891 г. возникло общество, подобное «Alku». Его назвали «Inkeri». В отличие от первого (образованного финляндцами и направленного на работу с финляндцами), «Inkeri» было призвано вести пропаганду трезвости среди ингерманландских финнов.

К 1908 г. относится учреждение просветительского общества «Soihtu» (Факел), занимавшего светскую позицию в просветительской работе среди ингерманландского крестьянства³¹. Общество было призвано содействовать образованию среди финнов Петербурга и Петербургской губернии с помощью печати книг, брошюр и периодических изданий, организации школ различных типов, музеев, книжных складов, библиотек, чтения лекций, создания певческих хоров и оркестров, учреждения стипендий для учащихся³². Среди участников общества были известные учителя — Аатами Халтсонен, Александери Тииснекка (сын Абрама Тииснекки), Ялмари Матиас Парккинен и др.

Ответственность за судьбу своих соплеменников — финских крестьян формировалась у ингерманландской интеллигенции под воздействием двух разновидностей национального чувства — национальной гордости и национальной обиды. Гордость представители ингерманландской интеллигенции испытывали в связи с общим культурным развитием, в результате которого этнокультурная среда ингерманландских финнов обогащалась новыми компонентами, ранее отсутствовавшими в ней. Такими

компонентами были Колпанская семинария, газеты, общественные организации, общенациональные певческие праздники и т. д.

Оборотной стороной национального чувства была обида, которая имела место в результате начавшегося в 1890-х гг. процесса русификации. В рамках русификации нарушалось право ингерманландцев получать образование на финском языке, что приводило к росту недовольства. Иным, возможно менее явным, условием воспитания национальной обиды в ингерманландской интеллигенции стала зависимость ее культуры от Финляндии. Помимо упоминавшихся ранее священнослужителей и других специалистов, Финляндия экспортировала в Ингерманландию художественную и духовную литературу, учебники, газеты, журналы и многое другое.

Возможно, что именно под воздействием национальной обиды в среде сельской учительской интеллигенции, в числе выпускников Колпанской семинарии были те, кто впитал революционные идеи того времени. Появление этой группы ингерманландской интеллигенции относится к периоду после 1905 г., когда молодые интеллигенты встали в оппозицию к лютеранским священнослужителям и подконтрольным им культурным институтам. Впервые они объединились вокруг газеты «Uusi Inkeri» (Новая Инкери). Ее редакторами были Каапре Тюнни и Пааво Ряйкконен³³. Помимо статей, комментировавших и разъяснявших многие проблемные вопросы того времени, она стала проводником радикальных идей, в том числе и сепаратистского характера. Уже в первом номере, в статье под заголовком «Приветствие нашим соплеменникам» Юхана Перяляйнен пишет о необходимости получения лучших условий для жизни «нашего народа»³⁴.

Новая ингерманландская интеллигенция видела знак равенства между понятиями «чужой» и «пастор», что казалось справедливым в рамках националистических призывов и идей, т. к. большинство священнослужителей, работавших в Ингерманландии, родилось за ее пределами. Интеллигенты-социалисты во главе с Каапре Тюнни ставили под сомнение необходимость участия лютеранской церкви в культурной жизни ингерманландцев. Их идеалом было полностью секуляризованное образование, как школьное, так и среднее специальное. Это желание прозвучало на одном из ингерманландских съездов в 1917 г., когда было пред-

ложено преобразовать Колпанскую семинарию в светское учебное заведение. Интересно то, что «конфликт» ингерманландских социалистов с лютеранской церковью, нашедший свое устное воплощение на съездах, фактически был односторонним. Священнослужители не только не спорили по основным предложениям социалистов, но и выступали их активными сторонниками³⁵.

Ингерманландской интеллигенции принадлежит ключевое значение в этнокультурном развитии ингерманландских финнов XIX — начала XX в. Две группы, взаимосвязанные друг с другом и воздействующие на финское общество через различные каналы (приходские кирхи, газеты, общества, певческие праздники и т. д.), составили ее основу. Их роль трудно переоценить, ведь практически все достижения ингерманландской культуры указанного периода связаны с деятельностью интеллигентов. Каапре Тюнни в статье, посвященной участию преподавателей Колпанской семинарии в национальном развитии ингерманландцев, отмечал ключевое значение деятельности интеллигентов в культурном и национальном развитии, сравнивая положение ингерманландских финнов в 1863 г. и, спустя 50 лет, в 1913 г.³⁶ Лидер национального движения 1900-х и 1910-х писал о том, что до 1860-х гг. ингерманландцев, как народа, не существовало. С этим утверждением трудно не согласиться, т. к. само существование этнического и национального обществ подразумевает обладание его членами тождественной идентичности. Общая идентичность возможна благодаря наличию у индивидов сходных представлений о мире и о самих себе как о группе, которые, в свою очередь, у значительного количества людей формируются посредством получения сходной информации, в результате ежедневного соприкосновения с социальной реальностью. В социальной системе ингерманландских финнов формирование общей идентичности стало возможно с расширением школьной системы, возникновением периодических изданий, деятельностью общественных организаций, проведением певческих праздников и т. д. Инициаторами этих действий были интеллигенты — священнослужители и учителя, взаимосвязанные друг с другом, возможно преследующие различные цели, но способствовавшие важному этнокультурному процессу — формированию общего самосознания ингерманландских финнов к 1917 г.

Примечания

- ¹ Меметов В. С. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 7—8.
- ² Иванов М. Лютеранский квартал в Петербурге. СПб., 2004. С. 75.
- ³ Григорьева И. П. Музыкальная культура ингерманландских финнов второй половины XIX и XX столетий : исследование. СПб., 1995. С. 94.
- ⁴ Luther G. Herdaminne för Ingermanland // De finska och svenska församlingarna och deras prästerskap, 1704—1940. Helsingfors, 2000. S. 65.
- ⁵ Халтсонен С. Укрепление ингерманландской финской церкви в период 1800—1917 // История ингерманландских финнов. СПб., 2010. С. 175.
- ⁶ Пасторат — жилище пастора.
- ⁷ Халтсонен С. Указ. соч. С. 177.
- ⁸ См.: Григорьева И. П. Указ. соч. С. 114—115.
- ⁹ Халтсонен С. Указ. соч. С. 173.
- ¹⁰ Халтсонен С. Ингерманландские финские школы и этапы народного просвещения // История ингерманландских финнов. С. 166.
- ¹¹ Халтсонен С. Укрепление ингерманландской финской церкви... С. 179.
- ¹² Там же.
- ¹³ Mustonen J. Pyhäkoulut Inkerissä // Suomalainen Inkeri. 1938. S. 30.
- ¹⁴ Hallio K. Ensimmäinen inkerin pyhäkoulunopettajien kokous kolppanassa 1909 // Ibid. 1934. S. 17.
- ¹⁵ Mustonen J. Op. cit. S. 31.
- ¹⁶ Халтсонен С. Ингерманландские финские школы... С. 213.
- ¹⁷ Kolppanan seminaari, 1863—1913 // Viipuri: Karjalan kirjapaino Oy, 1913. S. 166.
- ¹⁸ Риехкалаинен Ю. Ингерманландские финны : история и судьба. Петрозаводск, 2009. С. 29.
- ¹⁹ Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX—XX веке. Кишинев ; СПб., 2001. С. 46.
- ²⁰ Kolppanan seminaari, 1863—1913. S. 116—118.
- ²¹ Jamalainen E. Inkerin kulttuurityön tekijöitä // Inkeriläisten viesti. 1982. № 2. S. 21.
- ²² Ibid. S. 24—25.
- ²³ Халтсонен С. Ингерманландские финские школы... С. 241.
- ²⁴ Kolppanan seminaari, 1863—1913. S. 120.
- ²⁵ Григорьева И. П. Указ. соч. С. 118.
- ²⁶ Сост. по: Kolppanan seminaari, 1863—1913. S. 116—163.

- ²⁷ *Tynni K.* Kolppanan opettajaseminaari ja sen merkitys Inkerin kansan elämässä // *Suomalainen Inkeri*. 1934. S. 5.
- ²⁸ *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX — 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 29.
- ²⁹ *Мусаев В. И.* Политическая история Ингерманландии... С. 51.
- ³⁰ *Kolppanan seminaari, 1863—1913*. S. 116—163.
- ³¹ *Tynni K.* Op. cit. S. 3—7.
- ³² *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия. С. 31.
- ³³ Дело об издании в Петербурге газ. «Uusi Inkeri» на финском яз. // Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2106. Л. 1.
- ³⁴ См.: *Халтсонен С.* Ингерманландские финские школы... С. 261.
- ³⁵ *Таргмайнен М. А.* Ингерманландский излом : борьба ингерманландских финнов в гражданской войне на Северо-Западе России (1918—1920). СПб., 2001. С. 37.
- ³⁶ *Tynni K.* Op. cit. S. 3—7.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

От редакции

В феврале 2014 г. свой 75-летний юбилей отметил главный редактор нашего журнала, профессор, доктор исторических наук В. С. Меметов. Это событие освещалось в первом номере журнала за этот год, в котором выступили известные ученые, исследователи интеллигенции, друзья и знакомые главного редактора. Предлагаемая читателю статья другого известного интеллигеноведа — петербургского профессора, доктора исторических наук В. С. Волкова (который уже не одно десятилетие является близким другом юбиляра) изначально также предполагалась к публикации в качестве одного из юбилейных материалов. Однако круг вопросов, которые анализирует автор, гораздо шире, чем обычно бывает в традиционной юбилейной статье. В связи с этим редколлегия сочла возможным опубликовать работу В. С. Волкова в настоящем номере.

В. С. Волков

**ПРИБЛИЖЕНИЕ К УНИВЕРСАЛЬНОСТИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ
ПРОФЕССОРА В. С. МЕМЕТОВА**

Человек, наблюдающий процесс пополнения и уточнения научных знаний о российской интеллигенции изнутри как исследователь, отчетливо видит, что этот процесс в последние 20—25 лет резко ускорился и качественно изменился. Это вызвано многими причинами: и значительным «заделом» ученых предшествующего периода, подготовивших переход количества знаний в их новое качество, и сменой общественного строя в России, и освоением достижений зарубежных гуманитарных наук, и включением в исследовательскую работу новой генерации ученых, не отягощенных обветшавшими догмами, мыслящих смело, владеющих современными компьютерными технологиями. Принимая всё это во внимание, объективный историограф в качестве факторов, способствовавших успехам в изучении интеллигенции, назовет также и плодотворную научную деятельность доктора исторических наук, профессора Ивановского государственного университета, председателя Проблемного совета «Интеллигенция. Культура. Власть», директора Научно-исследовательского института интеллигентоведения Валерия Сергеевича Меметова, прежде всего разработку им методологии изучения интеллигенции и его огромную научно-организационную работу. Несомненно взаимосвязь этих двух ипостасей В. С. Меметова: владение методологией придавало целеустремленность его научно-организационной деятельности, а положение ведущего организатора способствовало распространению и внедрению его методологических идей.

© Волков В. С., 2014

Волков Валерий Степанович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). fsnhistory@yandex.ru

Имя В. С. Меметова получило известность благодаря выходу в свет его монографии «Защищая Москву. Интеллигенция столицы в период битвы под Москвой»¹. В числе крупных работ других авторов того времени она занимала место на вершине достижений отечественной исторической науки. Исследование укладывалось в официальную концепцию истории советского общества и советской интеллигенции, а присущие ему, с современной точки зрения, недостатки были порождены следованием этой концепции (например, резкое смещение акцентов в пользу позитивных результатов деятельности московской интеллигенции, однозначно положительная оценка самого факта партийного руководства интеллигенцией и др.). Но как заявлял позже сам автор книги, он уже ощущал подобные недостатки и понимал, что официальная концепция, несмотря на то что она была подкорректирована в годы «оттепели», исчерпала свой позитивный эвристический потенциал. Сознание этого и подтолкнуло В. С. Меметова к размышлениям об обновлении методологии изучения интеллигенции. Последовали годы интенсивной теоретической работы, принципиальных дискуссий, исследовательской практики, в результате чего в голове Валерия Сергеевича и, что еще важнее, в опубликованных им произведениях, в докладах на конференциях, в выступлениях при защитах диссертаций в руководимом им диссертационном совете явственно обозначились контуры концепции истории российской интеллигенции, в рамках которой могли появиться исследовательские работы, открывшие новый этап историографии интеллигенции. Мы не случайно в названии данной статьи употребили слово «искания». Оно, на наш взгляд, довольно точно характеризует процесс теоретической деятельности В. С. Меметова. В ней не было такого этапа, когда Валерий Сергеевич на какой-то срок уселся бы поудобней за письменный стол и, не отрывая «пера» от бумаги, написал трактат «Методология исследования интеллигенции». Напротив, его концепция складывалась постепенно, как ответ на вызов конкретной исследовательской практики, как серия реплик в дискуссиях, как обобщение тех идей коллег по профессии, которые он был готов разделить. Было бы поучительно проследить процесс интеллектуальной работы В. С. Меметова, следуя хронологии его публикаций. Однако в данной статье мы ограничимся суммарным кратким изложением его наиболее существенных идей.

Сразу же возникает вопрос, с чего логичней начинать: с определения понятия «интеллигенция» или с объяснения правомочности выделения «интеллигентоведения» как относительно самостоятельной отрасли обществоведческого знания? Видимо, всё-таки целесообразней начать с понятия «интеллигенция», поскольку им именуется предмет интеллигентоведения. В. С. Меметов включился в длившуюся уже многие десятилетия дискуссию о том, что такое интеллигенция, в качестве прагматика, хорошо понимавшего, как важно определить объект и предмет исследования. 1990-е годы отмечены особо широким размахом дискуссии по этому вопросу. Порой она улетала в такие далекие «эмпирии», что ее участники теряли представление о предмете спора. В. С. Меметов, следуя традиции, предпринял попытку классифицировать, типизировать подходы к определению интеллигенции на основе тех критериев, пользуясь которыми участники дискуссии могли бы выделять интеллигенцию из состава населения страны. Он обозначил три подхода: профессионально-социологический, оценочно-этический и феноменологический (рассмотрение интеллигенции как уникальной социальной общности, присущей исключительно России). Как известно, в ходе дискуссии о том, что такое интеллигенция, большинство ее участников считает, что правильным является только один подход (тот, который разделяет его приверженец). В. С. Меметов противник абсолютизации какого-то одного подхода, он четко указал на достоинства и недостатки каждого из них, но одновременно выразил твердую уверенность, что существование множественных определений и трактовок интеллигенции — это нормальное состояние в науке, тем более что сам объект изучения многолик. Для получения объективных знаний о нем необходимо выбирать такой подход к изучению интеллигенции, который в большей степени соответствует задачам исследования. Например, оценочно-этический и феноменологический подходы могут быть результативны в трудах философов и культурологов, а историки и социологи предпочитают профессионально-социологический подход, потому что им необходимо «сосчитать интеллигентов», а именно данный подход предполагает более четкие критерии отнесения человека к интеллигентам (высокий уровень образованности, творческий характер умственного труда и др.). В своей совместной работе В. С. Меметов и В. А. Порозов доказывают возможность,

а нередко и целесообразность совмещения разных подходов². Подытоживая опыт исследований интеллигенции в 1990—2013 годах, В. С. Меметов сделал категорический вывод, что произвольное, вневременное использование понятия «интеллигенция» или замена его понятиями «интеллектуалы», «образованный класс», «элита», не говоря уже об изобретенной А. И. Солженицыным «образованщиной», наносит вред исследовательской практике, так же как и попытки изучать «интеллигенцию вообще». Доказывая пагубность последнего, В. С. Меметов в своем докладе на XXIV международной научно-теоретической конференции (Иваново, 2013 г.) обратился к авторитету выдающегося историка, недавно ушедшего из жизни, Владимира Тихоновича Ермакова, напомнив, что попытки изучать «интеллигенцию вообще» находили у него отторжение, так как Ермаков считал, что «они чреватые деформацией исторического знания, существенными ошибками в оценке тех или иных фактов, событий и процессов в истории отечественной интеллигенции»³.

В связи с этим весьма важное значение имела актуализация В. С. Меметовым вопроса о генезисе интеллигенции. В принципе этот вопрос не новый и более того — в отечественной историографии он основательно рассматривался применительно к советской интеллигенции. Например, одна из первых обобщающих монографий — «Советская интеллигенция» (М., 1968) имела подзаголовок «История формирования и роста». Заслуга В. С. Меметова состоит в том, что историю российской интеллигенции он не ограничил XVIII—XX веками, а стал пропагандировать мысль о том, что интеллигенция возникла уже на ранней стадии цивилизации (как прединтеллигенция), а затем происходила смена разных, как он их называл, поколений интеллигенции. Принципиально к России, по убеждению В. С. Меметова, современная интеллигенция своими корнями уходит в сообщества древнеславянских волхвов, жрецов, шаманов, «интеллигентов в рясах» — первое поколение христианского духовенства. Этот тезис послужил последователям В. С. Меметова основанием рассматривать в качестве прединтеллигенции дружинников Древней Руси (старшую дружину, прежде всего) — предшественников военной интеллигенции, приказных дьяков XVI—XVII веков и т. д. По мысли В. С. Меметова, на каждом новом историческом витке появляется новая «генерация» интеллигенции, ее новый

социально-исторический тип. Эта важная методологическая идея ориентирует на конкретно-исторический подход к изучению интеллигенции разных времен с учетом ее специфических черт.

Неоднократно в своих публикациях и выступлениях Валерий Сергеевич аргументировал мысль о том, что в пределах каждого целостного, своеобразного исторического периода очередное поколение интеллигенции проходило в своей эволюции аналогичные этапы (генезис, формирование, становление, развитие и т. д.), но при этом, как он убежден, «этот процесс включает в себя *отбор* наиболее важных сущностных черт интеллигенции предшествующих эпох и *передачу их*, через традиционные формы и методы жизнедеятельности, вновь формирующейся генерации интеллигенции»⁴.

В. С. Меметов не устает напоминать о том, что интеллигенция — это очень сложный социальный феномен, она дифференцируется по профессиональному принципу (научная, производственно-техническая и т. д.), уровню квалификации, идейно-политическим позициям, по отношению к власти и т. д. Следовательно, и изучение ее должно быть одновременно и дифференцированным и синтезированным, а в целом комплексным. Поэтому неслучайно, что В. С. Меметов оказался среди тех ученых, которые пропагандируют и внедряют междисциплинарный подход к изучению интеллигенции. Суть его он видит в том, что «сочетание приемов и методов различных наук, комплексное использование разнообразных методик позволяет охватить все аспекты генезиса, формирования, становления, развития и деятельности»⁵. Использование методов философского, социологического, политического, культурологического анализа, приемов, которыми психологи изучают особенности личности и психологию разных социальных групп, позволяет исследовать все стороны и грани такой общности, как интеллигенция. «Ученых, — пишут В. С. Меметов и В. А. Порозов, — всё больше интересует не только процесс формирования и роста данного социального слоя, который всё более отодвигается в глубь веков, но и выявление специфических интересов и потребностей интеллигенции, ее ментальности и социальной психологии, непреходящих ценностей, которые интеллигенция пронесит через десятилетия и века, цивилизационный и гуманистический потенциал этих ценностей»⁶.

Отмечая ведущую тенденцию теоретических размышлений В. С. Меметова — тенденцию к выработке точных определений общих, ключевых для интеллигентоведения понятий, к обоснованию

наиболее эффективных подходов к изучению интеллигенции, нельзя не видеть, что его движение к универсальности на разных направлениях происходит разными темпами. Если, например, предложенное им определение интеллигенции, четкая характеристика трех основных подходов к ее изучению, указания на принципы междисциплинарного подхода к исследованию интеллигенции, анализ ее генезиса характеризуются в известной мере завершенностью, то другие суждения только намечают перспективы научной рефлексии, а некоторые носят дискуссионный характер, что стимулирует дальнейшую разработку проблем методологии. В качестве примера можно указать на вопрос о содержании и сущности деятельностного принципа (подхода) к изучению интеллигенции. В. С. Меметов принял эстафету от В. Т. Ермакова, который считал деятельностный принцип основой изучения истории интеллигенции. Но он требует дальнейшей теоретической разработки, в чем можно легко убедиться, прочитав работы, названия которых начинаются словами «Деятельность интеллигенции...». Увы, нередко перед читателем оказывается не **анализ процесса деятельности** интеллигенции или отдельных ее социально-профессиональных отрядов (педагогов, инженеров и т. п.), а перечень направлений и результатов деятельности. Например, в работах о деятельности научно-технической и производственно-технической интеллигенции перечисляются заводы, построенные при ее участии, новые конструкции машин и механизмов, а «кухня», «технология» этой деятельности остается за кадром.

Было бы неправильным представлять дело так, будто все принципиальные идеи В. С. Меметова безоговорочно верны. Первым, кто отвергает оценку их как истину в последней инстанции и заявляет об их дискуссионности, является сам Валерий Сергеевич. Более того, он нередко подчеркивает гипотетический или дискуссионный характер своих суждений, призывая коллег к их критическому осмыслению. К числу таких небесспорных суждений можно отнести, на наш взгляд, его утверждение о пяти крупных этапах в развитии интеллигенции в рамках эпох или стадий

в истории человечества. В написанном им разделе книги «Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции» (Иваново, 2008) говорится: «Глубоко убежден в том, что интел-

лигенция (не только отечественной, но и любой цивилизации) как *живой общественный организм* проходит в своем развитии, как минимум, пять крупных этапов: *генезис, формирование, становление, развитие и деятельность*. Здесь я предвижу встречный вопрос: а как быть с шестым этапом, с проблемой “увядания”, “угасания” и “смерти” интеллигенции в те или иные исторические эпохи и периоды?... Полагаю, что если бы такое действительно случилось, то вряд ли были бы возможны не столько затухающие, сколько усиливающиеся дискуссии (кстати, организуемые и проводимые опять же интеллигенцией) о перспективах и будущем нашей Родины, российского народа, всего человечества⁷. Эта же мысль повторяется и в других его публикациях. Думается, что требование логики классифицировать какие-либо явления по одинаковым основаниям здесь нарушено: 4 из указанных этапов однотипны, они выделены по объему и качеству существенных черт интеллигенции, однако называть следующий за ними этап этапом *деятельности* интеллигенции неверно, так как она *действует*, функционирует, хотя и с известными различиями, на всех четырех перечисленных этапах. В истории ее деятельности, функционирования могут быть свои этапы, отражающие как процесс нарастания, обогащения существенных черт интеллигенции, так и особенности задач, которые она решала в разных исторических условиях. Нам представляется, что Валерий Сергеевич обоснованно отверг предложения выделить в качестве шестого этапа — этап «увядания», «угасания», «смерти интеллигенции». В истории можно найти примеры «смерти» интеллигенции, но это было не явление, обусловленное эволюцией интеллигенции, а «смерть» происходила вместе с гибелью цивилизации. Но, в действительности, за четвертым из названных этапов следует новый, в данном случае, пятый этап, который мы бы назвали этапом *трансформации*. В качестве наиболее яркой иллюстрации можно указать на трансформацию допетровской традиционной интеллигенции в европеизированный тип российской интеллигенции конца XVIII — первой половины XIX века или превращение российской дореволюционной интеллигенции в советскую, а позже советской — в постсоветскую. Между прочим, наши рассуждения — это тоже пример влияния методологических исканий В. С. Меметова на развитие интеллигентоведения: не предложи он

своей периодизации эволюции социально-исторических типов интеллигенции, мы вряд ли бы задумались над этой проблемой. Теперь же наши разногласия могут инициировать дискуссию по этой проблеме, которая, возможно, принесет положительный результат.

Приложив немало усилий для обоснования выделения интеллигентоведения в качестве одной из относительно самостоятельных отраслей гуманитарных и политических наук, В. С. Меметов вновь и вновь призывает к более строгой научной разработке ее категориального аппарата, к последовательному внедрению в него междисциплинарного подхода, к использованию всего многообразия методов исследования и всех видов источников. На основе объективной оценки современного состояния историографии отечественной интеллигенции В. С. Меметов пришел к выводу, что в основном завершен «перестроечный» этап, и с глубокой уверенностью в дальнейшем прогрессе интеллигентоведения призвал: «Пора переходить к следующему — к **аналитическому**» (выделено В. С. Меметовым. — *В. В.*) на индивидуальном уровне, на уровне социальных групп, ВСЕЙ интеллигенции России»⁸. Хочется верить, что призыв признанного лидера интеллигентоведения будет услышан и осуществлен российскими интеллигентами.

Примечания

¹ Меметов В. С. Защита Москвы : интеллигенция столицы в период битвы под Москвой. М., 1978.

² См.: Интеллигенция: вопросы теории и методологии : монография / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2010. С. 26—30.

³ Меметов В. С. На пути развития современного интеллигентоведения // Интеллигенция современного мира в ее многообразии : материалы XXIV междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2013. С. 7.

⁴ Меметов В. С. Штрихи к юбилейной конференции // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность : тез. докл. XX междунар. науч. конф. Иваново. 2009. С. 19.

⁵ Интеллигенция: вопросы теории и методологии... С. 5.

⁶ Там же. С. 35—36.

⁷ Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции : монография / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2008. С. 15.

⁸ Меметов В. С. На пути развития современного интеллигентоведения. С. 7.

Г. Н. Кочешков

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
Н. А. РОЖКОВ**

Среди исследователей русской истории видное место принадлежит Николаю Александровичу Рожкову (1868—1927). Он был не только известным историком, но и активным политическим деятелем, талантливым педагогом, продолжившим славные традиции московской исторической школы.

Историк и политик сосуществовали в Рожкове органично, несмотря на сосредоточенность в отдельные периоды жизни на научной или политической деятельности.

В советской историографии творческое наследие Рожкова оценивалось с позиций официальной идеологии. Политические обвинения в его адрес как на порвавшего с меньшевизмом распространялись и на научные труды историка. Стремления найти позитивные моменты в его историко-социологической концепции не наблюдалось¹. Между тем, социологический метод исследования истории, предложенный Н. А. Рожковым, достоин тщательного изучения. Необходимо заново и всесторонне оценить теоретико-методологические основы исторической концепции ученого.

Научные взгляды Рожкова складывались в сложное и противоречивое время. Ломалась не только внешняя сторона жизни — происходила смена коренных мировоззренческих, идеологических основ общественного бытия. В условиях идейного кризиса, поиска выхода из концептуального тупика происходило размежевание научных сил. Одни переходили к марксизму, к материалистической методологии, другие, в том числе и Н. А. Рожков, пытались реализовать в своих трудах основы философской

© Кочешков Г. Н., 2014

Кочешков Геннадий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета. g.kocheshkov@yspu.org

концепции «критического позитивизма»². В отличие от представителей данного философского направления, Рожков признавал закономерность исторического процесса.

В данной статье мы попытаемся проанализировать основные этапы становления Н. А. Рожкова как профессионального историка. Выпускник Московского университета, ученик В. О. Ключевского, молодой исследователь в 1899 г. успешно защитил магистерскую диссертацию на тему: «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.». В том же году диссертация была опубликована в виде монографии и представлена на соискание Уваровской премии Академии наук. В. О. Ключевский написал содержательную и весьма аргументированную рецензию на исследование. Признав большой заслугой Рожкова то, что он собрал обильный и разнообразный архивный материал, Ключевский тем не менее подвергнул критике отдельные фрагменты работы. Так, он выразил сомнение в достоверности такого вида источника, как писцовые книги XVI в., упрекнув автора в отказе от критического обзора источниковой базы, что приводило в ряде случаев к неверным выводам, сделанным в монографии. Несмотря на высказанные замечания, В. О. Ключевский в целом высоко оценил работу Н. А. Рожкова, назвав ее «серьезным научным трудом», и рекомендовал присудить автору Уваровскую премию³.

В 1903 г. вышла первая часть «Обзора русской истории с социологической точки зрения». Работа не была закончена автором: в течение 1903—1905 гг. вышли три выпуска, которые охватывают период с VI до середины XVII в. В данном исследовании Рожков показывает, как на почве определенных хозяйственных условий складываются социальные отношения, формируется политический строй, вырабатывается идеология, возникают характерные для своего времени психологические типы личности. Выступив с критикой неокантианства и, в частности, философии истории Виндельбанда-Риккерта, Рожков оказался близок к «психологической» школе в социологии, представленной Гумилевичем, Гиддингсом, Уордом, Миллем и др.

Русская революция частично изменила философско-исторические взгляды ученого. В 1906 г., переиздавая статьи, посвященные психологии характера, он исключил из них те места, в которых говорилось о превосходстве психологического метода

объяснения исторического процесса в сравнении с экономическими факторами. Он признавал, что «психология известной общественной группы определяется ее классовым положением» и изменяется «под влиянием реальных, в конечном счете, всегда хозяйственных условий»⁴. В вышедшей в 1907 г. книге «Основные законы развития общественных явлений» Рожков писал, что «психологический склад общества, т. е. существующие в обществе типы и характеры слагаются под воздействием хозяйственных явлений, устройства общества и государственного строя»⁵. Этот вывод историка разительно отличался от высказанных им за несколько лет до Первой русской революции идей о необходимости объяснять исторические процессы законами психологии.

Однако и в этот период Рожков расходился с марксизмом в истолковании явлений культурной жизни. Он не принимал марксистское понятие классовой идеологии и классовой культуры в антагонистических обществах, предпочитая вести разговор о различных психических типах, характерных для каждой исторической эпохи.

Крайне негативную оценку получила у Рожкова работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Он отмечал, что в книге «смешиваются две точки зрения — наивный реализм и научный материализм. Терминология автора явно устарела: термин “материя”, “диалектический метод” имеют для него значение священно-го завета, который надо сохранить во что бы то ни стало»⁶.

Захват власти большевиками Рожков оценил как антидемократический переворот, однако вместе с меньшевиками Ю. Мартовым и Ф. Дано выступил против вооруженной борьбы с большевиками. Свое отношение к леворадикалам он выразил в предисловии к книге «Октябрьский переворот». Главная причина, негативно повлиявшая на ход революции, считал Рожков, — «некультурность, малосознательность, стихийность масс»⁷. Историк был уверен, что первые большевистские декреты носили декларативный, пропагандистский характер, а обещание мира было «демагогической шумихой», он осуждал сторонников Ленина за разгон Учредительного собрания. «Террор имеет свою внутреннюю логику: раз начатый, он уже не может быть прекращен и развивается последовательно, пока не приведет террористов на край гибели»⁸.

Н. А. Рожков известен как прекрасный методист, учитель-новатор. Свой огромный педагогический опыт он пытался передать учителям, опубликовав в 1918 г. «Методику преподавания истории». Данный труд представляет собой цикл лекций, прочитанных на педагогических курсах в Петрограде.

В предисловии к курсу Н. А. Рожков делает несколько важных предварительных замечаний. Методику преподавания любой науки он сравнивает с искусством, настаивая на том, что обучение учащегося невозможно представить в виде готовых рецептов, правил, наставлений. «Кто так смотрит на методику и на педагогическое дело, тот — человек безусловно безнадежный в педагогическом отношении»⁹. По представлениям Н. Рожкова, методика преподавания учебных дисциплин должна строиться, прежде всего, на принципе свободного творчества. Он не отрицает, что методы преподавания, методы передачи знаний от одного лица другому могут быть разнообразны в зависимости от целого ряда обстоятельств и условий: цели преподавания истории, контингента учащихся, личности преподавателя и т. д.

Анализируя совокупность данных условий, Н. Рожков особое внимание обращает на цель преподавания истории. Критикуя так называемый «государственный» подход к истории, которая должна обслуживать интересы господствующего класса, Н. Рожков замечает, что это не приемлемо с педагогической точки зрения, ибо данный взгляд на историю ведет к тому, что «преподаватель должен, верит он или не верит в определенную политическую доктрину, служить этому строго, обязан, в угоду ему, сплошь и рядом, исказить те научные взгляды, которые господствуют в настоящее время. При этом преподаватель лишается одного из основных условий, которые для него обязательны, — искренности, убежденности, и благодаря этому он часто становится перед своими учениками в совершенно ложное положение, что отымает у его личности всякий моральный авторитет»¹⁰. Жесткое заявление, но это слово ученого, убежденного в своей правоте. Н. Рожков выделяет три цели исторического образования: 1) изучение закономерности общественных явлений, законов развития человеческого общества; 2) изучение приемов и методов исторической критики; 3) обучение учащихся пониманию проблем современности с исторической точки зрения.

В истории, в общественной жизни повторяемость, сходство есть такой же закон, как и в жизни природы и в естествознании. А если так, замечает Н. Рожков, «мы можем и должны изучать причинную связь явлений, закономерность», ибо «история есть такая же наука, как и естествознание, может быть более сложная, но во всяком случае, это наука, а не мистика»¹¹.

Кроме этой ближайшей цели — изучение развития общества, преподавание истории имеет другие важные цели и задачи, среди которых Н. Рожков выделяет историческую критику источника. Ценность критического метода заключается в том, что с его помощью можно сформировать у учащихся самостоятельное, критическое мышление. По образному выражению Н. Рожкова, нам не нужны «ни насвистанные снегири, ни попугаи, которые бессознательно повторяют какие-нибудь сакраментальные формулы и изречения, как бы они прекрасны ни были, потому что мы знаем, что все эти формулы, если они не усвоены вполне, являются лишь пустыми словами, за которыми нет никакого реального содержания. Мы должны, поэтому, приучить наших учеников критически относиться ко всякого рода явлениям жизни, которые они наблюдают». К жизни надо, подчеркивал историк, «относиться сознательно, самостоятельно, не веря на слово никаким авторитетам, а лишь доверяя своему собственному светлому разуму, который должен работать, настойчиво проверяя все авторитеты»¹².

Историческая критика разрушила один из вреднейших для науки предрассудков, а именно теорию о непрерывности и прогрессивности исторического развития. Анализируя историю Смутного времени, Н. А. Рожков подвергает сомнению выводы историков о том, что социальные движения были в высшей степени прогрессивным явлением. Соглашаясь с тем, что восстание Болотникова было вызвано ухудшением положения народных масс и являлось своеобразной формой социального протеста, ученый в то же время считает, что по своим целям оно являлось реакционным, ибо участники этого движения желали возврата назад, к временам Древней Руси.

Комментируя третью цель исторического образования — формирование у учащихся умений и навыков исторического анализа, Н. Рожков предостерегает от попыток субъективного подхода к изучению исторических событий. Только объективный,

непредвзятый взгляд на историческое прошлое поможет ученикам осознать место исторических знаний в окружающем нас мире.

Руководствуясь положением об органической взаимообусловленности исторических процессов, Рожков в то же время предостерегает учителей о возможном навязывании своим ученикам собственной оценки исторического прошлого. Учитель всегда должен оговариваться, что это его личный взгляд, который не надо принимать на веру. Задача учителя состоит в том, чтобы воспитать свободных, критически мыслящих людей.

Переходя к вопросу о средствах и приемах преподавания истории, Н. Рожков акцентирует внимание на том, что выбор методик, педагогических приемов зависит от индивидуальных особенностей преподавателя, от состава класса и от целей преподавания. Немаловажное значение имеет и правильный выбор учебника, однако, по глубокому убеждению историка, учебное пособие не должно заменить собой преподавателя. Учебник не должен представлять пересказ того, что являлось содержанием урока. Учебник никогда не заменит учителя, роль которого в учебном процессе нельзя недооценивать. Н. Рожков особо выделяет такие черты учителя, как требовательность, справедливость, объективность. Нельзя признать хорошим того преподавателя, который слишком добр и мягок со своими учениками. Требовательность учителя не нарушает хороших отношений с учащимися; они с «большим уважением относятся к такому учителю, который от них требует серьезных знаний, и они потому даже сами сознаются, что это им приносит пользу, потому что это их отучает от того неряшества, которое, вообще, свойственно нашей некультурной стране». Н. Рожков обеспокоен тем, что в советских школах уделяется мало внимания воспитанию у учащихся чувства ответственности, порядка. В результате русскому человеку свойственна халатность, которая не позволяет ему относиться к общественным обязанностям должным образом. В отличие от европейца русский не пунктуален, постоянно опаздывает на деловые встречи. Недаром говорят: «англичанин приходит на вокзал за ½ минуты до отхода поезда и успевает выпить в буфете рюмку виски и сесть в поезд, а русский человек придет иногда за 1 ½ часа и все-таки ухитрится опоздать». В то же время, предос-

терегает Н. Рожков, урок не должен быть развлечением. Учение — это труд, и чтобы достичь нужных результатов, необходимы определенные усилия. «Корень учения горек», — констатирует историк¹³.

Методические воззрения Н. Рожкова далеко не бесспорны, но они не только обобщают педагогический опыт учителей-новаторов конца XIX — начала XX в., но и являются отражением собственного практического опыта историка.

В 1918—1922 гг. Рожков был ректором Второго педагогического института Петрограда (ныне это Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена). В Педагогическом институте он читал лекционные курсы по общей истории России, методике преподавания истории, по истории народного хозяйства, руководил семинарскими занятиями студентов. Построения Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского, по мнению Н. М. Дружинина, составляли в середине 20-х гг. «основу исторического образования в высшей школе»¹⁴.

Н. А. Рожков осуждал политику «военного коммунизма», проводимую большевиками в годы Гражданской войны. Он писал: «Не могу молчать, наблюдая положение, которое мне кажется отчаянным». Продовольственная политика, основанная на государственном монополизме, заведет Россию в тупик. «Нельзя в XX веке превратить страну в конгломерат замкнутых местных рынков... Это — вопиющая нелепость». Рожков обвиняет Ленина в бонапартизме: «Вам надо стать диктатором»¹⁵.

Ленин не простил Рожкову резкие высказывания в свой адрес. В марте 1921 г. историк был арестован. На допросе он заявил, что убежден в гибели советской власти, однако вести с ней борьбу не будет. Один из очевидцев рассказал: «Рожков вместе с нами в ночь на 2 марта был привезен в качестве одного из “заложников” за кронштадтское восстание и вместе с нами несколько дней провел в ожидании смерти». Расправа была предотвращена специальным постановлением ЦК большевиков, решившим «вождей меньшевиков не расстреливать»¹⁶.

Рожков был освобожден, но партийное руководство отправляет его в Псков. Местом его работы был Псковский институт народного образования, вскоре преобразованный в педагогический

техникум (ныне это Псковский педагогический университет). Лекции профессора Н. А. Рожкова были невероятно популярны среди слушателей. Одновременно ученый принимал активное участие в деятельности историко-археологической секции губернского общества краеведения, был избран ее председателем.

Жизнь в Пскове угнетала Рожкова. Он обратился с просьбой в ЦК партии большевиков разрешить ему вернуться в Москву. Просьба была удовлетворена, и летом 1924 г. Рожков вернулся в Москву, читал лекции в Академии коммунистического воспитания, на этнологическом факультете МГУ, в Институте красной профессуры, состоял членом Института истории РАНИОН, руководил аспирантами. В 1926 г. Рожков по предложению Луначарского был назначен директором Исторического музея.

В том же году ученый завершил свой главный труд «Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики)» в 12 томах. В последнем томе автор отмечал, что «центром тяжести своего изложения он сделал русскую историю, а история других стран привлекалась лишь для сравнения с нею, не исследовалась и не излагалась с такими подробностями». Он писал, что занимается исторической и социологической проблематикой более 30 лет и только теперь «нашел в себе силы и возможность опубликовать большую обобщающую работу — венец и цель своих научных исканий»¹⁷.

Неоднократные аресты и ссылки, напряженная научно-исследовательская и преподавательская работа подорвали здоровье Рожкова. 2 февраля 1927 г. после непродолжительной болезни он скончался. Гражданская панихида состоялась в актовом зале МГПУ. В том же году был опубликован сборник статей «Памяти Николая Александровича Рожкова», в котором помещена и его автобиография. В феврале 1927 г. на заседании общества историков-марксистов М. Н. Покровский, делая доклад, посвященный памяти Рожкова, отмечал, что «мы потеряли в его лице превосходного преподавателя истории, без которого мы ощущаем пустоту в целом ряде высших учебных заведений»¹⁸. В 1928 г. вышел пятый том Ученых записок Института РАНИОН в память о Н. А. Рожкове. Авторы статей характеризовали своего коллегу как крупного ученого и талантливое педагога, внесшего значительный вклад в развитие отечественной науки.

Примечания

- ¹ Волобуев О. В. Вопросы социальной психологии в трудах Н. А. Рожкова // История и психология. М., 1971.
- ² Тарасова Н. И. О философских и теоретико-методологических взглядах Н. А. Рожкова (по работам 1893—1907 гг.) // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3.
- ³ Ключевский В. О. Академический отзыв об исследовании Н. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» // Третий сборник статей Ключевского : отзывы и ответы. М., 1914. С. 481.
- ⁴ Рожков Н. А. Исторические и социологические очерки. М., 1906. Ч. 1. С. 184.
- ⁵ Рожков Н. А. Основные законы развития общественных явлений. М., 1907. С. 42.
- ⁶ Рожков Н. А. Основы научной философии. СПб., 1911. С. 81.
- ⁷ Октябрьский переворот : док. и факты. Пг., 1918. С. 56.
- ⁸ Там же. С. 29, 32.
- ⁹ Рожков Н. Методика преподавания истории и история XIX века. Пг., 1918. С. 1.
- ¹⁰ Там же. С. 8.
- ¹¹ Там же. С. 13.
- ¹² Там же. С. 15.
- ¹³ Там же. С. 41.
- ¹⁴ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1979.
- ¹⁵ См.: Родина. 1992. № 3. С. 49.
- ¹⁶ Социалистический вестник. 1927. № 4. С. 11.
- ¹⁷ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении : (основы социальной динамики). М. ; Л., 1927. Т. 12. С. 394.
- ¹⁸ Покровский М. Н., Горев Б. И. Памяти Н. А. Рожкова // Историк-марксист. 1927. Т. 4. С. 179.

С. А. Курасов

**СЛУЧАЙ НА ЛЕКЦИИ:
СТОЛКНОВЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ «СТАРОЙ»
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И «НОВОГО» СТУДЕНЧЕСТВА
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ***

Установление советской власти в России вызвало тенденцию к кардинальным изменениям привычных сфер жизни человека и общества, в том числе и на повседневном уровне. В революционном запале пересмотру подвергалось абсолютно всё, что имело свою устойчивость в царское время.

Подчеркнутая корпоративность и замкнутость высшей школы была основана на специфике получения истины и ее передачи молодому поколению, и уже в Средневековье повседневность университетов определялась академической культурой, ментальные установки которой нашли отражение в сущностных чертах научно-педагогической интеллигенции¹. Причем эти черты будут характерны и для советских преподавателей, что говорит о постоянстве и самодостаточности такого социального института, как высшая школа. На экстраординарных исторических этапах (какими представляются революции и войны) обнажаются противоречия между академической культурой и социально-политическими процессами, стремящимися подмять ее под себя. Интеллигенция в таких условиях стоит на перепутье, что делает эту проблему достаточно актуальной: это не просто поиски самоидентичности, но и осмысление исторического процесса и судьбы российского общества.

Советские исследования, связанные с интеллигенцией в годы революции и Гражданской войны, показывали только процессы

© Курасов С. А., 2014

Курасов Сергей Александрович — аспирант кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. kurasov-serg@mail.ru

* Публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 2014/13 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

формирования «красной профессуры»². В существовавшей тогда парадигме «старая» интеллигенция не удовлетворяла запросам государства, хотя подготовка кадров еще не носила планового характера. Во всех работах обращалось внимание на кастовость профессорско-преподавательской среды, хотя вся современная историография высшей школы оперирует понятием «корпоративность», что подчеркивает идеологический подтекст исследований. В последние годы появилось немало серьезных работ, опирающихся на достижения НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете³. Предметом исследований являются взаимоотношения интеллигенции и власти, научно-исследовательская деятельность и т. д. Отдельным направлением выступает история повседневности⁴, в рамках которого и написана данная работа. Опираясь на микроисторический подход⁵, мы попытаемся рассмотреть столкновение традиционных устоев научно-педагогической интеллигенции и новых взглядов студенчества на свою повседневность в советском вузе. Для этого обратимся к случаю, который произошел на лекции Александра Августовича Бауэра во Владимирском институте народного образования (ИНО) 17 февраля 1921 года. Сохранились протоколы заседания Правления ИНО, где в подробностях зафиксированы обстоятельства конфликта.

В этот день Центральный комитет учащихся (ЦКУ) устроил собрание с посторонними лицами, которое несколько затянулось, и группа студентов первого курса опоздала на лекцию. Стоит заметить, что в повседневной практике такие совещания становились достаточно частыми, и так как студенты-первокурсники участвовали в самоуправлении, то не считали нужным ставить образовательный процесс выше общественных интересов. Преподаватель не был извещен о том, что собрание может затянуться, ввиду чего часть студентов могла задержаться. Как и подобает лектору, А. А. Бауэр, увидев при своем появлении в аудитории группу около 20 человек, считал себя обязанным приступить к чтению лекции. Когда пришли в половине первого часа три слушательницы и заняли свои места, помешав ходу занятия, он ничего не сказал, но когда явилась еще группа студентов, то преподаватель попросил их не входить до перерыва и не мешать занятиям. Опоздавшие обратились к председателю ЦКУ

В. В. Башмачникову за помощью. Тот, прервав лектора на полуслове, заявил о своем желании объясниться, на что Александр Августович предложил обратиться за разъяснениями в перерыв, а не во время лекции. Председатель ЦКУ был слишком настойчив, поэтому получил ответ, что «такого рода хождения на лекцию в середине их он [А. А. Бауэр] находит бесполезными и для самих учащихся, не слышавших начала лекции, и затрудняющими лектора и остальных слушателей»⁶. После этого профессор закрыл дверь аудитории на ключ. Студенты выступили с протестом «против возмутительного и недопустимого поведения лектора Бауэра по отношению к слушателям вуза», что обсуждалось на заседании Правления ИНО 26 февраля 1921 года.

В первую очередь, стоит познакомиться с самим преподавателем. Александр Августович Бауэр был известным ученым-практиком. Его отец — почтовый чиновник в Одессе. Александр Августович обучался в Новороссийском университете в Одессе (два года на физико-математическом факультете), затем был вольнослушателем Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства. 11 лет (с 1911 по 1922 г.) он возглавлял опытное поле губернского земства. Во Владимирском ИНО читал курсы по сельскому хозяйству и физической географии, был активным членом губернского научного общества по изучению местного края. В 1921 году был избран профессором по кафедре общего и частного земледелия Московского высшего зоотехнического института и переехал в столицу. А. А. Бауэр считался одним из лучших специалистов во владимирском институте. Его лекции отличались богатым практическим материалом. Активная жизненная позиция позволяла совмещать работу ученого, преподавателя и руководителя. Это был пример типичного интеллигента с внутренним чувством такта. Ситуация на его лекции стала проявлением конфликта внутри вуза.

Опоздание студентов на занятия типично для высшей школы. К сожалению, аудитории в институте были устроены как классные комнаты, где вход находился рядом с рабочим местом преподавателя. Проход студентов на свои места, конечно же, мешал лектору, сбивал его с мысли, нарушал логику рассуждения. Преподаватели по-разному реагируют на такое поведение студентов: кто-то оставляет это без внимания, а некоторые стараются

не допускать нарушения дисциплины. Александр Августович Бауэр, по словам слушателей, относился к первой группе, пуская в аудиторию всех желающих даже в середине лекции. Но в данном случае он потребовал соблюдения установленных норм — вход в аудиторию со звонком.

Такие ограничения в высшей школе появились в Средневековье, когда складывалась обыденная жизнь университетов. Лекцию стоит рассматривать как особый ритуал или церемониал в вузовской повседневности. Безусловно, большую роль играет ее пространственная и темпоральная организация. Помещение должно быть просторное, удобное для взаимного обозрения студентов и преподавателя. В классических университетах оно к тому же оборудовано трибуной для лектора, с которой он доносит до аудитории свои мысли. Традиционно такое занятие длится полтора часа, иногда предусматривается перерыв в середине лекции. Границами начала и окончания, как правило, является звонок. Каждый преподаватель по-своему начинает занятие, но неизменным остается приветствие профессора вставанием студентов с мест. Сама лекция воспринимается преподавателями как творчество. Всё это свидетельствует, что лекция — особый элемент повседневной жизни высшего учебного заведения с четкой структурой. Непосредственно в лекции проявляется академическая культура, и желание нарушить или пересмотреть основу основ высшей школы приводило к реакции и очередному разъяснению смысла. Причем все попытки внести некоторые коррективы в установленный церемониал практически никогда не заканчивались успехом (если они не вызваны временем).

Так произошло и в нашем случае. Сам Александр Августович внес предложение разрешить входить в аудиторию лицам, опоздавшим на занятие не более чем на пять минут, но педагогический коллектив выразился категорично: «опоздание на лекцию является допустимым лишь в исключительных случаях». Незыблемость ритуала в очередной раз была обозначена.

Такой случай является своеобразным детонатором «взрыва», который затрагивает основополагающие принципы организации жизни. Если же весь коллектив высказывается за нововведения, то в этот поворотный момент начинается трансформация старых устоев и рождение новых правил. Но если сильна

консервативная позиция большинства членов коллектива, то многие нежизнеспособные «напластования» могут быть уничтожены, и старая система вновь укрепляет свое положение. В данной ситуации решение конфликта пошло по второму пути: 17 человек против 9 поддержали резолюцию преподавателей «признать письменный протест не обоснованным, Совет находит возможным перейти к обсуждению следующих вопросов». Здесь явно прослеживается корпоративность научно-педагогической интеллигенции. Эта сущностная черта вузовских преподавателей прошла через века и является основой академических свобод.

Инцидент интересен и тем, что он раскрывает отношения между профессурой и студенчеством. Студенты выразили протест против преподавателя. Здесь необходимо дать характеристику владимирскому студенчеству начала 1920-х годов. Несмотря на стремление к пролетаризации вузов, в провинции выходцы из рабочих и крестьянской среды составляли половину от общего числа учащихся только в 1922/1923 уч. году, хотя в 1920 году рабочих не было вообще, а аполитичные крестьяне составляли 44 %⁷. Поэтому студентка Капащинская, очевидно из среды духовенства, точно заявила, что «она едва ли ошибется, если скажет, что протест это от группы студентов, а не от всех». Другая часть относилась к детям духовенства, интеллигенции и служащих. Стоит заметить, что среднее образование они завершали в советской школе, где уже начинали говорить о социалистическом воспитании. Молодому поколению давали новую систему ценностей, его нацеливали на активность, но оно было незнакомо с устоями высшей школы. В тяжелых материальных условиях вообще сложно мечтать о высшем образовании. В 1922 году продуктовый паек включал 35 фунтов муки, $\frac{3}{4}$ фунта масла и картофель; ни круп, ни мяса не отпускалось⁸. Трудная жизнь отражалась на настроении студентов, которое, по данным 1924 года, было переменчивым у 45 %, ровным — 16 %, спокойным — 13 %, угнетенным — 10 %, пассивным — 7 %, на подъеме — 7 %. Несмотря на это, свое поведение как веселое оценило 20 % молодых людей, общительное — 42 %, молчаливое — 20 %, угрюмое — 18 %. Но только 7 % студентов выразили недовольство условиями жизни, хотя 20 % из них пытались покончить с собой⁹.

При такой картине выражение протеста сложно оценить однозначно. С одной стороны, положительный момент заключается

в собственной позиции, самостоятельности и активности молодых людей, которые могут свободно высказывать свои мысли. Алексей Иванович Иванов справедливо заметил, что «Совет не вправе указывать слушателям, как писать заявление, а обязан рассматривать все заявления». Демократизм, основанный на понятии о равноправии всех людей и свободе слова — отличает многих либеральных преподавателей, имеющих авторитет в студенческой среде. С другой стороны, интересны мотивы выражения этого протеста. Очевидно, что студенты первого курса требовали к себе особого отношения от окружающих, но эти претензии справедливы, если студенты сами соблюдают принятые правила. На наш взгляд, причиной такого поведения является природная дисгармония развития юношеского возраста, когда желания опережают формирование волевой сферы: студенты требуют особого внимания к своей личности, не считаясь с устоявшимися нормами в обществе. Кроме того, им внушили, что они главные люди в этом учебном заведении: постоянные разговоры о пролетаризации вузов, подчеркивание важности молодых специалистов для страны, борьба со старой профессурой и т. п. — всё это заставляло наиболее активных студентов ощущать свое преимущество в «новом» обществе, видеть себя хозяевами жизни. Предложенная Совету ИНО студенческая резолюция по этому делу служит примером амбиций, неадекватной самооценки и нетактичности: «сознавая, что повышенность тона лектора Бауэра вызвана была перерывом лекции, Совет всё же находит поведение Бауэра и его отношение к студентам на лекции 17 февраля нежелательным и впредь не допустимым».

Такой тон вызывал у части преподавателей возмущение. Например, Георгий Иосифович Доброгурский, получивший классическое дореволюционное образование, враждебно воспринял протест первокурсников. З. М. Домидонтова нашла его недопустимым в вузе, т. к. он роняет честь студенчества, уподобляющегося учащимся средней школы. Более спокойно, но строго выразился В. Г. Наркевич: «...лекторы, прежде всего руководители... должны указывать слушателям на допустимость или недопустимость их поступков, но не должны замалчивать фактов, и вещи должны быть названы своими именами». Д. В. Соколов призывал найти мирный исход из создавшегося положения, усматривая вину обеих сторон. Председатель Правления ИНО Ф. А. Альбицкий говорил об ответственности студентов за свои поступки. Прения закончились

предложением загладить этот инцидент, который, несомненно, оставил плохой след в отношениях слушателей и лекторов.

Большая часть научно-педагогической интеллигенции выступила хранительницей устоев высшего образования, сложившихся еще до революции 1917 года. Некоторые ревностно отстаивали церемониал лекции от посягательств первокурсников, не имеющих представлений об атмосфере студенческой жизни классического университета, ее корпоративности, старых понятиях о достоинстве, чести и уважении профессуры. Некоторые преподаватели внутренне не принимали поведение студентов, даже осуждали, и перекладывали всю ответственность на первокурсников, осознавая исторический момент и снижение уровня общего развития «новой» студенческой среды. Но все прекрасно понимали, что новое поколение необходимо приобщать к академической культуре и показать, что такое институтское братство и его достоинства.

В первые годы советской власти делалась попытка создать новую систему высшего образования (например, в качестве эксперимента стоит рассматривать институты народного образования, создание Коммунистической академии и т. п.) и сложилась противоречивая ситуация, когда новые вузы (во Владимире первый вуз появился в 1919 г.) образовывались «старой» интеллигенцией. К концу 1920-х годов 60 % сотрудников высшей школы и научных учреждений были представителями дореволюционной преподавательской среды¹⁰. Большевицкая власть в условиях Гражданской войны не могла охватить все сферы жизни общества, поэтому строительство советской системы высшего образования возглавила профессура. В Петрограде она объединилась в группу «левой профессуры» и призывала к коренной ломке старой школы. В провинции же только появилась возможность приобщиться к такому мировому достижению и интеллигенты стали организовывать вузы на классических принципах, хотя молодежь впитывала совершенно иные идеи. Ментальность задавала векторы развития повседневности, и имеющиеся противоречия приводили к столкновению на обыденном уровне, касавшемся привычных практик, что и следует из случая на лекции А. А. Бауэра. Стоит заметить, в начале 20-х годов XX века, пока организация способа жизни велась «снизу», устои дореволюционных университетов и институтов доминировали в провинциальных вузах, но уже

с середины 1920-х годов государство начало навязывать модели поведения в повседневной жизни вуза. Только благодаря научно-педагогической интеллигенции, свято отстаивавшей принципы высшей школы, до сих пор сохраняются основы классической академической культуры, не имеющей временных границ.

Примечания

- ¹ *Данилов А. А., Меметов В. С.* Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново, 1997 ; *Будник Г. В.* Формирование интеллигенции в высшей школе Российской Федерации, 1945—1991. Иваново, 2009.
- ² *Синецкий А. Я.* Формирование профессорско-преподавательских кадров высшей школы // *Вестник высшей школы.* 1947. № 11. С. 24—35 ; *Васильев Д. И.* Так создавались научно-педагогические кадры // Там же. 1967. № 11. С. 69—75 ; *Лутченко А. И.* Высшая школа и формирование советской интеллигенции // Там же. 1969. № 1. С. 81—86.
- ³ *Захаров Е. С.* Отношение представителей научно-технической интеллигенции к Советской власти в 1920—30-е годы // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 4. С. 9—18 ; *Лобок Д. В.* Научная интеллигенция и ее профессиональные объединения (1917—1922) // Там же. 2012. № 1. С. 27—39 ; *Золотарёв О. В.* Интеллигенция: советские годы // Там же. № 4. С. 44—57 ; *Казанин И. Е.* Власть и интеллигенция : (исторический опыт формирования государственной политики в октябре 1917—1925 г.) Волгоград, 2006.
- ⁴ *Квакин А. В.* Русская интеллигенция и советская повседневность революционной России (1917—1927 гг.) // *Интеллигенция и мир.* 2008. № 3. С. 45—59 ; № 4. С. 7—20.
- ⁵ Направление в итальянской и немецкой историографии с 60-х гг. XX в. (Х. Медик, К. Гинзбург, К. Пони, Дж. Леви и др.). На микроуровне (судьба одного человека, ход конкретного события, истории определенной вещи) в многостороннем и точном освещении отражается влияние макроисторического процесса в жизни простого человека.
- ⁶ Здесь и далее цитаты приведены по: Протокол заседания Совета ИНО от 26 февраля 1921 года // Государственный архив Владимирской области. Ф. Р.-1062. Оп. 1. Д. 230. Л. 39 об.—41 об.
- ⁷ Там же. Д. 4. Л. 12 об.
- ⁸ Там же. Д. 44. Л. 49 об.
- ⁹ *Петаченко Г. А.* Быт советского студенчества на страницах молодежных изданий 1920-х — начала 1930-х годов // *Российские и славянские исследования.* 2010. № 5. URL: <http://www.rsijournal.net/byt>

sovetskogo-studenchestva-na-stranicaх-molodezhnyx-izdaniy-1920-x-nachala-1930-x-gg/ (дата обращения: 2.02.2014).

¹⁰ Метов В. С. О некоторых методологических принципах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 12.

ББК 22.632.5

М. В. Стрелец

ХАНС АЛЬБРЕХТ БЕТЕ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Дискуссии о том, кого считать истинным интеллигентом, ведутся давно. На наш взгляд, истинный интеллигент должен отвечать следующим критериям: 1) наличие интеллекта, 2) высокий профессионализм, 3) креативность, 4) приоритет нравственных начал во всех делах и поступках, 5) подлинный гуманизм, 6) перманентная социальная ответственность. В настоящей статье предпринята попытка проиллюстрировать перечисленные критерии на примере нобелевского лауреата Ханса Альбрехта Бете¹.

Ханс Альбрехт Бете занимает особое место в еврейском сегменте научной элиты Веймарской Германии. Он — самый молодой в этом сегменте, единственный его представитель, завершивший школьную фазу образовательного процесса после принятия Веймарской конституции. Проницательный читатель, конечно же, сравнит дату рождения Бете — 2 июля 1906 года —

© Стрелец М. В., 2014

Стрелец Михаил Васильевич — доктор исторических наук, профессор, профессор Брестского государственного технического университета. mstrelez@mail.ru

с финальной точкой истории Веймарской Германии и скорее всего задаст следующий вопрос автору статьи: «Не ошибается ли он, причисляя человека, не достигшего 27-летнего возраста, к научной элите страны, в которой наука была развита на мировом уровне?» Те результаты фундаментальных научных изысканий, с которыми подошел к указанной финальной точке Бете, дают все основания для подобного причисления.

Будет правильным утверждать, что на развитии этого галахического еврея, появившегося на свет в столице земли Эльзас-Лотарингия, существенным образом сказались гены. Немалых успехов в науке достиг глава семьи. Альбрехт Теодор Юлиус Бете был известен своими прорывными идеями в сообществе физиологов. Он также талантливо обучал будущих эскулапов, занимая должность профессора. Профессором был и дед Ханса по материнской линии. Альбрехт Теодор Юлиус Бете обрадовался появлению третьего члена семьи в лице Ханса, то есть подарку, который сделала ему жена Анна. Больше таких подарков не будет и, естественно, семья ограничится указанными членами².

Мальчик с однозначно интеллектуальными генами провел догимназический период по месту своего появления на свет. В 1915 году он переезжает из Страсбурга во Франкфурт-на-Майне и начинает учиться в одной из тамошних гимназий. Конкретно речь шла о гимназии Гёте, которая довольно солидно выглядела в образовательном интерьере главного финансового центра Германии. Все девять лет учебы в гимназии характеризовались старательностью, высокой ответственностью со стороны уроженца Страсбурга. Франкфурт-на-Майне настолько понравился гимназисту, что он решил именно здесь получить высшее образование. В 1924—1926 годах Ханс Альбрехт Бете грызет гранит физической науки в тамошнем университете. В 1926 году главный финансовый центр первой германской республики меняется на столицу Баварии. Креативный молодой человек стартует в последней с аспирантской позиции и будет находиться в этом статусе тридцать месяцев. Главным содержанием данного временного отрезка явилась подготовка доктората. Судя по тому, что Бете проходил школу Арнольда Зоммерфельда, нетрудно было догадаться, к какой отрасли относился настоящий докторат. Этот профессор, будучи масштабной фигурой в науке, стремился

превратить университет Людвига Максимилиана в кузницу кадров для такой важной отрасли, как теоретическая физика. В 1928 году в лице Бете пополняется сегмент докторского корпуса, сконцентрированный на этой отрасли³.

«Еще аспирантом Бете проявил интерес к квантовой механике (переживавшей начальный этап своей истории. — *М. С.*), ее математической теории, описывающей взаимодействие между материей и излучением»⁴. Он скрупулезно изучил всё то, что внесли в развитие настоящего научного направления Вернер Гейзенберг, Эрвин Шредингер, П.А.М. Дирак, Макс Планк, Нильс Бор, Клинтон Дж. Дэвиссон, Луи де Бройль. Нацеленный на научный поиск аспирант «выдвинул смелое предположение, что если излучение (свет) может вести себя подобно частице, то и частица может вести себя подобно волне. Идея де Бройля была экспериментально подтверждена Клинтоном Дж. Дэвиссоном, который обнаружил волновое поведение электронов. В 1927 г. Б. написал научную статью, посвященную дифракции электронов на кристаллах, в которой для объяснения наблюдений Дэвиссона использовал квантовую механику, еще не понятую в то время большинством физиков. Бете был одним из первых ученых, убедительно продемонстрировавших применение новой теории»⁵.

1928—1933 годы отмечены в биографии Бете причастностью к обеспечению учебного процесса в германской образовательной системе. Его лекции слушали будущие физики в трех республиках, входивших в состав Веймарской Германии. География его научно-педагогической деятельности в пределах германского Отечества в указанный период включала Народную республику Гессен, Свободное народное государство Вюртемберг, Свободное государство Бавария. Касательно Гессена и Баварии речь шла об альма-матер. Вюртемберг был представлен в этой деятельности его столицей Штутгартом, а также Тюбингеном. До года, в который его Отечество стало ощущать проявления мирового экономического кризиса, новоиспеченный доктор наук имел уже две странички в преподавательской карьере, которые совпадали с названиями главного финансового центра Германии, столицы Вюртемберга. Если брать официальный статус, то 1929—1932 годы можно считать мюнхенским этапом указанной деятельности. Под этим статусом имеется в виду вхождение в лекторский корпус университета⁶. Вместе с тем

есть убедительные доказательства того, что молодой ученый «большую часть времени в течение (этих. — М. С.)... трех лет провел в Кембридже (Англия), где встречался с Эрнестом Резерфордом, и в Риме, где работал с Энрико Ферми. Он также наладил контакт с Нильсом Бором. В течение этого времени Бете разработал применение математического метода, известного как теория групп, для выяснения квантово-механического поведения кристаллов. Сделав значительный вклад в теорию строения атома, Бете в начале 30-х гг. начал теоретическое изучение процесса быстрой потери энергии частицами, проходящими сквозь вещество; к этому вопросу он периодически возвращался в течение всей своей научной деятельности»⁷.

1932 годом отмечено очередное карьерное продвижение Бете в германской образовательной системе. Он переезжает в швабский город Тюбинген, известный своим существующим с 1477 года университетом. Указанный вуз обретает в лице Бете нового ассистент-профессора. Имея солидные научные заслуги, он, конечно, был вправе рассчитывать на скорое получение статуса полного профессора. Если бы его родина не оказалась под властью носителей коричневой чумы, эти ожидания оправдались бы⁸. Однако режим, существовавший с 30 января 1933 года, исключал евреев из числа субъектов преподавательского процесса в образовательной системе. Одареннейшему германцу по фамилии Бете пришлось покинуть свое Отечество.

Первоначальным направлением эмиграции явился туманный Альбион. Здесь ученый и педагог проведет год и четыре месяца. Этот период распадается на два отрезка: первый — с октября 1933 по осень 1934 года, второй — с осени 1934 по февраль 1935 года. В первый отрезок местом пребывания Бете был Манчестер, во второй — Бристоль. Эмигрант из Германии успешно трудоустроился в тамошних университетах. На северо-западе королевства он будет перманентно демонстрировать мастер-класс по части лекторского мастерства, на юго-западе — отметится постоянной причастностью к университетским делам благодаря вхождению в ученый совет. Именно в Великобритании видный физик в 1934 году обнаруживает собственную «формулу для определения потерь энергии заряженной частицей, движущейся в веществе»⁹. В 1935 году началась американская эмиграция Бете, которая продолжалась

семь десятилетий, то есть до смерти крупного ученого, ушедшего в мир иной в 98 лет и 8 месяцев. Автор этих строк не припомнит другого представителя научной элиты Веймарской Германии, который имел бы такой показатель продолжительности пребывания в США в качестве эмигранта и дожил бы до середины первой декады XXI века. Из указанных 70 лет Бете прожил 64 года как гражданин США. Было бы, конечно, неправильным утверждать, что все эти годы он был одинаково погружен в дела академического сообщества своего второго Отечества. Обязательно наступает момент, когда возраст дает о себе знать. Вместе с тем верно и утверждение о том, что эмигрант из Германии, поселившийся в расположенном в штате Нью-Йорк городе Итаке, свыше полувека стремился по максимуму реализовать свой богатейший научный потенциал. Если из периода американской эмиграции вычесть некоторые отрезки, о которых обязательно будет сказано ниже, то он будет совпадать с итакским этапом биографии Бете. Именно в Итаке начнется его американская эмиграция. Именно здесь ее финальная точка совпадет с финальной точкой жизненного пути этого человека, датируемой 6 марта 2005 года. Итака появилась в биографии ученого неслучайно. Еще будучи в Бристоле, он получил приглашение на работу в тамошний Корнельский университет. Первоначальный статус Бете в этом вузе совпадал с тем, который имел место в рамках тюбингенского этапа научно-педагогической деятельности. Пройдет два года, и видный ученый займет в своем активе рубеж, который не удалось достичь в германском Отечестве. Отныне студенты престижного американского вуза слушали блестящие лекции полного профессора Бете. Через два года полный профессор пройдет через марш Мендельсона. Его избранницей стала Роза Эвальд, подарившая ученому сына Генри и дочь Монику. У Бете и его тестя имелось два совпадения: оба были эмигрантами из Германии, и тот и другой сделали себе имя в физической науке еще до эмиграции.

Ассистент-профессор Корнельского университета посчитал для себя приоритетным ядерную физику. Это означало преемственность в научных изысканиях Бете. Он довольно быстро завязывает плодотворные рабочие контакты с гражданами США, профессионально занимавшимися указанной отраслью. Подобные контакты лучше всего удались с Робертом Ф. Бэчером и М. С. Ливингстоном.

Именно с ними через год после начала американской эмиграции Бете займет в своем активе совместный интеллектуальный продукт. Речь идет о статьях, в которых давался исчерпывающий ответ на следующий вопрос: «На какой стадии находится развитие ядерной физики?». Рассматриваемые как одно целое, эти статьи образовывали ключевой сегмент соответствующей образовательной литературы и в довоенное время, и во время войны, и даже тогда, когда был запущен первый искусственный спутник Земли¹⁰.

Полный профессор Бете был не менее активен, чем ассистент-профессор. «В 1938 г. на конференции по теоретической физике в Вашингтоне (округ Колумбия) внимание Бете привлек один нерешенный вопрос о природе получения энергии Солнцем и другими звездами. Астрономы накопили немало информации о крайне высоких температурах и других звездных характеристиках и пришли к выводу, что источник энергии должен иметь термоядерную природу. Однако они не могли определить реакции, которые дали бы количественные характеристики, согласующиеся с наблюдаемым излучением, размером, возрастом и другими свойствами звезд. Быстро освоившись с астрономическими данными и применив свои энциклопедические познания в области ядерной физики, Бете решил эту задачу за шесть недель»¹¹.

В предвоенном году Бете «открыл протон-протонный цикл термоядерных реакций, предложил (независимо от К. Вайцзеккера) шестиступенчатый углеродно-азотный цикл, позволяющий объяснить процесс протекания термоядерных реакций в массивных звездах»¹². «Расчеты Бете позволили глубже понять поведение и эволюцию звезд.

В конце 30-х годов Бете продолжал свои теоретические исследования атомных ядер. Среди его многочисленных достижений было первое математическое обоснование того, что вновь открытый мезон мог быть связанным с силой, удерживающей ядра от распада. Он также исследовал очень сложные ударные волны, образующиеся при взрыве»¹³. Проницательный читатель, прочитав последнее предложение, будет рассматривать его в контексте приоритетов научно-технической политики американской администрации с момента вхождения ее в число субъектов антигитлеровской коалиции и, скорее всего, выдвинет предположение о возможных изменениях в судьбе эмигранта из Германии.

Изменения действительно произошли. Сначала был переезд из штата Нью-Йорк в штат Массачусетс, где крупный ученый сразу же стал генератором идей в структурном подразделении одноименного технологического института, к которому перманентно проявляла интерес военно-промышленная элита. Речь шла о радиационной лаборатории. Новый сотрудник по фамилии Бете сконцентрировался на микроволновой проблематике, пытался выяснить ее связь с радиолокацией. На оборону ученый будет трудиться и в Лос-Аламосе. В этом городе, расположенном в штате Нью-Мексико, Бете проведет в разы больше времени, чем в штате Массачусетс. Секрет прост: именно в этом городе находился ключевой сегмент инфраструктуры, призванной наполнить реальным содержанием Манхэттенский проект¹⁴. «Там, будучи директором отдела теоретической физики, он отвечал за расчеты возможного поведения атомной бомбы. Его глубокие знания в области ядерной физики, ударных волн и электромагнитной теории сыграли существенную роль в успехе программы»¹⁵.

С первого послевоенного, т. е. 1946, года Бете вновь оказывается в Итаке. Полный профессор Корнельского университета никак не желает останавливаться на достигнутом. «В 1947 году Бете объяснил лэмбовский сдвиг, введя в квантовую теорию радиационные поправки и положив начало теории перенормировок. ...в теории элементарных частиц широко применяется датированное 1951 годом уравнение Бете—Солпитера, описывающее систему двух взаимодействующих частиц»¹⁶.

В 1952 году этот ученый на полгода вернулся в Лос-Аламос. Здесь он был причастен к работам по созданию водородной бомбы. Ставшую родной Итаку приходилось временно покидать и в связи с тем, что видный физик-ядерщик оказался задействованным по линии Колумбийского и Кембриджского университетов, Европейской организации по ядерным исследованиям, Копенгагенского университета¹⁷. В 1975 году Бете официально уходит на пенсию и постфактум доказывает, что ученые, как и офицеры, отставными не бывают.

Нам неизвестно, был ли знаком Бете с фразой Курчатова: «Пусть атом будет рабочим, а не солдатом». Зато несомненно, что оба ученых были единомышленниками в вопросе о приоритетах в функциональном назначении ядерной энергии. Принципиально

важно отметить, что такую позицию отстаивал человек, бывший три года членом Президентского научно-консультативного комитета и, естественно, имевший возможность прямого выхода на ключевые фигуры администрации Эйзенхауэра. Этой позиции крупный ученый не изменял до конца своей жизни¹⁸.

«В 1967 г. Бете был награжден Нобелевской премией по физике “за вклад в теорию ядерных реакций, особенно за открытия, касающиеся источников энергии звезд”...

В дальнейшем Бете изучал распределение материи в нейтронных звездах, а также коллапс гигантских звезд. Его исследования по высокоскоростному входу в земную атмосферу помогли при разработке как военных, так и гражданских космических аппаратов»¹⁹. Знакомясь с настоящей информацией, пронизательный читатель вполне может вспомнить о стремлении американской администрации в далекие 1980-е годы наполнить реальным содержанием Стратегическую оборонную инициативу (СОИ) и поинтересоваться насчет мнения великого физика и астрофизика по этому вопросу. Последний не поддержал замысел команды Рейгана. Нобелевский лауреат убедительно показал, что официальный Вашингтон увлекся утопическим проектом²⁰.

Демонстрируя высокую социальную ответственность, выдающийся ученый выразил глубокое возмущение односторонним выходом администрации Буша из Договора об ограничении систем противоракетной обороны, подписанного руководителями СССР и США в мае 1972 года. Он совершенно обоснованно заявлял, что этот шаг направлен на подрыв стратегической стабильности. Хорошо известно, что логическим продолжением было намерение Вашингтона разместить системы противоракетной обороны за пределами своей национальной территории. Бете успел еще застать то время, когда Вашингтон впервые обнародовал подобные планы и показал их несостоятельность с моральной и политической точек зрения.

Нравственное измерение политики присутствовало и в резко отрицательном отношении нобелевского лауреата к американской агрессии в бывшей Югославии, в Ираке. Он сразу же называл вещи своими именами, прозорливо предсказывал долгосрочные последствия подобных действий.

Бете был высоко оценен современниками, что нашло свое выражение в наградах, членстве в престижных научных структурах,

степенях почетного доктора, названии его именем астероида 30828, специальной премии, учрежденной американским физическим обществом.

Награды отличаются разнообразием как по странам происхождения (США, ФРГ, Великобритания, СССР), так и по субъектам присуждения. В США соответствующее решение приняли президентская администрация, Национальная академия наук, Комиссия по атомной энергии. С этими структурами связано появление в наградной коллекции Бете медали «За заслуги», медалей, учрежденных в честь Генри Дрейпера и Энрико Ферми. Главная академическая организация удостоила его также премии, носящей имя Вэнневары Буша. Награждения во втором Отечестве датировались 1946, 1947, 1961, 1985 годами. В первом Отечестве через 22 года после его отъезда из страны откликнулось Германское физическое общество и нобелевский лауреат стал обладателем медали, учрежденной в честь Макса Планка. 1963 год был памятен для него приятной новостью из туманного Альбиона. Здесь субъектом присуждения высокой награды выступило Лондонское королевское астрономическое общество, и в коллекции Бете появилась пятая медаль — медаль, связанная с именем великого астрофизика Артура Стэнли Эддингтона. Откликнулся и имевший солиднейшее реноме в области физической науки Советский Союз. За два года до прекращения существования этого государства Академия наук СССР удостоила выдающегося американского гражданина своей высшей награды — Большой золотой медали, учрежденной в честь М. В. Ломоносова. Через двенадцать лет после этого нобелевского лауреата награждает медалью не конкретная страна, а авторитетная международная организация — Тихоокеанское астрономическое общество. Седьмая по счету медаль — Золотая медаль Кэтрин Вольф Брюс.

Выдающегося ученого пожелали иметь в своих рядах Национальная академия наук США, сугубо отраслевые общества во втором Отечестве, в которых собран цвет философской мысли, физической, астрономической наук. Бете оказался в числе тех иностранных ученых с мировым именем, которые обозначили свою принадлежность к Лондонскому королевскому обществу. Иностранного члена этого общества по достоинству оценили и в двух британских университетах. Здесь он пополнил корпус почетных

докторов. Речь идет о Манчестерском университете, в котором Бете преподавал в 1933—1934 годах, а также всемирно известном Бирмингемском университете. Бете известен и как почетный доктор Мюнхенского технического университета, университета имени Вольфганга Гёте во Франкфурте-на-Майне (ФРГ), университета имени Луи Пастера в Страсбурге (Франция)²¹.

Таким образом, жизнь и деятельность Ханса Альберта Бете является хрестоматийным пособием для всех, кто обращается к теме «Личность в интеллигентоведческом дискурсе».

Примечания

- ¹ Иллюстрация приводится по: URL: http://omop.su/images/50/200px-Hans_Bethe.jpg (дата обращения: 02.06.2014).
- ² *Bernstein J.* Bethe : Prophet der Energie. Stuttgart, 1988. S. 19—57.
- ³ *Brown G. E.* Hans Bethe and His Physics. New Jersey, 2006. P. 52—64.
- ⁴ Бете (Bethe), Ханс Альбрехт // Лауреаты Нобелевской премии : энцикл. : пер. с англ. М., 1992. URL: n-t.ru/nl/fz/bethe.htm (дата обращения: 28.05.2012).
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Perspectives in Modern Physics : essays in honour of Hans A. Bethe on the occasion of his 60th birthday : interscience publications / Ed. R. E. Marshak.* N. Y., 1966. P. 153—159.
- ⁷ Бете (Bethe), Ханс Альбрехт // Лауреаты Нобелевской премии.
- ⁸ *Brown G. E.* Op. cit. P. 188.
- ⁹ Бете (Bethe), Ханс Альбрехт // Лауреаты Нобелевской премии.
- ¹⁰ *Bernstein J.* Op. cit. S. 187—231.
- ¹¹ Бете (Bethe), Ханс Альбрехт // Лауреаты Нобелевской премии.
- ¹² Бете, Ханс Альбрехт // Википедия. 2012. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Бете,_Ханс (дата обращения: 27.05.2012).
- ¹³ Бете (Bethe), Ханс Альбрехт // Лауреаты Нобелевской премии.
- ¹⁴ *Schweber S. S.* In the Shadow of the Bomb : Bethe, Oppenheimer and the Moral Responsibility of Scientists. Princeton ; N. J., 2000. P. 212—218.
- ¹⁵ Бете (Bethe), Ханс Альбрехт // Лауреаты Нобелевской премии.
- ¹⁶ Бете, Ханс Альбрехт // Википедия.
- ¹⁷ *Schweber S. S.* Nuclear Forces : the Making of the Physicist Hans Bethe. Harvard, 2012. P. 399—408.
- ¹⁸ Ibid. P. 414.
- ¹⁹ Бете, Ханс Альбрехт // Википедия.
- ²⁰ *Bernstein J.* Op. cit. S. 328.
- ²¹ *Brown G. E.* Op. cit. P. 206—210.

ББК 63.3(2)6-362-283.2

А. В. Репников

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЧУЖБИНЕ (ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКА Д. В. СКРЫНЧЕНКО)

Возвращение имени и трудов историка, богослова, педагога, журналиста и русского националиста Дмитрия Васильевича Скрынченко (1874—1947) началось благодаря исследовательской и публикаторской работе воронежского историка В. Б. Колмакова, публикации которого по данной теме появились еще 10 лет тому назад¹. После серии статей² историк подготовил и осуществил переиздание избранной публицистики Скрынченко и его книги «Ценность жизни по современному философскому и христианскому учению»³. В 2012 году вышли монография В. Б. Колмакова и подготовленная им публикация эмигрантского дневника русского мыслителя⁴. Именно тексту дневника и будет уделено основное внимание в данной статье.

Удаленность от Петербурга и Москвы сыграла со многими консерваторами злую шутку. Как подчеркивает Колмаков, возвращение имен русских консерваторов из небытия началось с лиц «первого эшелона» (В. В. Розанов, М. О. Меньшиков, Л. А. Тихомиров). В отношении ряда консерваторов, еще недавно клеймимых «ренегатами», «мракобесами» и т. п., ситуация уже изменилась. Лучшее тому свидетельство — осуществление издания полного собрания сочинений К. Н. Леонтьева (пока вышло 12 книг), собрания

© Репников А. В., 2014

Репников Александр Витальевич — доктор исторических наук, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), профессор Российского университета театрального искусства (ГИТИС). repnikov@mail.ru

сочинений М. Н. Каткова (вышло 6 томов, издание завершено), И. А. Ильина (вышло 28 книг), научных изданий Н. Я. Данилевского, К. П. Победоносцева, Л. А. Тихомирова, С. Ф. Шарапова⁵.

Однако именно на окраинах Империи в противостоянии колонизации и «украинству» постепенно оформлялся иной вид русской националистической мысли, чем у петербургских чиновников или московских последователей славянофильской традиции. В этих кругах знали Д. В. Скрынченко, Д. И. Пихно, А. И. Савенко, В. В. Шульгина, С. Н. Щеголева и др. Те, кто до крушения самодержавия жил и работал на окраинах Империи, оказался забыт, за исключением, пожалуй, В. В. Шульгина, хотя он больше прославился как депутат Думы. Возможно, что пресытившийся переизданиями правых публицистов читатель пожмет плечами — кого заинтересуют сейчас жизнь и судьба этих авторов. Однако диссертация Скрынченко о ценности жизни, опубликованная им в Петербурге в 1908 году, актуальна и сейчас. Поставленный в самом ее начале вопрос «Стоит ли жить?» автор сопровождает упоминанием о тревожной волне самоубийств, происходящих, по его мнению, из-за ложных и неустойчивых оснований жизни, которые не придают ей смысла и ценности. «Потерявши религиозную почву под собой, люди отстраняют от себя и вопрос о смысле жизни, да и самую постановку такого вопроса они считают неправильной... Где найти оправдание той сутолке, которая называется жизнью? Мысль человеческая ищет этого оправдания, напрягает все свои силы — и, измученная в своих поисках, становится, наконец, перед роковым вопросом — стоит ли жить, имеет ли жизнь какую-нибудь цену»⁶. На страницах эмигрантского дневника есть немало примеров, когда люди, потерявшие родину, близких, саму надежду, или пускались во все тяжкие, падая на самое дно⁷, или сводили счеты с жизнью. Скрынченко, оставший в России близких, по которым сильно скучал, писал: «*Боже, как бы хорошо было тут моим деткам! Как они там живут, в голоде и страхе?* <...> Все думы там, дома: помнят ли, не забыли ли, а может быть бранят? Иной раз я говорю себе: зачем я бежал, лучше было бы умереть около детей. Но дали бы мне умереть около них, а не в темном подвале чрезвычайки?»⁸ Но он не сдается и не поддается унынию. А ведь ему реально пришлось ощутить ледяное дыхание

смерти. Во время Директории Петлюры он был брошен новыми властями в Лукьяновскую тюрьму за активное осуждение деятельности Церковной Рады на Всеукраинском Церковном Соборе 1918 г. Он чудом уцелел, был освобожден, но в Киев вошли красные. Скрынченко скрывался. Рисковал и своей жизнью, и жизнью тех, у кого он останавливался. Впоследствии Скрынченко вспоминал, как прятался у своего коллеги И. К. Воронцова. В доме напротив устроили облаву, но было уже поздно, и Скрынченко не мог уйти, т. к. после 19 часов запрещалось ходить по улицам. Забыв о собственном тяжелом положении, он молился, чтобы Воронцов не пострадал из-за него. Потом в город ненадолго пришли войска А. И. Деникина. И вот, в ноябре 1919 года, Дмитрий Васильевич бежал из Киева перед новым вступлением в город большевиков. Бежал в неизвестность. В прошлом остались его многочисленные научные труды, редакторская и публицистическая деятельность, недолгое (1906—1910) пребывание в «Союзе 17 октября», работа в монархическом «Русском собрании» и «Всероссийском национальном союзе».

После скитаний, благодаря помощи сестры В. В. Шульгина, Л. В. Могилевской, которая дала ему 5000 рублей «керенками», он покупает себе место на пароходе, отходившем в Болгарию⁹. Начинается период эмиграции. После краткой остановки в Болгарии, он прибыл 12 февраля 1920 года в Белград — столицу Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, а затем уехал в Сремские Карловцы, где осели многие из русских эмигрантов. Он проживает в городе Нови-Сад. В качестве секретаря в 1921 году принимает участие в работе Русского Всеаграничного церковного Собора, во многом разделяя позицию митрополита Антония (Храповицкого), которого знал еще с дореволюционного времени. Во вступительной статье к дневнику Колмаков отмечает: «Нам, имеющим дом и семью, трудно представить себе чувства, охватывающие на чужбине человека, который лишен крова, привычного и устоявшегося круга общения, семейного тепла, да к тому же погружен в непривычную языковую и культурную среду»¹⁰.

В конце XX века миллионы русских остались в бывших республиках СССР, ставших независимыми государствами. Из-за угроз многие вынуждены были бежать, бросая или продавая за бесценок свое имущество. Военные конфликты приводили к гибели

людей. Те, кто пережил это, могут представить трагедию Русского Исхода начала XX века, когда с жестокой откровенностью обнаружилось, что русских некому защитить, что «братушки» сербы, как и союзники по Антанте — французы, не говоря уже о прочих, воспринимают эмигрантов отнюдь не дружески. Сравните это печальное открытие, сделанное Скрынченко, с более ранними наблюдениями В. В. Корсака (Завадского), пробывшего более трех лет в немецком плену и прошедшего потом Гражданскую войну. Ему, как и другим русским, во время плена само собой вдруг «стало видно их странное положение. Все нации — немцы, французы, бельгийцы, англичане, поляки были покрыты чем-то жестким, что резало русское добродушие, как нож тесто. Немцы нас считали за варваров, поляки откровенно ненавидели, бельгийцы рассматривали, как “une espèce de sauvages”¹¹. Французы молчали, но они, конечно, не допускали никакого знака равенства между собой и нами, а англичане просто не считались с нами. Но русские никому не имели права платить той же монетой; от России все эти народы что-то требовали, но сами не думали ничего признавать за ней»¹². Ситуация не изменилась и в дальнейшем, во время Гражданской войны. 14 сентября 1919 года Н. В. Устрялов отмечал, что большой успех в Омске имело стихотворение поэта Г. Маслова «Парижанину», напечатанное в белогвардейских газетах рядом с телеграммой В. Л. Бурцева о равнодушии к России французского делегата на мирной конференции г. Гардье:

От хмеля победы горд,
Ты в веселом кафе сидишь,
Но скоро разгул обезумевших орд
Сметет одряхлевший Париж.
Банкир, убегая, уютное жильё
Запрет, тяжело дыша,
И наденет кружевное бельё
Любовница апаша.
На аэроплане умчится Фош
Вербовать надежные полки,
А ты, парижанин, в камерке замрешь,
Изнывая от страха и тоски.
И будет сниться в краю чужом
Париж, как русским Москва, —

А мы мириться вас позовем
На Принцевы острова...¹³

В записи от 15 февраля 1920 года Скрынченко отмечает, что во время Гражданской войны «англичане презирали русских» и «просто оккупировали рус[ский] север», «американцы приехали не для борьбы против большевиков, а ради железных дорог... Русские и сербы должны были подчиняться англичанам. Около Медвежьей горы, где заседали большевики, английский командир запретил французам стрелять, ибо “это ему мешает спать”... большевизм был среди английских, и особенно французских и итальянских солдат. Английские офицеры и солдаты занимались лишь торговлей; бутылку виски продавали по 200—300 рублей вместо 13... английские солдаты крали из вагонов, американские крали организованно» и, в целом, «союзники не хотели победы над большевиками»¹⁴.

Когда же русские эмигранты оказались на чужбине, лишенные родины и средств к существованию, но всё ещё сохраняющие боевой дух, то они стали настоящей головной болью для недавних союзников России. Характерен приведенный в воспоминаниях В. В. Шульгина «1921 год» диалог:

— Европа не может, «ей слишком дорого» кормить армию Врангеля!.. Это — Европа, которая наложила колоссальную контрибуцию, которую она получила только благодаря России... Ибо, если бы Россия, ценою восьми миллионов русских, не вывела из строя четыре миллиона немцев и австрийцев, то Германия не была бы разбита... Вот мое мнение... Германия войной разорила много стран, но Россию более всех. Во всяком случае, убытки, которые взыскивают с Германии, надо делить между пострадавшими...

— Чтобы, значит, было честно... Но ведь Европа говорит — что «мы изменили»...

— Изменили? Кто изменил? Мы? Вздор!.. Мы, все те, кто собрались вокруг Алексеева, Деникина, мы не изменяли... Ложь!.. Мы не только не изменяли, мы продолжали ужасную борьбу — один против ста!.. Немецкие агенты, Ленин и Троцкий, бросили против нас всех тех, что побежали с фронта!.. Так скажите им, Валерий, что мы боролись с этой новой немецкой армией — армией, составленной из русских!.. Боролись бесконечно,

да!.. И вот, наконец, все те, кто уцелели, — собрались вокруг Врангеля... И эти боролись еще шесть месяцев!.. И теперь мы требуем, а не просим...

— Что же именно, ваша милость?..

— А вот что. Счет простой... Вы говорите — часть русских изменила... Ладно, сколько вы хотите снять за их измену?

— Не знаю, ваше превосходительство... Ей-Богу, это — не я, это — они, те, которые... ну словом, — Европа!

— Сколько бы ни снимали за «их измену», наш счет будет достаточно велик. И когда я буду писать передовую статью, Валерий, «когда-то» я напишу так: «От имени не изменивших и не изменявших... от имени старой России, которая погибла жертвой своей верности... от имени миллионов русских, павших в Великой войне... от имени бесчисленных их вдов и сирот... от имени легионов инвалидов... и наконец, от имени старой русской армии, преемниками и наследниками которой мы состоим, мы требуем своей доли священного вознаграждения, купленного реками крови»... Да, на эту, на свою долю, если вообще кто-нибудь имеет право!.. И вот из этих денег надо содержать армию генерала Врангеля... Над этим можно смеяться, и смеются... Но «*gira bien qui gira le dernier*» (смеется тот, кто смеется последним). Если Германия, опершись на Россию, начнет вторую мировую войну, тогда только поймут, какую ошибку сделали, пренебрегая и оскорбляя тех, кого на Босфоре, здесь, должны были встретить салютом из всех пушек... как людей... до конца исполнивших свой долг¹⁵.

Хотя в Первую мировую войну русские сражались не только за свою родину, благодарности ни от Франции, ни от Великобритании, ни от других стран-союзниц они так и не дождались¹⁶. Не случайно мы встречаем в дневнике выписанное Скрынченко стихотворение Жака Нуара (псевдоним поэта-сатирика Якова Окснера):

Мы — нищие на паперти Европы
Во вретнице, с протянутой рукой,
Изведали ухабистые тропы,
Изъедены нуждою и тоской...
Нас не поймут — ни верный сын Корана,
Ни чванный бритт, ни пляшущий француз,
И мучит мысль, тяжелая как рана,

Что мы для всех какой-то лишний груз...¹⁷

Скрынченко неоднократно фиксирует в дневнике факты возмутительного отношения к русским эмигрантам со стороны сербов и болгар. А ведь он, как и многие консервативные публицисты, в период Первой мировой тоже писал о немецком варварстве и защищал братьев-славян. И вот, оказалось, что русских хвалили, пока была великая Россия, способная воевать. Русский националист П. И. Ковалевский когда-то предупреждал, что, оказывая «братьям-славянам» постоянную поддержку, «русские проливали кровь за освобождение из-под ига турецкого греков, румын, сербов, болгар и т. д., и т. д. Всё это хорошо. Всё это похвально. Но... таким нашим заступничеством мы добились того, что все эти наши славянские братья смотрели на нас, как на своих обязанных батраков. Как только кто избидит их, так Россия и должна их выручать. Если выручит — так и должно быть. В благодарность те же вырученные братушки и лягут эту глупую Россию...»¹⁸. Вот и Скрынченко приводит конкретный пример, когда сербский монах Кирилл «разразился гневом по адресу России за то, что она всегда помогала Болгарии, сделала ее великой, а Сербия будто бы всегда стояла вне русского внимания и сама себя освободила»¹⁹. Поработав в 1924 году в библиотеке Матицы Сербской Скрынченко отмечает, что том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина 1853 года издания до него никто не брал в руки и страницы в нем не разрезаны. Мелочь кажется, но случай не единичный, и выходит, что «сербы ничего не читают по-русски, как и прежде не читали. Наши славянофилы очень заблуждались, посылая сюда книги. Русские издания в Матице оказались брошенными на потолок, не зарегистрированными, и когда я приехал сюда, мог взять себе сколько угодно»²⁰. А вот ноябрьская запись от 1928 года: «О, пусть неблагодарные грубые болгары плюют на Россию; она еще покажет себя... И горе будет тем, которые не постеснялись заушать и “срать”, как выразился болгарин, на Россию...»²¹

Публицист А. И. Савенко, бывший знакомым Скрынченко, доказывал, что политика национального эгоизма должна заставить русских искать таких союзников, которые смогли бы помочь в достижении национальных задач. И если эти задачи достижимы

только при условии союза с Германией, нужно «всеми силами стремиться к этому союзу (ближайшей целью союза должно быть поставлено обеспечение русских и германских интересов при разделе Австро-Венгрии)». Если же для заключения между Россией и Германией тайного союза придется пожертвовать интересами чехов и прочего западного (но не южного) славянства, то мы «ни на минуту не задумываясь должны это сделать», как делают это поляки и чехи, поскольку «западное славянство само усердно лезет в немецкую пасть и для облегчения этой операции придумало соус под названием австрославизм». Следовательно, нужно «помочь им, если к тому же за простое непротивление в этой области Германия предоставит нам свободу в деле осуществления задач нашей национальной политики». Савенко приходил к выводу, что здоровая политика национального эгоизма решительно говорит, что «все интересы западного славянства не стоят ни одного русского солдата, ни одного русского рубля»²². К схожим выводам приходил и Скрынченко, полагавший, что русским «много надо поучиться от сербов и прежде всего в смысле патриотизма» и «учиться национализму у крепких духом братьев-сербов»²³. В одной из записей он отмечает: «...у нас, бывало, всё свое хаяли. Нет, даже шовинизм полезнее, чем наша космополитичность»²⁴. Как и М. О. Меньшиков, Скрынченко во многих бедах винил русскую литературу, призывавшую спасать и просвещать всех и вся: «В нас действительно сидит эта ненужная и вредная для нас бацилла “спасения” всех. Через нее-то именно мы и погibli и гибнем там на Родине, мечтая о всеобщем братстве. С этой бациллой положительно надо бороться и больше заняться проповедью национального эгоизма. Мы — великая нация, Бог дал нам великие способности и богатые материальные и духовные возможности. Нам надо быть национально стальными, и тогда западноевропейская гордость сама придет к нам и попросит нашего спасения, без нашего навязывания в этом отношении. Ведь подумать только: нас презирают даже славяне, даже бок о бок живущие с нами поляки и даже новоиспеченные “украинцы”... Нет, повторяю, нам надо в национальном эгоизме и самосознании стать в отношении Запада “*За чертополохом*”, как провиденциально писал Краснов»²⁵.

Поначалу Скрынченко жил в монастыре «Великая Ремета», где не покладая рук изучал сербский язык. Многое раздражало: «Прислуга монастырская относится заметно недоброжелательно. Монахи скупы, жмутся дать лишний кусок хлеба, не говоря уже о чашке молока, а между тем у них такое во всем богатство... Управителю монастыря неприятно, что тут появился лишний рот, да еще русский»²⁶. Монах Кирилл играет в карты с какими-то сельскими интеллигентами²⁷, «еще 7 часов утра, а монах Кирилл уже пьян»²⁸; монах Корнелий рассказывает, что «будучи монахом, 28 лет жил с одной женщиной, имел от нее сына и что эта “жена” умерла лишь 2 года назад...»²⁹, другие примеры приводятся в записи от 27 сентября 1920 года.

Негодование своим поведением вызывал архимандрит Григорий, которого крестьяне даже угрожали «побить камнями»³⁰. Обратим внимание на разговоры в среде духовенства о том, что архимандрит Григорий «погубил протоиерея Восторгова»³¹; что он «виновник расстрела протоиерея Восторгова»³². Сам архимандрит говорил Скрынченко о Восторгове и его выдвиженце — редакторе «Московских ведомостей» Б. В. Назаревском, что когда Назаревский был арестован и расстрелян, то «жена его стала укорять дочь Григория за то, что почему³³ не арестован архимандрит Григорий»³⁴. В опубликованных в 2012 году материалах судебного дела Иоанна Восторгова упоминается архимандрит Григорий (Васильев Иоанн Михайлович). В своем заявлении в Следственную комиссию Верховного революционного трибунала при ВЦИК о. Иоанн писал о том, как его намеренно пытались спровоцировать, обманув «широким и открытым участием в его деле поверенного Крутицкого, архимандрита Григория... втянуть... путем крупной взятки в 300 000 руб. в спекулятивную сделку, этим потом опозорить меня в глазах общественности, одновременно же войти ко мне в доверие и вызнать политические секреты в области активного участия моего в контрреволюции»³⁵. В справке указывается, что архимандрит Григорий окончил МДА и с 1912 года был настоятелем Князе-Владимирской церкви в Московском епархиальном доме³⁶. В комментариях к дневнику Скрынченко биографии о. Григория нет (как, к сожалению, и биографий ряда других персонажей), но можно предположить, опираясь на материалы следственного дела о. Иоанна, что ин-

формация о сомнительных действиях архимандрита в деле Восторгова имеет под собой основание.

Постепенно осваиваясь в новой среде, Скрынченко с интересом фиксирует местные рассказы и легенды о сербах, швабах (немцах) и цыганах³⁷, описывает Рождественские обычаи³⁸, пересказывает интересную легенду «о происхождении мухи в пределах Голубца»³⁹, переводит с сербского и полностью приводит в дневнике обширную статью «Удивительные народные обычаи в Поречье»⁴⁰.

В начале марта 1920 года Скрынченко было предложено место учителя русского языка в сербской женской гимназии, где он проработает до лета 1936 года, преподавая также историю. Атмосфера в гимназии была сложной. Об этом свидетельствуют и дневниковые записи. В 1905 году Скрынченко возмущало падение нравов в женской Мариинской гимназии, где под влиянием «свободомыслия» появились «очаги свободной любви», а одним из негодяев, развращавшим гимназисток, оказался «товарищ прокурора Минского окружного суда Савойский»⁴¹. Теперь же приходилось противостоять распущенности в сербской гимназии⁴². Кого-то может покоробить натурализм записи от 1 апреля 1931 года, но это тоже грустная реальность.

Когда Скрынченко перевелся в мужскую гимназию (преподавал там до 1941 года), то ему стало проще, но не намного, каждый год нужно было продлевать контракт, жалование оказалось гораздо ниже, чем у сербских преподавателей, и к тому же авторитет приходилось постоянно подкреплять. Трудолюбивый по природе, он смог доказать, что умеет и любит работать; в итоге он не только добился уважения, но иногда удостаивался и официальных похвал, как, например, на банкете в марте 1927 года, когда директор гимназии, которого переводили в другую гимназию, в своем прощальном выступлении высоко оценил его заслуги⁴³. Хорошо относились к нему и ученики. Помимо русского языка и истории, Скрынченко преподавал Св. Писание и латынь. В 1943—1944 годах он был директором русской гимназии.

Как верно отмечает Колмаков, общаясь с сербами на работе и вне стен гимназии, Скрынченко стремился остаться русским. Он долго верил в возможность возвращения в Россию, интересовался информацией о положении на родине и при этом способствовал сохранению русской культуры в эмиграции, памяти о рус-

ских, погибших в годы войны. Вот одна из характерных записей: «Считаю себя духовно удовлетворенным, что удалось мне собрать сведения о погибших здесь, в бывшей Австрии, русских военнопленных и поставить им два памятника... Сведения об умерших здесь от голода, расстрелов и т. д. я собрал у сербского священника Матыяшевича, католического военного священника и в архиве новосадской городской думы. Деньги на постановку памятников дали местные жители, которые вообще отнеслись сочувственно... Дело сделано. Рассеемся ли мы или умрем, но хоть эти памятники будут говорить о том, что русские эмигранты заботились здесь не только об устройении своей личной жизни»⁴⁴.

Скрынченко был председателем Новисадского отделения Русской Матицы — общества, созданного русскими эмигрантами с целью сохранения национальной культуры. Эта работа отбирала немало сил и времени, порождала интриги со стороны других эмигрантов. Вместо объединения следовали постоянные ссоры и расколы, что болью отзывалось в дневнике Дмитрия Васильевича. Характерны такие записи: «Среди русских ссоры, дразги, деления на партии, чуть не на касты... Опускаются руки, гибнет вера в людей»; «Наклонность к ссорам и разделению среди русских оказалась сильнее, чем я предполагал... велика и страшна эта наша язва, и невольно страшно становится за наше русское будущее»⁴⁵. Он то надеялся на выздоровление России через крестьянство⁴⁶, то ругал за спесь дворянство: «О, зубры... Ничему вы не научились и ничего не забыли. А пора бы»⁴⁷. Доставалось от Скрынченко евреям, полякам (обращу внимание на изложенную в дневнике историю разрушения ими в Люблине местного православного собора⁴⁸), интеллигенции: «Мы всегда были космополиты, ну и дождались Интернационала...»⁴⁹ Однако после чтения в январе 1932 года книг А. Н. Толстого «Черное золото» и «Петр I» и С. В. Дмитриевского «Сталин» у Скрынченко появилась вполне сменовеховская мысль: «Впечатление — рождается там национальная Русь. И родится. Это несомненно»⁵⁰.

С 1945 по 1947 год Скрынченко работал библиотекарем в «Обществе по культурному сотрудничеству Воеводины и СССР». Он скончался 30 марта 1947 года и был похоронен на Успенском кладбище в Нови-Саде (могила сохранилась и ее фотография приводится в книге).

Закончить статью мне хотелось бы словами Скрынченко: «Иной раз хочется крикнуть эмиграции — бодрее, не опускай головы, русского народа не убить! Тупицы и копеечники Европы расступятся и дадут ему его дорогу, ибо не в силах будут поставить ему преграды»⁵¹.

Примечания

- ¹ *Колмаков В. Б.* Дмитрий Васильевич Скрынченко : биограф. очерк // Воронежский епархиальный вестник. 2003. № 2, 3 ; *Колмаков В. Б., Скрынченко В. А.* Верный сын Православного Отечества // Минские Епархиальные ведомости. 2003. № 1 ; *Колмаков В. Б. Д. В. Скрынченко (1874—1947)* — деятель церкви, историк и педагог // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003. Вып. 11 ; и др.
- ² Список приводится в монографии и библиографии к статье: *Колмаков В. Б.* Скрынченко Д. В. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века : энцикл. / отв. секретарь изд. *А. В. Репников.* М., 2010. С. 466.
- ³ *Скрынченко Д. В.* Минувшее и настоящее : избр. публицистика / предисл. и подгот. текста *В. Б. Колмакова.* Воронеж, 2009. Ч. 1, 2 ; *Скрынченко Д. В.* Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению / вступ. ст. и коммент. *В. Б. Колмакова.* М., 2010.
- ⁴ *Колмаков В. Б.* С Россией в сердце : Дмитрий Скрынченко : история жизни. Воронеж, 2012 ; *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника / предисл. и подгот. текста *В. Б. Колмакова.* М., 2012.
- ⁵ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / сост., авт. вступ. ст. и коммент. *М. А. Емельянова-Лукиянчикова, А. В. Репникова.* М., 2010 ; *Победоносцев К. П.* Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. *А. В. Репникова.* М., 2010 ; *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность / сост., авт. вступ. ст. и коммент. *А. В. Репникова.* М., 2010 ; *Шарапов С. Ф.* Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. *А. В. Репникова.* М., 2010.
- ⁶ *Скрынченко Д. В.* Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. С. 5.
- ⁷ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 77, 156, 162—164, 331—332 и др.
- ⁸ Там же. С. 49.
- ⁹ Там же. С. 29.
- ¹⁰ *Колмаков В. Б.* Предисловие // Скрынченко Д. В. Обрывки из моего дневника. С. 9.
- ¹¹ Племя дикарей (*фр.*).

- ¹² *Корсак В. В.* Плен // *Забывтая война : сб. лит. произведений / сост. Р. Г. Гагкуев.* М., 2011. С. 101—102.
- ¹³ *Устрялов Н. В.* Белый Омск : дневник колчаковца // *Русское прошлое : ист.-док. альм.* 1991. № 2. С. 311. О Принцевых островах упоминается и у *Скрынченко* (см.: *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 44).
- ¹⁴ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 31—32.
- ¹⁵ *Шульгин В. В.* 1921 год // *Континент.* 2003. № 117. С. 179—180.
- ¹⁶ *Гончаренко О. Г.* Литургия Верных : Галлиполи в 1920—1921 годах // *Гончаренко О. Г.* Белоэмигранты между звездой и свастикой. М., 2005. С. 3—46.
- ¹⁷ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 142.
- ¹⁸ *Ковалевский П. И.* Русский Национализм и национальное воспитание России. СПб., 2006. С. 87.
- ¹⁹ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 43.
- ²⁰ Там же. С. 104.
- ²¹ Там же. С. 179.
- ²² *Савенко А. И.* По славянским землям // *Подольнин.* 1911. 10 сент.
- ²³ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 102, 108.
- ²⁴ Там же. С. 92.
- ²⁵ Там же. С. 171.
- ²⁶ Там же. С. 36, 37.
- ²⁷ Там же. С. 42.
- ²⁸ Там же. С. 58.
- ²⁹ Там же. С. 47.
- ³⁰ Там же. С. 54.
- ³¹ Там же. С. 52.
- ³² Там же. С. 55.
- ³³ Так в тексте.
- ³⁴ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 62.
- ³⁵ «Справедливость требует, чтобы мне дана была свобода» : документы из судебно-следственного дела протоиерея Иоанна Восторгова, 1918 год // *Исторический архив.* 2012. № 4. С. 180.
- ³⁶ Там же. С. 189.
- ³⁷ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 47, 54.
- ³⁸ Там же. С. 86.
- ³⁹ Там же. С. 88.
- ⁴⁰ Там же. С. 347—349.
- ⁴¹ *Скрынченко Д. В.* Мои воспоминания // *Имперское возрождение.* 2010. № 1. С. 60.
- ⁴² *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 78, 159, 204.
- ⁴³ Там же. С. 138.
- ⁴⁴ Там же. С. 193.

⁴⁵ Там же. С. 85, 164.

⁴⁶ Там же. С. 69.

⁴⁷ Там же. С. 135.

⁴⁸ Там же. С. 156—157.

⁴⁹ Там же. С. 72.

⁵⁰ Там же. С. 220.

⁵¹ Там же. С. 222.

ББК 63.3(0)51+72.3

Л. В. Софронова, А. В. Хазина

**РЕНЕССАНСНЫЙ УЧЕНЫЙ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ
(ПО ПЕРЕПИСКЕ ДЖОНА КОЛЕТА И ЭРАЗМА
1512—1513 годов)**

Вниманию читателей предлагается перевод четырех писем 1512—1513 гг. из переписки Эразма Роттердамского и его английского друга и покровителя Джона Колета (1467—1519). Эти послания были написаны в кембриджский период жизни Роттердамца (1511—1514 гг.), который отмечен максимальной интенсивностью их эпистолярных контактов¹. К этим письмам, несмотря на фрагментарность содержащегося в них материала, можно в полной мере отнести слова Й. Хёйзинги об *Opus epistolarum* Эразма как о «поистине историческом сокровище во всем, что касается великих духовных движений Гуманизма и Реформации»². Добавим, что приведенные здесь эпистолярные источники, являясь кладезем биографических данных, привлекают внимание исследователя еще и возможностью окунуться в повседневную

© Софронова Л. В., Хазина А. В., 2014

Софронова Лидия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. Lidiasof@yandex.ru

Хазина Анна Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. annh1@yandex.ru

жизнь интеллектуала той эпохи, воссоздать социальный и интеллектуальный контекст, в котором осуществлялись великие труды участников переписки, наблюдать их характеры и взаимоотношения.

Обоих авторов можно отнести к категории *homo libri*. Книги — их написание, издание, рассылка, оплата расходов и другие близкие проблемы — составляют главную тему корреспонденции Эразма и Колета. Среди многих аспектов «книжной» темы в письмах особого внимания заслуживает тот, что связан с важнейшим из деяний Колета — «экипировкой» грамматической школы св. Павла: разработкой учебной программы, изданием новых учебных пособий, поиском учителей. Школа, созданная при кафедральном соборе св. Павла, была учебным заведением принципиально нового типа и стала образцом для классических гимназий Нового времени как по организации учебного процесса, так и по содержанию учебной программы³. Эразм оказывал новому учебному заведению интеллектуальную помощь. Именно со школой св. Павла в Лондоне связано происхождение многих педагогических сочинений нидерландского гуманиста⁴. По его собственному признанию, его педагогические штудии порой являлись уступкой «назойливым просьбам» Колета, например в письме 258 содержится напоминание Эразму об обещанных им стихах для мальчиков. Колет брал на себя оплату всех финансовых издержек Роттердамца. Именно этим обстоятельством была обусловлена работа Эразма по исправлению подготовленного самим Колетом текста элементарной латинской грамматики, о чем гуманист откровенно писал в предисловии: «Колет... передал, вернее, навязал мне это исправление. Что я мог поделать, когда меня без конца упрашивал этот человек, такой друг, что было бы грешно отказывать ему в какой-либо просьбе, оказавший мне настолько большие услуги, что даже имел право приказывать Эразму»⁵. Данную тему продолжают письма 260 и 270, касающиеся истории посвящения Эразмова сочинения по риторике *De copia* школе св. Павла. Первое из посланий является примером особой категории Эразмовых писем — писем-посвящений, составляющих заметную часть его корреспонденции⁶. Такое послание имело, как правило, двойное назначение. В интеллектуальном плане оно служило аналогом современного введения в научное исследование с обозначением новизны работы, ее специфики, методов

и т. д. В деловом плане посвящение являло собой своеобразную плату патрону либо в благодарность за его прошлые благодеяния, либо в надежде на получение их в будущем. Письмо 260 было предисловием к изданию трактата *De copia*. В нем нидерландский гуманист, обращаясь к Колету, выражает восхищение его просветительскими — проповедническими и педагогическими — усилиями, особо подчеркивая их бескорыстный характер. Эту часть письма отличает ярко выраженный комплиментарный стиль, впрочем, не доходящий до откровенной лести. Такой стиль не только уместен в тексте посвящения, но и отражает искреннее одобрение Роттердамцем деятельности Колета. Искренность Эразмова отзыва подтверждается наличием столь же высокой оценки деяний Колета в других его сочинениях. В изысканных выражениях гуманист представляет *De copia* как свой литературный подарок школе, знак благодарности автора за многие благодеяния со стороны основателя школы. Однако письмо 270 уже без каких-либо изящных риторических формул обнажает материальную подоплеку данного жеста: вначале в надежде на вознаграждение Эразм намеревался адресовать свой труд принцу Карлу Габсбургу, но Колету удалось переубедить его, «перекупив» посвящение трактата его школе за 15 золотых ангелов. Поскольку спустя год после достижения этой договоренности назначенная сумма была выплачена наполовину, Эразм напоминает Колету о его обещании, упрекая в скупости. Неожиданным в контексте наших традиционных представлений об их дружбе выглядит стремление автора *De copia* довести до сведения английского друга, видимо в качестве дополнительного средства воздействия на него, слышанные им негативные высказывания других людей, также обличающие скупость Колета. Возможно, эти высказывания исходили от его недоброжелателей, например клириков его собора, которые жаловались на нарушение им обычая гостеприимства: традиционных праздничных ужинов у декана. Эразм немало не смущается при защите своих денежных интересов использовать доводы врагов Колета. Данный пассаж позволяет увидеть отношения этих людей и их характеры в ином свете: декан выглядит скорее как прижимистый спонсор, чем близкий друг. Равным образом, Эразм, хотя и выражал сочувствие Колету в его невзгодах, большую часть письма посвятил своим денежным

претензиям, отдавая, таким образом, приоритет собственной выгоде. Размышляя о том, можно ли назвать дружбой столь «инструментальный» стиль отношений, следует учитывать, что в индивидуалистических культурах, к которым можно отнести и культуру Ренессанса, понимание дружбы тоже определено принципом индивидуализма. Такая дружба, основанная лишь на интеллектуальной близости, не предполагает тесной эмоциональной привязанности и воспринимается как отношения, необходимые для поддержки в трудных ситуациях, в решении конкретных проблем. К тому же, во всех культурах наличествует несколько моделей дружбы, в зависимости от мотивов заключения и поддержания отношений. Если применить классификацию Аристотеля, Колета и Эразма связывала отнюдь не совершенная дружба, подчиненная бескорыстной доверительности и привязанности, не гедонистическая дружба, существующая ради удовольствия и приятности, а дружба утилитарная, основанная на соображениях пользы, выгоды⁷. Такие функциональные связи соответствуют ренессансной этике дружбы, проявление которой мы имеем возможность наблюдать в письме 270.

В сложных коллизиях взаимоотношений этих интеллектуалов проступает проблема материального обеспечения ренессансного интеллигента. Колет, помимо богатого отцовского наследства, имел доходы от нескольких церковных пребенд и не испытывал недостатка. Перед Эразмом, если доверять его частым сетованиям на нужду в письмах из Кембриджа, постоянно стояла проблема поиска средств к существованию. Жалобы на крайнюю бедность встречаются и в послании 270. Однако при интерпретации подобных lamentаций особенно важно не забывать о необходимости критического отношения к источнику. Известно, что в Англии в 1511—1514 гг. Эразм нашел, наряду с Колетом, многих других покровителей — епископа Джона Фишера, лорда Маунтджоя, архиепископа У. Уорема⁸. Он сам не без некоторого самолюбования в письме Серватию Рогеру (от 8 июля 1514 г.) описывал свою популярность в Англии и перечислял щедрые дары благотворителей: «Если б я захотел провести хоть немного месяцев при королевском дворе, я накопил бы сколько угодно бенефициев; но эти мои литературные труды и научные штудии я предпочитаю всему на свете. Архиепископ Кентерберийский, примас всей Англии и канцлер

этого королевства, муж ученый и честный, меня настолько ценит, что будь он моим отцом или братом, невозможно любить больше. <...>. Он дал мне в держание церковную должность, почти в сто ноблей⁹ дохода, которая потом, после моей отставки, по моему желанию была заменена на пенсион в сто крон¹⁰; сверх того он дал за эти несколько лет в качестве подарка свыше четырехсот ноблей, при том что я никогда ничего не просил. Однажды в один день дал сто сорок ноблей. От других епископов я получил свыше ста ноблей, пожертвованных безвозмездно. Господин Маунтджой, барон этого королевства, некогда мой ученик, дал мне годовой пенсион в сто крон. Король и епископ Линкольна, который через короля теперь может всё, великодушно предлагают многое. Здесь есть два университета: Оксфордский и Кембриджский, каждый из которых жаждет заполучить меня»¹¹. Ответ на естественно возникающий вопрос о реальной стоимости перечисленных даров можно найти в исследовании канадского историка Дж. Манро, посвященном ценам, монетам, покупательной стоимости денег в Англии и Нидерландах в начале XVI в. По его подсчетам, упомянутые в письмах кембриджского периода доходы Эразма были эквивалентны совокупному годовому жалованью 82 антверпенских или 93 оксфордских каменщиков того времени¹². Сумма в 15 ангелов, выторгованная Эразмом за посвящение *De copia* школе Колета, составляла 5 ф. ст. 12 ш. 6 п., т. е. была почти равна годовому жалованью того же английского каменщика (5 ф. ст. 15 ш.). Дары благодетелей не были регулярными и ставили Эразма в зависимость от расположения других людей. Но как упоминалось в письме Серватию Рогеру, а также в представленных ниже посланиях 258 и 278, гуманист с марта по июль 1512 г. держал церковную должность — ректорство в приходе Олдингтон в Кенте, с доходом свыше 33 ф. ст., а затем стал получать ежегодный пенсион в 20 ф. ст. На наш взгляд, подобные доходы Эразма, даже при том что часть из них не была постоянной, лишают нас реальных оснований считать его столь бедным человеком, образ которого может сложиться при недостаточно критическом восприятии его частых жалоб на нужду. Полагаем, что помимо особенностей характера¹³ в подобных пассажах проявляется своеобразная этика и практика литературного патроната, который был нормой литературной жизни того времени. Следование ему не нуждается в апологии.

Письмо 258. Лондон, до 22 марта 1512 г.

Иоанн Колет приветствует Эразма Роттердамского!

Мой славнейший Эразм, пожалуй, с самого твоего отъезда я не слышал ничего нового, что касалось бы тебя. Если в дальнейшем я что-либо узнаю, сделаю, как ты просишь, тебя уведомя¹⁴. Последние дни я был в деревне у моей матушки¹⁵, чтобы утешить ее в скорби о смерти моего слуги, который умер в ее доме; она любила его как сына и оплакивала его смерть больше, чем смерть своего собственного сына. Той же ночью, когда я вернулся в город, я получил твое письмо¹⁶. Сообщу тебе только один смехотворный случай, как некий епископ, тот, которого, как я слышал, числят среди довольно благоразумных¹⁷, при большом стечении народа хулил нашу школу и говорил, что я создал бесполезное заведение, мало того, вредное, даже хуже того, говоря его словами, храм поклонения идолам. Думаю, он это сказал из-за того, что здесь изучают поэтов. На это, Эразм, я не гневаюсь, а только смеюсь.

Франц вернулся, он просил твою книгу¹⁸; но господин Иоанн¹⁹ пожелал, чтобы я хранил ее у себя. Посылаю тебе книжицу, в которой есть Проповедь²⁰. Печатники сказали, что отправят несколько (экземпляров) в Кембридж. Будь здоров и не забудь стихи для наших мальчиков, которые я просил тебя составить со свойственными тебе легкостью и мелодичностью²¹. Позаботься, чтобы мы получили вторую часть твоего «Изобилия»²².

Лондон, март 1512 г.

Письмо 260. Лондон, 29 апреля 1512 г.

Дезидерий Эразм Роттердамский приветствует Иоанна Колета, декана собора св. Павла в Лондоне!

Право, я не могу не восхищаться, мой Колет, таким беспримерным и подлинно христианским милосердием твоей души, которому ты постоянно подчиняешь все свои усилия и все устремления жизни, притом не для того, чтобы содействовать собственной выгоде, но чтобы послужить, насколько возможно, великому благу родины и твоих соотечественников. И ничуть не менее я удивляюсь твоей рассудительности, благодаря которой ты наметил два главных дела, каковыми ты можешь в полной мере достичь этой цели. Ибо ты, (во-первых) заметил, что самый

обильный плод любви состоит в том, чтобы неустанной проповедью и святым учением прививать Христа в душах своих сограждан. Этим ты занимаешься уже многие годы²³, не скажу, пожалуй, с какой славой, поскольку к славе ты не стремишься, и даже избегаешь, но определенно, с большой пользой. По этой причине, твой любимый Павел, обычно скромнейший человек, вдруг начинает хвалиться и превозносить себя со своего рода священным нахальством²⁴. И наконец, то (дело), которое ты счел вторым по значению: ты основал грамматическую школу, самую прекрасную и великолепную из всех, где юность Британии под началом самых лучших и опытных наставников может с самых ранних лет впитывать одновременно и Христа, и благороднейшие науки; ибо ты глубоко осознаешь и то, что надежда государства заключается в юношестве, словно в молодой поросли, и то, насколько важно для человека, начиная с пеленок, и затем в течение всей его жизни обучаться самому лучшему.

Кроме того, есть ли кто-либо, кто не полюбил бы также горячо и высокое благородство твоей души и святую, так сказать, гордыню, когда ты предпочел, что оба эти делания на благо родины должны быть бездоходными и некорыстными? Например, за тяжелейшие труды проповедования за столько лет ты не стал богаче ни на грош; когда ты сеял духовное, ничто телесное никогда не пожинал²⁵, а все расходы по школе, которые столь огромны, что могли бы устроить восточного сатрапа, решил нести в одиночку. И в то время как большинство людей весьма охотно в любом деле обычно привлекают партнеров, ты предпочел щедро потратить свое наследство, все состояние²⁶ и даже домашнее убранство, чем допустить кого-либо из людей разделить с тобой эту славу²⁷. Скажи, пожалуйста, что это, как не отцовское (и более чем отцовское) чувство²⁸ ко всем твоим гражданам и ко всем их детям? Ты отнимаешь у себя самого, чтобы обогатить других, ты разоряешь себя, чтобы снабдить других, изнуряешь себя тяжелой работой, чтобы твое детище процветало во славу Христа. Короче, ты отдаешь всего себя, чтобы отвоевать их для Христа.

Только человек, исполненный зависти, может не поддерживать усердно твои такие старания; только нечестивый может громко возражать и препятствовать им; поистине враг Англии тот, кто не стремится чем-либо помочь в меру своих сил. Я нико-

гда не забывал, как много обязан английской нации в целом и тебе особенно, и подумал, что мне следует сделать небольшой литературный подарок для снаряжения твоей школы. Поэтому я решил посвятить новой школе эти два новых комментария «О двойном избытии». Совершенно очевидно, что, с одной стороны, этот труд удобен для отроческого возраста, а с другой, если я не ошибаюсь, он будет и небесполезен. Однако пусть судят другие, сколько эрудиции в этом моем сочинении и в какой мере полезен он может быть. Я же могу уверенно утверждать, что предмет этот был мною впервые предложен и исследован. Ибо любой может увидеть, насколько наше наставление отличается от того, что сделал Юлий Поллукс, древнегреческий автор, который распределил названия отдельных вещей по темам и собрал, можно сказать, в кучи некие синонимы и родственные выражения²⁹. И, конечно, не стоит вспоминать Исидора, Мария и Филиска, людей, столь далеких от Сориа, что неоднократно они не смогли высказать по-латыни то, что думают³⁰. А та книжица, которую приписывают Цицерону³¹ (я же думаю, что, скорее всего, она была составлена из сочинений Цицерона неким страстным его почитателем)? Скажи на милость, что еще в ней есть кроме беспорядочного нагромождения некоторых выражений?

Мы постарались указать на некоторые формулы Сориа как на исходные начала для того, чтобы можно было перейти поэтапно от общего к частному, впрочем, я с сожалением признаю, что нашей книге не хватает должной тщательности.

Дело в том, что некогда мы беспорядочно насобирали необработанный материал для будущей книги, и я понимал, что для достойной его обработки необходимо еще немало потрудиться, долгими бессонными ночами читая многих и многих авторов. Поэтому я был не очень расположен опубликовать ее, но узнав, что некоторые лица покушаются на эти комментарии и даже недалеки от того, чтобы опубликовать их в самой неверной форме³², я был вынужден, кое-как исправив, выпустить их в свет. Ведь это — меньшее зло. Прощай, мой добрый Колет.

Лондон, 29 апреля 1512.

Письмо 270. Кембридж, 11 июля 1513 г.

Эразм Роттердамский шлет привет Колету, своему единственному патрону!

На письмо, написанное в шутку, ты отвечаешь серьезно³³. Вероятно, не следовало острить со столь важным патроном. Но тогда мне хотелось добавить аттической соли (в разговор) со столь близким другом, памятуя больше о твоей доброте, нежели о величии. Твоей снисходительности придется благосклонно пощадить мою глупость.

Ты пишешь, что я у тебя в долгу, хотя не желаю этого. Конечно, мой Колет, весьма мучительно, как говорит Сенека, быть обязанным, кому не желаешь³⁴. Однако я не знаю никого из смертных, кому я был бы охотнее обязан, чем тебе. И к тому же, твое расположение ко мне всегда было таковым, что я и впредь готов быть твоим должником, даже если к нему не присоединялись бы никакие услуги с твоей стороны; а поскольку к расположению прибавляется столько благодеяний и милостей, то я был бы самым неблагодарным человеком на свете, если б не признал этого. Словам о твоей бедности я, безусловно, и верю и сочувствую. Но моя бедность, тяжело угнетая меня, ведет к тому, что и твоей бедности я приношу хлопоты. Насколько неохотно я так поступаю, ты можешь заключить из того, сколь поздно я попросил у тебя давно обещанное³⁵. Я совсем не удивлен, что ты, как человек, поглощенный столь многочисленными делами, мог забыть свое обещание. Однажды в твоём саду, когда речь зашла о *De sorìa*, и я сказал, что намерен адресовать сей предназначенный для юношества труд нашему юному принцу³⁶, ты попросил меня посвятить это новое сочинение твоей новой школе. Улыбнувшись, я ответил, что твоя школа слишком бедна, а мне нужно, чтобы кто-нибудь дал мне в руку. Ты в ответ рассмеялся. Потом, после того как я привел множество видов моих расходов, ты, немного помедлив, заявил, что не можешь предоставить столько, сколько требуют мои дела, но готов охотно дать пятнадцать ангелов³⁷. И когда ты с непринужденным видом повторил это, я спросил, является ли это удобным. Ты ответил еще более непринужденно, что определенно готов с удовольствием заплатить эту сумму. После этого я сказал: «А я с удовольствием получу».

Возможно, от этого напоминания наш разговор вновь придет тебе на ум. Я мог бы и другими доводами подкрепить сказанное, если ты по доброй воле мне уже не веришь. Кроме того, есть и другие люди, конечно же, друзья (ибо с недругами у меня нет никакого общения, и их речи я ни во что не ставлю), которые открыто называют тебя жестковатым и излишне расчетливым в расходовании денег; которые рассказывают (насколько я могу судить по их словам), что не из-за порочной скупости, а оттого, что поскольку от робости нрава ты не можешь отказать ненасытным просителям и бесчестным вымогателям, то и к друзьям, отнюдь не назойливым, бываешь менее щедр, ведь ты не можешь удовлетворить и тех, и других. Однако ни тот, ни другой случай ко мне не относятся, ибо я не так уж ненасытен и докучлив, и потому всегда пользуюсь твоей щедростью. А узнал я всё это, кстати, не от твоих недоброжелателей, а от тех, кто от всей души желает тебе добра. Всё же, с их мнением я ни соглашаюсь, ни оспариваю его, за исключением, пожалуй, того, что я знаю твою исключительную ко мне щедрость. Если не откажешься дать остальное из обещанного, то, поскольку мои дела сейчас так сложились, я приму это не как долг, а как благодеяние; постараюсь, если будет возможно, каким-либо образом его вернуть и, несомненно, буду с благодарностью помнить.

Неприятно поразил меня конец твоего письма, где ты пишешь, что тяготы от твоих обязанностей тебя гнетут сильнее обычного. Право же, мне очень хотелось бы, чтоб ты отдалился как можно дальше от мирских забот. Не оттого, что боюсь, что этот такой цепкий мир сочтет тебя своим и наложит на тебя свою руку. Просто я предпочел бы, чтоб такое дарование, такое красноречие, такая ученость служили всецело только Христу. И если ты не можешь освободиться, хотя бы остерегайся того, чтоб не увязнуть еще глубже. Может быть, следует предпочесть быть побежденным, чем приобрести победу такой ценой. Ведь спокойствие духа — величайшее благо. Таковы и заботы, сопровождающие богатство. Однако противопоставляя пустословию недоброжелателей чистую и спокойную совесть, сосредоточься на единственном и неизменном Христе, и этот переменчивый мир будет меньше тебя беспокоить. Но что я — свинья — учу Минерву³⁸, и будучи сам больным, стараюсь врача исцелить? Будь здоров, мой единственный наставник. Кембридж, за пять дней до июльских Ид.

Я завершил сопоставление Нового Завета; теперь приступил к святому Иерониму³⁹. Прилечу к вам, как только закончу. Твой Томас Лапсет⁴⁰ — а он действительно твой питомец — помогает мне во многом, и в обычных повседневных трудах и радостях, и в работе по исправлению этих (текстов), которую он для меня выполняет. И я отвечаю услугой за услугу; и намерен и впредь делать то же самое еще больше, если он будет поглощен своими занятиями, от которых мне не хотелось бы отвлекать юношу. Поверь мне, нет никого преданнее тебе, чем он. На этот раз, прощай.

Письмо 278. 31 октября 1513 г.

Эразм Роттердамский приветствует своего Колета!

Невозможно выразить, как я рад поздравить тебя с вновь обретенным покоем⁴¹. Желал бы я знать, что угодно суффрагану: он знал об этих объявленных уже расходах, когда брал (на себя) труд с моим пенсионом, и всё же при этом — ни слова тогда (не сказал) о разделе десятины⁴².

Вижу, ты раздосадован из-за того, что я вновь покинул Лондон, не поприветствовав тебя, и порицаешь мое нетерпение. Я, конечно, не отрицаю своего недостатка, но ничего из того, что ты заподозрил, не было⁴³. Прежде всего, у меня не было к тебе никакого дела, да и слуга твой, Уильям, ясно предупредил меня, что ты чрезвычайно занят письмами, и чтобы я не мешал тебе; хотя я приходил не за этим, а только хотел получить у твоего Уильяма⁴⁴ предназначенные мне письма. К тому же, я так спешил скрыться от вас из-за страха чумы, что даже решил не заходить в свою комнату⁴⁵. Когда я снова вернулся забрать книги⁴⁶, то собрал заодно и книги, и вещи. Покончив с этим, я, поскольку был уже поздний час, поспешил убраться оттуда и в своей комнате не ночевал; заботу о перевозке пожиток поручил Йодокусу⁴⁷. Из-за этих обстоятельств я и не поприветствовал тебя.

Накануне ноябрьских календ я получил твое послание, написанное 7 октября, и еще раз написал тебе об этих же вещах⁴⁸. Если у тебя нет моего Матфея, он, я более чем предполагаю, есть у Рочестера⁴⁹. Но поскольку я передал его отдельно, он не присоединил его к остальным [текстам Нового Завета]; если он потерялся, то я обвиню себя самого и накажу себя за легкомыслие

тягостью повторного труда. Все бегут отсюда прочь в любом направлении, и мы сами отбываем в деревню⁵⁰, но нехватка вина⁵¹, вероятно, прогонит нас в Кембридж.

Я уже поздравлял тебя в прошлом письме и вновь поздравляю с тем, что ты смог вернуться к своим святейшим и спасительнейшим трудам проповедования. Полагаю, что этот небольшой перерыв⁵² даже обернется благом: слушатели еще более жадно будут слушать того, чей голос они довольно долго не могли услышать. Да сохранил тебя Всевышний Господь наш Иисус Христос!

Из Кембриджа, накануне ноябрьских календ.

Примечания

- ¹ На данный период приходится 9 посланий; вся сохранившаяся переписка Колета и Эразма насчитывает 21 письмо, составляя весьма незначительную часть огромного эпистолярного наследия гуманиста: 11 томов фундаментального издания *Opus epistolarum* Эразма включают 3141 письмо, из них его перу принадлежат 1600 эпистол. См.: *Erasmus Desiderius. Opus epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami* : in 11 vols / Ed. P. S. Allen, H. M. Allen, H. W. Garrod. Oxford, 1906—1947. Последний, двенадцатый том (Oxford, 1958) включает индекс. Далее — ОЕ, римские цифры обозначают номер тома. Перевод выполнен по этому изданию: Vol. I. P. 508—509, 510—512, 525—528, 536—537. Применяется та же нумерация писем. При составлении комментариев частично использованы материалы английского издания эпистолярного наследия Эразма: *The Correspondence of Erasmus. Vol. 2: Letters 142 to 297, A.D. 1501—1514* / Ed. by R. Mynors, D. Thomson, W. Ferguson. Toronto, 1975.
- ² Хёйзинга Й. Эразм // Хёйзинга Й. Культура Нидерландов в XVII в. : Эразм : избр. письма. Рисунки / сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова. СПб., 2009. С. 207.
- ³ Подробнее см.: Софронова Л. В. Грамматическая школа св. Павла : гуманистические принципы организации образования // Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени. М., 1991. С. 245—269.
- ⁴ Софронова Л. В. Античное наследие в культуре Возрождения: рецепция классической латыни в грамматической школе св. Павла // Иресиона : Античный мир и его наследие. Белгород, 2002. Вып. 2. С. 175—187.
- ⁵ *Erasmus Desiderius. Opera omnia*. I. 4. P. 120.
- ⁶ *Inter alia cf.*: Ep. 158, 182, 261, 396, 710, 916, 1062, 1112, 1171, 1179, 1181.

- ⁷ Ср.: *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 222.
- ⁸ Подробнее см.: *Garrod H. W.* Erasmus and his English Patrons // *The Library* : 5th Series. 1949. Vol. 4. № 1. P. 1—13 ; *Rummel E.* Fertile Ground : Erasmus' Travels in England // *Travel and Translation in the Early Modern Period* / Ed. by C. Di Biase. Amsterdam ; N. Y. : Rodopi, 2006. P. 45—48.
- ⁹ Нобль составлял треть фунта стерлингов, доход от должности равнялся 33 ф. ст. 6 ш. 8 п.
- ¹⁰ Речь идет об английской кроне с розой, которая равнялась 5 ш., пенсия Эразма составляла 20 ф. ст.
- ¹¹ OE. I. P. 569—570. Ep. 296.
- ¹² *Munro J. H.* Money, Wages, and Real Incomes on the Age of Erasmus : the Purchasing Power of Coins and of Building Craftsmen's Wages in England and the Low Countries, 1500—1540. Toronto, 2001. P. 1, 80. URL: <http://www.chass.utoronto.ca/ecipa/wpa.html> (дата обращения: 25.11.2013).
- ¹³ «Великий ученый, но мелочный характер». Cf.: *Lindsay T. M.* History of the Reformation. N. Y., 1906. Vol. 1. P. 172.
- ¹⁴ Речь идет о получении Эразмом церковной пребенды. 22 марта 1512 г. архиепископ Кентерберийский Уильям Уорем (1450?—1532) назначил его ректором Олдингтона в Кенте.
- ¹⁵ Госпожа Кристиан Колет, урожденная Невет (1446?—1521). См.: *Mackenzie M. L.* Dame Christian Colet : her Life and Family. Cambridge, 1923. Эразм гостил у нее в доме в лондонском пригороде Степни в 1511—1512 гг.
- ¹⁶ Вероятно, вместе с письмом Аммонию 19 февраля 1512 г. было отправлено и несохранившееся послание Колету с той же просьбой; данная эпистола является ответом на это послание Эразма.
- ¹⁷ Ричард Фитцджереймс (1440—1522) занимал лондонскую кафедру в 1506—1522 г. См.: *Gunderson C. F.* Fitzjames Richard // *Contemporaries of Erasmus : a Biographical Register of the Renaissance and Reformation* : in 3 vols. Toronto, 1985—1987. Vol. 2. P. 40. (далее — CE). Р. Фитцджереймс дважды — в 1481 и 1491 гг. — был вице-канцлером Оксфордского университета, что послужило основанием для язвительного замечания Колета.
- ¹⁸ Франц Беркман, Franciscus Birckman, Berckman (?—1530) — торговый агент из Антверпена, посредник между Эразмом и издателями Фробеном, Бадием, крупный книготорговец, действовавший в Нидерландах, Франции, Англии. О его роли в издании Эразмовых сочинений см.: *Хейзинга Й.* Указ. соч. С. 295—296. Учитывая деловые связи Беркмана с книжным магазином при соборе св. Павла, можно пола-

- гать, что его знакомство с Колетом произошло независимо от Эразма. Подробнее о нем см.: *Bietenholz P. Franciscus Birckman // CE. Vol. 1. P. 149—150.* Возможно, идет речь о рукописи *De Copia*.
- ¹⁹ Вероятно, Джон Сикстин (*Joannes Sixtinus, John Sextun*, ум. 1519) — английский церковный деятель, доктор гражданского права. С Колетом и Эразмом познакомился в 1499 г. в Оксфорде, в 1511—1512 гг. жил в Лондоне. Подробнее см.: *Guenther I. Joannes Sixtinus // CE. Vol. 3. P. 255—256.*
- ²⁰ *Colet J. Oratio Habita a D. Joanne ad Clerum in Convocatione // Anno MDXI.* Декан выступил с Соборной проповедью 6 февраля 1511/2 г. в соборе св. Павла, перед синодом духовенства Кентерберийской церковной провинции. Возможно, Эразм присутствовал на синоде. Здесь упоминается о первом латинском и английском (вероятно, в переводе автора) изданиях 1512 г., не дошедших до нас. Русский перевод со вступительной статьей и комментарием см.: *Софронова Л. В. «Соборная проповедь» Д. Колета : реформация или реставрация? // Textum Historiae : исследования по теоретическим и конкретно-историческим проблемам всеобщей истории. Н. Новгород, 2005. С. 107—120.*
- ²¹ Стихотворная серия *Carmina Scholaria* из пяти произведений, посвященных скульптурному образу Иисуса в школе св. Павла: *Эразм Роттердамский.* Стихотворения. М., 1983. С. 168—170.
- ²² Вторая часть книги — «Об изобилии вещей» (*De rerum copia*), первая часть — «Об изобилии слов» (*De Copia verborum*).
- ²³ В 1496—1504 гг. Колет в рамках университетского курса лекций публично толковал Послания апостола Павла, с 1504 г. в качестве декана собора св. Павла выступал с проповедями в своем храме в каждый воскресный и праздничный день, а в Великом посте — при королевском дворе.
- ²⁴ Ср.: Рим. 15:17—19; 2 Кор. 10:13—16; 1 Кор. 1:32.
- ²⁵ Ср.: 1 Кор. 9:11: «Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное».
- ²⁶ В пересчете на современные денежные единицы состояние Колета оценивается в 3,44 млрд ф. ст.: *The Richest of the Rich : the Wealthiest 250 People in Britain Since 1066 / Ed. Ph. Beresford, W.D. Rubinstein. L., 2007. P. 308.*
- ²⁷ Ср.: «Он не допустил никакого соучастия [в финансировании школы], хотя это стоило ему больших затрат». Эразм Роттердамский. Послание Юстусу Йонасу. Жизнеописание Жана Витрие и Джона Колета // *Софронова Л. В. Джон Колет: опыт реставрации образа христианского мыслителя ренессансной эпохи. Н. Новгород, 2009. С. 409 (далее—Жизнеописание).*

- ²⁸ В письме к У. Лили, послужившем предисловием к написанному Колетом начальному варианту учебника латинской грамматики — «Книжице о строении восьми частей речи» (*De octo Orationis partium constructione libellus*), декан признавался: «Мне кажется, мой дорогой Лили, что я испытываю к моей школе такую же нежность, какую отец питает к своему единственному сыну, которому стремится передать не только свое имущество, но и, если б это было возможно, отдать самого себя. Ибо, как полагает отец, мало произвести на свет сына, нужно дать ему достойное знание хорошей науки. Так и для меня недостаточно, что я выстроил, то есть породил эту школу, употребив на это всё мое состояние и даже предоставив всё наследство, если я не сделаю всё возможное, чтобы обучить детей благочестивым нравам и хорошим наукам и воспитать до полной зрелости и совершенства. Поэтому я посылаю тебе эту небольшую книгу... но она отнюдь не малую пользу принесет нашей юности, если ты ее правильно объяснишь, и будешь учить» (*Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami. Ordo I. Vol. 4. Amsterdam, 1973. P. 119*).
- ²⁹ Юлий Поллукс Полидевк (II в.) — латинский грамматик, автор труда «Ономастикон» (10 кн.) — словаря греческого языка, построенного не в алфавитном порядке, а по синонимам.
- ³⁰ Исидор (560—636), архиепископ Севильский, наряду с «Этимологиями» составил словарь синонимов (*Synonyma*), который известен также под названием «Плач грешной души»; см.: *Sancti Isidori. Hispalensis episcopi Synonyma. De Lamentatione animae peccatricis // Patrologiae cursus completus: Series Latina / Ed. J. P. Migne. 221 vols. Parisiis, 1844—1855. Vol. 083. Col. 0825—0868 C (далее — PL)*. Гай Марий Викторин, Викторин Афр (между 281 и 291 гг. — после 363 г.) — римский грамматик, автор трактата «Об определениях»: *Liber de definitionibus // PL. Vol. 064. Col. 0891—0910 C*. Стефано Фиесчи из Сончино, близ Кремоны (*Stefano Fieschi de Soncino*, латинизированное имя — *Stephanus Fliscus, Fliscus*, к. XIV в. — 1477 г.), автор билингвального руководства по написанию писем «Синонимия предложений», 1437» (*Synonymia sententiarum*) или «Изменения предложений» (*Sententiarum Variationes*), представляющего собой набор риторических фраз, формул на итальянском языке с их вариантом перевода на латинский язык. Электронную версию издания 1502 г. см.: *Stephanus Fliscus. Sinonima variationum sententiarum ex italico sermone in valentinum per Hieronimum Amiguetum redacta. Christojeans Koffman, 1502. URL: http://books.google.ru/books?id=4Y3mJZ_qzrMC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 25.11.2013)*.
- ³¹ Трактат «Синонимы» (*Synonyma*), приписывавшийся Цицерону, см.: *Marcus Tullius Cicero, Cicero Victurius, Stephanus Fliscu. Synonyma ex-*

- cellentissimi rhetoris Ciceronis, Victurii viri disertissimi: una cu[m] Stephani Flisci synonymis utriusque linguae co[n]sumatissimi Vietor & Singrenius, 1513. URL: <http://books.google.ru/books?id=IfxRAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 25.11.2013).
- ³² В письме от 19 ноября 1511 г. (ОЕ. Р. 488. Ер. 244) Джон Сикстин сообщил Эразму, что получил из Италии давний набросок текста *De Soria* от некоего У. Тэйла, который в силу курьезных обстоятельств стал обладателем архива Эразма, оставленного автором в Ферраре в декабре 1508 г., и продал парижскому книготорговцу Ж. Граньону конспективный вариант трактата «О способе обучения», обнаруженного им среди бумаг Роттердамца. Парижская публикация «О способе обучения» 20 октября 1511 г., да еще с именем У. Тэйла в качестве адресата, став неприятной неожиданностью для Эразма, побудила его поторопиться с изданием *De Soria*.
- ³³ Ни письмо Эразма, содержащее, как явствует из текста, облеченное в шутиливую форму требование денег, ни назидательный ответ Колета не сохранились.
- ³⁴ Cf.: *Seneca. De Beneficiis. — Liber II. — 18*: «великое мученье — быть обязанным, кому не желаешь».
- ³⁵ Трактат *De Soria* был опубликован Бадием 15 июля 1512 г., письмо-предисловие с посвящением Эразмова труда школе св. Павла написано в апреле 1512 г.; следовательно, описываемое в письме событие могло иметь место между сентябрем 1511 г. и апрелем 1512 г., т. е. Эразм напомнил Колету об обещанных деньгах почти полтора или два года спустя.
- ³⁶ Очевидно, Эразм имел в виду тринадцатилетнего принца Карла Габсбурга, советником которого он стал в 1515 г.
- ³⁷ *Angelatus* (англ. *engel*) — ангел, наименование английской золотой монеты весом 80 гранов (5,18 г), получившей свое название от изображения архангела Михаила на реверсе монеты. Ангел равнялся 6 шиллингам и 8 пенсам, или 80 пенсам, или 1/3 фунта. Сумма, предложенная Колетом, составляла £5 12s 6d и была эквивалентна 225 дневным заработкам рабочего-каменщика в Оксфорде.
- ³⁸ «Свинья учит Минерву» (*Sus Minervam docet*), т. е. невежда поучает сведущего.
- ³⁹ В Кембридже Эразм работал над исправлением текста Нового Завета и писем св. Иеронима, сопоставляя множество древних манускриптов.
- ⁴⁰ Т. Лапсет (с. 1495—1530) — воспитанник Колета, выпускник школы св. Павла, под руководством У. Лили освоивший в школьные годы греческий язык. В годы обучения в Кембридже помогал Эразму в ра-

боте над греческими текстами. Подробнее см.: *Bietenholz P. G., Deutscher Th. B. Thomas Lupset // CE. Vol. 2. P. 357—359.*

- ⁴¹ Обретение Колетом «покоя» связано с временным разрешением конфликтной ситуации между ним и епископом Лондона, который поддерживал борьбу соборного капитула против декана; опираясь на их донесения, обвинил того в ереси и отстранил его от кафедры.
- ⁴² Суффраган — викарный епископ, подчиненный архиепископу. В данном случае речь идет о Джоне Торнтоне, сменившем 31 июля 1512 г. Эразма в должности ректора прихода Олдингтон в Кенте. Роттердамец сохранил за собой пенсию в 20 ф. ст. Проблема, взволновавшая Эразма, была связана с выплатой 10 %-го королевского налога на духовенство, вотированного конвокацией весной того же года. Эразм полагал, что налог не должен распространяться на традиционные десятины, из которых формировалась его пенсия, а выплата налога являлась обязанностью исключительно ректора. Спор Эразма и Дж. Торнтон мог касаться также и того, кто из них должен заплатить папские аннаты.
- ⁴³ Очевидно, что в сентябре—октябре 1513 г. Эразм дважды ненадолго приезжал в Лондон и оба раза не посетил Дж. Колета, что вызвало неудовольствие последнего и некие подозрения, которые были высказаны в несохранившемся письме декана, возможно, в упомянутом далее в тексте послании от 7 октября.
- ⁴⁴ П. С. Аллен полагал, что это Уильям Данкастер, один из домочадцев Колета, упомянутый в его завещании как *master Dancaster*, унаследовавший 6 ф. ст. 13 ш. 4 п.; см.: *Colet J. Testamentum Ioanni Coleti, decani ecclesiae cathedralis Sti Pauli Londinensis (22 August 1519) // Knight S. The Life of Dr. John Colet. Miscellanies. № XX. P. 401.*
- ⁴⁵ Комната Эразма могла находиться в доме декана собора св. Павла (см.: *Erasmus Desiderius. The Epistles of Erasmus : from his earliest letters to his fifty-first year / Ed. and Trans. F. M. Nichols. Vol. 2. L., 1962. P. 96*); в доме Мора или Гроцина (см.: *Erasmus and Cambridge : the Cambridge Letters of Erasmus / Trans. D. F. S. Thomson with introduction, notes and commentary by H. C. Porter. Toronto, 1963. P. 163. № 160*); в доме лорда Маунтджоя на Найтридер-стрит (Knightrider Street), в трех-четыре минуты ходьбы от собора св. Павла (см.: *Ibid. P. 217*).
- ⁴⁶ Скорее всего, это произошло во второй приезд Эразма в Лондон, целью которого была подготовка к отъезду на континент.
- ⁴⁷ Известный издатель и книгопродавец Йоост Бадиус из Ассхе, латиниз. имя — Йодокус Бадиус Асцензий, более известен под фр. именем Йосс Бадий (*Joost Assche, Jodocus Badius Ascensius, Josse Bade, 1461—1535*).

- С ним или, что скорее, с кем-то из его агентов Эразм отправил свои сундуки в Антверпен. Подробнее см.: СЕ. Vol. 1. P. 79—80.
- ⁴⁸ Оба письма не дошли до нас.
- ⁴⁹ Епископ Рочестерский Джон Фишер (1469—1535), канцлер Кембриджского университета (1504—1514), был главным покровителем Эразма в период пребывания того в Кембридже. Упомянутый «Матфей» мог быть либо одним из литературных подарков Эразма своему покровителю, представляя собой рукопись исправленного латинского перевода Евангелия от Матфея или комментарии к Евангелию; либо просто рукописью, взятой Фишером у Эразма взаймы, что объясняет опасения гуманиста об утрате и намерение вновь написать текст. Подробнее об их отношениях см.: *Porter H.C. Fisher and Erasmus // Humanism, Reform and the Reformation : the Career of Bishop John Fisher / Ed. by Br. Bradshaw, E. Duffy. Cambridge, 1989. P. 79—102.*
- ⁵⁰ Как полагал П. С. Аллен (ОЕ. I. Ep. 274. P. 532) к Уильяму Гонелю (с 1517 г. — учитель детей Т. Мора, ум. 1560), в деревню Landbeach, расположенную в 5 милях к северо-востоку от Кембриджа.
- ⁵¹ Страдая от мочекаменной болезни, Эразм облегчал мучительные приступы употреблением хорошего вина: «Уже несколько лет я страдаю от камня, недуга очень мучительного и опасного. Уже несколько лет я не пью ничего, кроме вина, причем далеко не любого вина, и к этому вынуждает болезнь» (ОЕ. I. Ep. 296. P. 567).
- ⁵² Нельзя отрицать вероятности того, что прекращение проповедования могло быть связано с болезнью Колета или путешествием, но о них нам ничего не известно. Полагаем, что слова из первой строки о «вновь обретенном покое» дают основания видеть причину в запрете, наложенном на него архиепископом. Однако в письме не говорится ни о причинах епитимии, ни о ее длительности. В одной строке (lin. 26) Эразм говорит о «небольшом перерыве» (*cessatiunculam*) в проповедовании, в другой (lin. 27) — о том, что Колет молчал «довольно долго» (*aliquandiu*). Если связывать епитимью с Соборной проповедью, то декан был отстранен от кафедры в течение 20 месяцев (с марта 1512 г. по октябрь 1513 г.). Если епитимья была вызвана его антивоенной проповедью, срок сокращается до 7 месяцев (с апреля 1513 г.).

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 74.266.3

С. В. Коваленко, Л. К. Ермолаева

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В КОРРЕКЦИИ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ УЧАЩИХСЯ

Исследование закономерностей возникновения и развития радикальных общественно-политических движений, деятельность которых в течение XX века дважды привела к кризису российское государство, выявляет особую роль интеллигенции. Традиционно феномен интеллигенции определяется как слой «людей, профессионально занятых умственным трудом». Специфику понятия «интеллигенция» в русской ментальности определил журналист второй половины XIX века П. Боборыкин. По его мнению, интеллигенция в России — это чисто русский морально-этический феномен. Содержанием этих морально-этических ценностей стали идеи социального мессианства в противопоставлении официальной государственной власти. В русской предреволюционной

© Коваленко С. В., Ермолаева Л. К., 2014

Коваленко Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры специальной психологии и олигофренопедагогики Московского государственного областного университета.

Ермолаева Любовь Константиновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и правовых дисциплин Ивановского филиала Российского государственного торгово-экономического университета. ermolaevalk@mail.ru

культуре в трактовке феномена «интеллигенция» оказались разведены понятия «образованный класс» и «интеллигенция». Не любой образованный человек мог быть отнесен к интеллигенции, а лишь тот, который критиковал «отсталое» правительство с позиций социального мессианства, проведения радикальных реформ в исторически сжатые сроки, создающих условия для свободного развития личности. Эти традиции социального мессианства в условиях концентрации политической власти либо царским правительством, либо однопартийной системой власти в СССР предопределили симпатии российской интеллигенции к либеральным и социалистическим идеям. Основным направлением деятельности российской интеллигенции стала пропаганда идей свободы личности в различных формах её самовыражения, в том числе как творца высших духовных ценностей.

Если исходить из тезиса, что сущность и роль интеллигенции заключается в создании и пропаганде высших духовных ценностей, то возникает вопрос о содержании этих ценностей, который часто оказывается предметом противостояния больших социальных групп. Очевидно, что противоречие в системе высших духовных ценностей обусловлено кризисом социально-экономического и политического менталитета россиян XX века, в основе которого лежала общественная потребность в переходе от традиционных коллективистских принципов организации жизнедеятельности общества к новым, индивидуалистическим. Традиционные духовные ценности культивируют эмоционально-чувственные отношения субъекта и объекта управления по поводу иерархии и концентрации власти. Значимость этих духовных ценностей заключается в определении принципов и норм взаимодействия субъекта и объекта управления, их взаимные права и обязанности. Стержнем этой системы духовных ценностей было обязательство субъекта гарантировать конкретный минимум прав объекта. Традиционно в качестве примеров стран с доминированием духовных ценностей коллективизма называют Китай и Японию. Проблема исследования феномена социального мессианства русской интеллигенции в противодействии традиционным духовным ценностям официальной государственной власти заключалась в абстрактном понимании личной свободы как условия прогрессивного развития по образцу стран Западной Европы.

В XX веке развитие этих стран осуществлялось на основе принципов рыночной экономики, протестантской этики и доминирования духовных ценностей личной свободы, реализованных в сферах предпринимательства. Представители русской либеральной интеллигенции не осознавали, что свобода реализации творческого потенциала личности должна осуществляться посредством созидания общественно значимых ценностей.

Смысл философского исследования сущности и роли интеллигенции заключается в выявлении методологии создания и пропаганды высших духовных ценностей, обеспечивающих целостность, стабильность и устойчивость развития общества. В качестве такой философско-методологической основы следует признать концепцию И. В. Вернадского, рассматривавшего исторические процессы самоорганизации человека как расширение его возможности использовать материально-энергетический потенциал Космоса, Биосферы и социального взаимодействия для своего развития. На рубеже третьего тысячелетия, когда идет формирование глобального информационно-духовного производства, интеллигенцию нельзя рассматривать как некую единую группу, являющуюся носителем системы духовных ценностей. Если одни группы ориентированы на создание духовных ценностей, обеспечивающих сплоченность и общность социума, то другие группы создавали системы ценностей индивидуальной самореализации. Интеллигент как субъект принятия управленческих решений создает системы духовных ценностей, которые обеспечивают возможность реализации творческого потенциала личности в рамках целостного, стабильного и устойчивого развития общества. Сущность и роль интеллигенции как социальной группы заключается в выборе методологии созидания материальных и духовных ценностей с позиций рациональности, возможность преобразования энергии личности, общества и природы в энергию культуры, дабы обеспечить конкурентоспособность и устойчивость развития общества.

Анализируя сущность процессов самоорганизации человека, В. И. Вернадский отметил: «Мы должны различать три реальности: 1) реальность в области жизни человека, природные явления ноосферы и нашей планеты, взятой как целое; 2) микроскопическую реальность атомных явлений... и 3) реальность

космических просторов...»¹ Взаимодействие этих уровней самоорганизации исследователь связывал со способностью человека использовать материально-энергетические взаимодействия биосферы Земли и Космоса², в результате чего появляется новая форма энергии — энергия человеческой культуры, или культурная биогеохимическая энергия³.

Ограниченность энергетического потенциала среды обитания определила сущностные характеристики менталитета и системы духовных ценностей, направляющей активность человека на сохранение жизни, продолжение рода, самореализацию творческого потенциала в рамках обеспечения целостности, стабильности и развития его сообщества. Синергетика взаимодействия индивида и группы направлена на стимулирование активности личности в поисках новых ресурсов энергии, но при этом допускает возможность игнорирования интересов общества, ориентацию на эгоистический интерес. Ограничителем этого эгоизма становится групповая программа, которая воспроизводит проверенные модели взаимодействия, ограничивающие внутригрупповую конкуренцию, поощряя потребность в общественно значимом самоутверждении. Реализуясь в деятельности человека, эти программы становятся основой создания идеалов будущего социального устройства и нравственных принципов, разрабатываемых в сфере философско-этических учений⁴. Формированием этих идеалов в контексте ценностей групповой или индивидуальной программ занята интеллигенция.

Возникает вопрос: почему доминирующие духовные ценности и политические идеологии, их представляющие, становятся источником конфликта? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо обратиться к тем основам, которые формировали соотношение принципов коллективизма и индивидуализма в российской истории XX века. В качестве такой основы следует выделить доминирующие на данном историческом этапе методологии мышления и методики преподавания истории и обществоведения. Интеллигент, историк, работающий в методологии классической рациональности, абсолютизирует роль субъекта власти, способного определить параметры действий и развития объекта управления, требуя безусловного подчинения решениям власти. Стремясь противостоять революционным и либеральным идеям,

самодержавие прибегало не только к репрессиям, но и к попыткам утвердить в общественном сознании так называемую «теорию официальной народности». Ее творцом стал министр просвещения граф С. С. Уваров, который выдвинул принцип единства православия — самодержавия — народности. Согласно этой теории, русский народ глубоко религиозен и предан престолу, а православная вера и самодержавие составляют неперемennые условия существования России. Народность же понималась как необходимость придерживаться собственных традиций и отвергать иностранное влияние. В принципе система духовных ценностей периода СССР также основывалась на приоритете интересов общества по отношению к интересам личности.

Кризис в соотношении духовных ценностей общества и личности возникает вследствие того, что власть, мыслящая в парадигме методологии классической рациональности, отказывалась учитывать динамику потребностей объекта управления. Эта динамика проявилась в среде либеральной интеллигенции, ориентированной на приоритет ценностей индивидуализма. На разных этапах исторического развития России эта группа пропагандировала опыт стран Западной Европы и необходимость его реализации в российских условиях. Одним из наиболее известных примеров такой пропагандистской деятельности стала концепция о норманах как организаторах древнерусской государственности. В последнее время в исторической литературе развернулась кампания дискредитации образа Александра Невского, который, якобы, отказался от союза с цивилизованным Западом и развернул Русь в сторону монголо-татарской орды. Все представители либеральной интеллигенции последовательно направляют критику в адрес тех субъектов исторического действия, которые использовали репрессии — от Ивана Грозного до Иосифа Сталина, абсолютно не задумываясь об объективной оценке деятельности этих личностей в развитии России. Исключение для критики дается только такому выдающемуся деятелю, как Петр I. Либеральная интеллигенция внесла решающий вклад в распространение мифа об универсальности европейской модели цивилизации. Следствием реализации этого мифа стала попытка радикальной либеральной перестройки России на основе идеи свободы личности от государственного контроля.

Философско-методологической основой ускоренной модернизации становятся такие понятия, как «жизнь», «естественный отбор», «самоорганизация». Развитие общества понимается как процесс хаотического столкновения интересов, которые выстраиваются в соответствии с законами рынка. Эта методология активно используется российскими либералами, пропагандирующими максимальную свободу рынка и невмешательство государства в социально-экономические процессы жизни социума. Приватизация государственной собственности и аппарата управления олигархическими кланами и отказ от защиты реальных интересов объекта управления, испытывающего огромную потребность в гарантиях реализации конкретного минимума естественных и гражданских прав человека со стороны государства, стала наиболее ярким проявлением методологии классической рациональности.

Методология классической рациональности преподавания истории и обществоведения, содержание которой посвящено деятельности субъектов власти в хронологической ленте времени, формирует общественное мировоззрение и политическую пассивность. Придя к власти, российские либералы ввели в систему преподавания в общеобразовательных школах концентрической структуры изучения отечественной и всеобщей истории с древности до наших дней на основе цивилизационного подхода. С середины 1990-х годов были выпущены альтернативные программы и учебники по истории. Искусственно созданный хаос в трактовке исторического развития России способствовал массовой дезориентации учащихся и отчуждению их от понимания причинно-следственных закономерностей развития истории России и политики. Сама методика преподавания истории по-прежнему базируется на целенаправленной деятельности учителя, которая заключается как в передаче учащимся определенного объема готовых знаний, так и в руководстве учебно-познавательной деятельностью учащихся, их воспитанием и умственным развитием.

Процесс преподавания, основанный на методологии классической рациональности, предполагает, что преподавание истории, обществоведения заключается в целенаправленном планировании, организации воспитания и развития учащихся, а также в контроле и коррекции их учебно-познавательной деятельности

со стороны учителя. Содержание исторического материала, как и процесс изложения, должно базироваться на изучении деятельности субъектов власти в хронологической последовательности. Итогом реализации данной методологии определенной группой интеллигенции становится формирование установки на подчинение власти, на развитие представлений о том, что от деятельности рядовых граждан ничего не зависит.

Альтернативные группы интеллигенции разрабатывают концепции социальной самоорганизации на основе преобразования биогеохимической энергии в культурную биогеохимическую энергию, или энергию человеческой культуры. Такой универсальной программой, которая определяет закономерности самоорганизации как биологических, так и социально-культурных сообществ, являются биогенетические установки индивидуальной и групповой программ. Индивидуальная программа действует как совокупность инстинктов, предписывающих индивиду необходимость сохранения жизни, продолжения рода, самоутверждения индивидуальности посредством реализации своего энергетического потенциала. Функциональное назначение индивидуальной программы заключается в оптимизации использования физиологических, психологических и интеллектуальных энергоресурсов личности. Групповая программа действует как совокупность инстинктов, роль которых состоит в максимально эффективном использовании энергии членов сообщества в конкретных природно-климатических условиях. Инстинкты групповой программы предписывают необходимость деления группы на управляемых и управляющих; управляющие должны стимулировать созидательную активность и подавлять деструктивную; управляемые поддерживают управляющих до тех пор, пока они способствуют развитию общества, повышению уровня и качества жизни членов сообщества. На основе инстинктов групповой программы в обществе формируются представления о гражданских правах человека⁵.

Индивидуализм как форма реализации инстинкта самоутверждения ведет к оправданию существования узкого привилегированного сословия. «Наша цивилизация, — писал А. И. Герцен, — цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве чернорабочих. Природа безжалостна, она ничего не имеет против того, что две трети ее произведений идут

на питание одной трети, лишь бы они развивались»⁶. В работе «О пользе и вреде истории для жизни» Ф. Ницше писал: «Массы представляются мне достойными внимания только в трех отношениях: прежде всего, как плохие копии великих людей, изготовленные на плохой бумаге со стертых негативов, затем, как противодействие великим людям и, наконец, как орудия великих людей; в остальном же побери их черт и статистика!»⁷ Социально-экономической и философско-методологической основой абсолютизации роли личности стали условия ускоренной рыночной модернизации общества, а также открытия неклассической физики, биологии и психологии.

Роль интеллигенции заключается в формировании устойчивых представлений граждан о неотчуждаемых естественных правах человека. Гарантом их реализации, как показывает исторический опыт, может быть только государство, которое является арбитром во взаимодействии конкурирующих субъектов самых различных отношений, принуждая их к соблюдению определенных правил и норм взаимодействия. Стержнем и целью системы ограничения индивидуализма является интерес группы в обеспечении целостности, стабильности и развития. На основе архетипов групповой программы в обществе формируются представления о гражданских правах человека: на альтернативные виды деятельности, расширяющие возможности творческой самореализации личности. В реальности представления человека о своих гражданских правах воплощены в стихийно формирующихся нормах, определяющих степень свободы и ответственности, права и обязанности. Роль интеллигенции заключается в обобщении опыта и поиске оптимальных вариантов согласования интересов личности, реализующей свой потенциал, с интересами общества.

На рубеже третьего тысячелетия, когда идет формирование глобального информационно-духовного производства, основой принятия управленческих решений интеллигенции должна стать методология постнеклассической рациональности. Ее сущность заключается в том, что эффективность управления определяется способностью субъекта выдвигать только те цели, которые осознаются и адекватно воспринимаются доминирующим большинством граждан, участников национального производства. Потребность в самореализации становится движущей силой

процессов формирования нового типа менталитета «человека экономического», ориентированного на повышение уровня и качества жизни посредством созидания общественно-значимых ценностей. «Человек экономический», преследуя собственные интересы, часто более служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это⁸. По мнению М. Вебера, центральное для протестантского мировоззрения понятие «призвание» дает оценку рационально поставленному капиталистическому предпринимательству как богоугодному делу. М. Вебер показал, что доминирующей тенденцией развития менталитета граждан Западной Европы становится экономический рационализм, названный им «протестантской этикой»⁹. Восприятие труда, как способа индивидуальной самореализации, составляет сущность протестантской этики.

Опыт развитых западных стран показывает, что роль интеллигенции заключается в создании условий появления нового типа самоорганизации — «человека разумного», ориентированного на движение к свободе как гармонии личности, общества и природы, при соблюдении принципа ответственности за свои социальные действия. Одним из условий формирования «человека разумного» является создание методологии постнеклассической рациональности. В этом контексте процесс исторического развития можно рассматривать как рост эффективности преобразования биогеохимической энергии живого вещества планеты, социума и личности в энергию человеческой культуры. Эта культурная биогеохимическая энергия является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу¹⁰. По сути дела, Вернадский наметил полевой, синергетический подход к исследованию самоорганизации человека на основе использования им генетических и структурных энергетических взаимосвязей. Сущностью постнеклассических методологических принципов постижения истории должно стать изучение не хронологии действий власти, а рост эффективности взаимодействия управляющих и управляемых в рамках национального производства.

Коррекционная роль интеллигенции с позиций методологии постнеклассической рациональности заключается в согласовании интересов субъектов совместной деятельности. Культура

в форме сказок, мифов и былин становится важнейшим историческим свидетельством самоорганизации этноса и формирования субъективных факторов мотивации к созидательной деятельности. Важнейшим свидетельством корректирующей роли интеллигенции является отношение к национальной истории. Если российская либеральная интеллигенция последовательно выступает за пересмотр национальной истории, то для западноевропейской образованной общественности история государства и власти является основополагающей ценностью, не подлежащей пересмотру и критике. В соответствии с методологией постнеклассической рациональности фольклор служит косвенным историко-культурным свидетельством исторических процессов самоорганизации общества. Западноевропейские исследователи объясняли действие мифов, сказок, баллад исходя из универсального принципа научного познания — ничто не возникает из ничего и ничто не исчезает бесследно. В соответствии с этим западноевропейские исследователи начали искать Трою, башню Вавилона, население стало воспринимать мифологические и сказочные артефакты как проявления коллективно-бессознательной исторической памяти народов.

В силу методологических установок классической рациональности отечественные историки отказались от исследования бесписьменной истории наших пращуров, сохранившейся в народном фольклоре, мифах, сказках, былинах. Научное сообщество рассматривало устное народное творчество в литературном, но не в историческом аспекте. Выдающиеся русские филологи Ф. И. Буслаев и А. Н. Афанасьев осмыслили мифы в контексте солярно-метеорологической теории. Согласно данной теории, происхождение мифов объяснялось ассоциативной деятельностью сознания древнего человека, наблюдавшего астрономические и метеорологические явления. В результате мифы, сказки, былины рассматривались как образы, не имеющие ничего общего с реальностью и, тем более, с историческими этапами развития России. Следует учитывать, что мифы, сказки, былины становятся не только психотерапевтическим приемом корректировки процессов самоорганизации личности в семантическом поле коммуникативного взаимодействия прошлого, настоящего и будущего, но коллективно-бессознательным основанием понимания

личностью своего участия в обеспечении целостности, стабильности и развития своей общности. Эти эмоционально-чувственные отношения можно определить понятием «патриотизм».

Рано или поздно интеллигенция начинает участвовать в распространении принципов методологии постнеклассической рациональности. Сущность этих принципов заключается в поиске вариантов согласования интересов объекта и субъекта власти, создании гарантий защиты конкретного минимума реализации естественных и гражданских прав человека, организации общественного контроля над деятельностью субъекта власти. Решение этой задачи возможно на базе политических идеологий центристского типа, способных придти к компромиссу частных интересов на основе пересмотра роли государства и создания различного рода общественных организаций. Формирование массового слоя «человека разумного» и создание механизмов эффективного использования его потенциала требует модернизации обучения истории. Перед учителем как представителем интеллигенции встает сложная задача выбора методологии и методики обучения, оптимальных для воспитания «человека разумного». Сложность этой задачи обусловлена тем, что традиционные методики преподавания истории не опираются на непосредственный опыт жизнедеятельности учащихся. В соответствии с законом «Об образовании» в 90-е годы началось введение концентрической структуры образования. В первом концентре изучается отечественная и всеобщая история с древности до наших дней на основе цивилизационного подхода (5—9 классы). Во втором концентре — полная средняя школа (10—11 классы) появились курсы «История России с древнейших времен до наших дней», «Основные вехи истории человечества», «История мировых цивилизаций». Преподавание истории на основе цивилизационного подхода предполагает изучение достижений мировой культуры, а также деятельности тех, кто их создал. Российской истории уделяется крайне мало времени. В сложившейся ситуации возникает проблема отчуждения учащихся не только от знания истории, но и от ценностей патриотизма, крайне необходимых для обеспечения устойчивого развития российского общества.

Важнейшим фактором создания условий устойчивого развития российского общества становится корректирующая

деятельность русской интеллигенции по сохранению и передаче традиционных духовных ценностей, определяющих этническую идентичность личности. Актуальность этой проблемы обусловлена тем, что в России кроме общеобразовательных школ действуют специальные (коррекционные) школы для учащихся с ограниченным интеллектуальным потенциалом. Кризис системы исторических и духовных ценностей в условиях дезориентации общественного сознания, роста преступности может способствовать выбору криминального вектора самореализации или же подтолкнет к участию в различных радикальных политических группировках. Для представителей социальных низов ограниченность сферы реализации естественных и гражданских прав человека является наглядным свидетельством предательства национальных интересов. Неслучайно на различных сходках радикальной молодежи все чаще выплывает символика свастики. Преодоление этих негативных тенденций возможно через введение уроков объяснительного чтения, предполагающих передачу исторических знаний в форме сказок, мультфильмов, видео, художественных фильмов, рассказов учителя. Знание системы устного народного творчества становится основой формирования коммуникативного взаимодействия, определения «свой — чужой», формирования чувства патриотизма. Корни этого взаимодействия базируются на огромном историческом опыте выживания и самоорганизации этноса в конкретных природно-климатических и геополитических условиях жизнедеятельности. Они обеспечивают историческую преемственность и устойчивость развития этноса.

Методику уроков объяснительного чтения, как составной части пропедевтики, можно использовать начиная с детского сада, продолжить в начальных классах и общеобразовательных, и специальных (коррекционных) школ. Пропедевтика как способ сохранения и передачи традиционных духовных ценностей несет в себе не только основы патриотического воспитания, но и разнообразные модели самореализации через трудовую деятельность. Основной формой передачи традиционных духовных ценностей была русская сказка. Конечно, сказки отдалены во времени от современности, однако анализ социально-экономического и общественно-политического содержания дает возможность выделить волшебные, новеллистические, анекдотические, пародийные

сюжеты. В них заложены социально-экономические и духовно-культурные мотивы созидательной деятельности с выветрившимся, забытым реализмом. Сказки несут в себе социально-экономические и общественно-политические ожидания масс, в основе которых лежат представления о желательном уровне реализации естественных и гражданских прав человека независимо от его места в социальной иерархии.

Корректирующая роль русской интеллигенции заключается в выборе методологии и методики исторического образования, на основе которых идет процесс формирования массового слоя «человека разумного», способного защищать конкретный минимум естественных и гражданских прав. Основой модернизации системы образования на современном этапе должна стать методология постнеклассической рациональности, представляющая историю как процесс роста эффективности преобразования биогеохимической энергии природы, социума, личности в материальные и духовные ценности, необходимые для повышения уровня и качества жизни человека. Историческое образование должно начинаться с уроков объяснительного чтения сказок в детских садах, начальных классах общеобразовательных и специальных (коррекционных) школ. Модернизацию системы исторического образования необходимо сопровождать увеличением объема часов, направленных на изучение национальной истории. Центром изучения истории в форме уроков объяснительного чтения должен стать человек как субъект созидания материальных и духовных ценностей, готовый защищать конкретный минимум естественных и гражданских прав. Только в процессе глубокой модернизации как методологии, так и методики исторического образования возможно формирование массового слоя «человека разумного», способного контролировать действия субъектов политики и власти. Объективной основой такого контроля станет «человек разумный», оценивающий эффективность власти на основе ее способности создания условий для роста национального производства, новых рабочих мест, повышения уровня и качества жизни.

Первым этапом в многоходовой операции подготовки массового слоя населения по типу «человека разумного» и создании механизмов эффективного использования его потенциала стало принятие 25 апреля 2013 года концепции единого учебника

истории, что вызвало категорическое неприятие либеральной общественности. Главной задачей единого учебника по истории стало формирование среди молодежи чувства патриотизма и гражданственности, ценностей «человека разумного».

Примечания

- ¹ *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление // Вернадский В. И. Размышления натуралиста М., 1977. Кн. 2. С. 54.
- ² *Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 172; *Азимов А. С.* Выбор катастроф. СПб., 2002. С. 28.
- ³ *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. С. 95.
- ⁴ *Степин В. С.* Эпоха перемен и сценарии будущего : избр. социал.-филос. публицистика. М., 1996. С. 10.
- ⁵ *Коваленко С. В.* Антропологические основы ноосферогенеза. М., 2005. С. 98.
- ⁶ *Герцен А. И.* С того берега // Собр. соч. : в 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 55—56.
- ⁷ *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Избранное. М., 1990. Т. 1. С. 219.
- ⁸ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 332.
- ⁹ *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий : попытка сравнительного исследования в области социологии религий // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 43, 65—66.
- ¹⁰ *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. С. 95.

С. М. Усманов

«СПАСАЙТЕ РУССКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

Имя Владимира Александровича Порозова хорошо известно читателям журнала «Интеллигенция и мир». Его статьи привлекают внимание своей нешаблонностью, насыщенностью, нестандартным авторским языком. Кроме того, Владимир Александрович — один из авторов коллективного исследования вопросов теории и методологии интеллигентоведения, выпущенного в 2010 году в издательстве Ивановского государственного университета, что уже само по себе свидетельствует о его вовлеченности в научные изыскания по наиболее сложным и дискуссионным проблемам формирования и развития интеллигенции.

Тем интереснее для всех читателей нашего журнала будет открытие поэтических увлечений доцента В. А. Порозова. Оказывается, ученый-историк еще и художественная натура, эстет и даже мечтатель. Но вместе с тем и в лирических стихах он — мыслитель.

Сам автор предложил журналу для публикации стихи, написанные им только за один год, зато какой! Это — год 1992-й, столь памятный по резким переменам и в жизни нашей страны, и в судьбах многих из нас. Именно тогда обрушилась советская система, начались тяжкие и болезненные «реформы». Многие

© Усманов С. М., 2014

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. ilapsi@yandex.ru

были ими дезориентированы и растерялись, некоторые пустились в рискованные эксперименты, а кто-то и вовсе отправился повидать «другие берега». Впрочем, в нашей действительности открывались и новые горизонты, рождались новые надежды. Всё это остро и противоречиво отразилось и сфокусировалось в сознании тогдашнего российского интеллигента.

С тех пор многое из «бывшего и несбывшегося» ушедшей эпохи уже забылось или покрылось некой дымкой, утеряло ощущение новизны и злободневности. Но вот — стихи... И сколько сразу всплывает в памяти! Думается, почти у всех читателей стихи Владимира Порозова той поры произведут реакцию узнавания и душевного отклика. Ведь главное здесь для нас совсем не в совершенстве формы этих четверостиший, не в мастерovitости их автора. Куда важнее его открытость времени, способность запечатлеть движения души интеллигента из провинции. Да, именно из провинции. Ведь у жителей обеих столиц своя специфика, от которой мы сейчас отвлекаемся.

Вот что видится нам самым ценным в предлагаемых читателю стихах Владимира Порозова. Редакция отобрала те из предложенных ей автором стихотворений, в которых его лирический герой выражает самые характерные и узнаваемые мысли, чувства и прозрения русского интеллигента двадцатилетней давности. Можно утверждать, что публикуемые ниже тексты представляют собой один из лирических автопортретов отечественного интеллигента. Теперь такой автопортрет — уже документ своего времени, открывающий нам, далеко ушедшим от тех памятных лет, нечто весьма существенное, нужное и интересное. Интересное прежде всего потому, что перед нами не обычное научное исследование привычного логико-дискурсивного характера, а образно-символическое восприятие мира, очень во многом — субъективное и интуитивное. Пожалуй, наиболее удачные в своей художественной форме стихотворения Владимира Александровича как раз и содержат те самые прозрения, которые и сейчас, много лет спустя, едва ли оставят нас равнодушными.

Нет, стихи Владимира Порозова — это не хорошо знакомая постоянным читателям одной из московских либеральных газет рифмованная публицистика Дмитрия Быкова, куда более выверенная и профессионально отточенная. У нашего пермского

коллеги немало шероховатостей формы, встречаются и грубоватые образы (например, «в мозг втащили динамит»). Да и вообще лирический герой Владимира Порозова не во всем определился. В его взглядах и ощущениях очевидны противоречия. Но несомненно, что это — русский человек в трудных для себя обстоятельствах. И потому его чувства обнажены, он остро ощущает свою неразрывную связь с родной страной, с родной историей.

Вот почему в стихах Порозова звучит не только Петербург или близкие к его малой родине Вятские Поляны, но и олицетворяющие былинную русскую старину Суздаль, Кидекша, Юрьев-Польской. Это особенно важно для интеллигента, когда его «русское чувство» подвергает испытанию и «трехцветный ералаш» начала девяностых, и афганские дали, и даже недоумения от происходящего в соседней Белоруссии (еще до прихода к власти «батьки» Лукашенко). Однако в самом главном в лирике Порозова всё ясно: «живет и терпит русский инвалид», когда «политика-сводня» подняла «болотную нечисть» и хочет сделать так, «чтоб было как в Версале». Что же, тут у Порозова и образность, и эмоциональность, и невольное предвосхищение случившегося много позже.

Впрочем, остановим изложение наших впечатлений. Пусть читатель сам услышит и оценит эти мысли и переживания русского интеллигента еще сравнительно недавнего прошлого. И, вероятно, обнаружит для себя немало близкого и нужного. Тем более, что наш пермский коллега нашел очень емкую формулу, раскрывающую лейтмотив усилий всех тех, кто создавал и продвигал журнал «Интеллигенция и мир»: «Спасайте русский интеллект!». Так что, пользуясь счастливым случаем, редакция нашего журнала хотела бы поздравить Владимира Александровича Порозова с шестидесятилетним юбилеем и пожелать ему здоровья, благополучия и новых творческих удач!

В. А. Порозов

**ГОД ЖИЗНИ — 1992
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ**

* * *

Таков мой путь: лечу к земле,
Зависнув. Цепкие мгновенья
Давно дают возможность мне
Всмотреться – мох там иль камня.

О, если так – благодарю
Всех тех, кто клеили и ткали,
Растили, плавил, не спали,
Встречая новую зарю.

Вот выпрыгнул: одет, обут,
Уверен – в ночь шагнул иль в день я, –
Что есть надежный парашют
И крест на месте приземленья.

С кем я, нетрудно угадать,
Пройду конверсию и кризис?
Пока научится летать,
Осатанеет русский бизнес.

А верен тем, кто, как всегда, –
Ведите, Иисус и Один –
Жизнь отдает за города,
За явь больших и малых Родин.

Пусть продают нас на корню,
Пусть унижают, как умеют, –
Поверим завтрашнему дню,
Которого отнять не смеют.

© Порозов В. А., 2014

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. rogozov_va@perm.ru

Играть средь массы новых сект
Покуда учат в жмурки резво,
Спасайте русский интеллект!
Все остальное – бесполезно.

Январь

* * *

Ликует мир, и моджахеды –
Хозяева в своих горах.
А те, кто шел за нами следом,
Теперь сидят в концлагерях.

Когда четырнадцать правительств
В крови по горло делят власть,
Пятнадцатое, извините,
Вполне резонно может пасть.

Своих ребят во всяком разе
Спасли от смерти, плена, ран.
Всё так. Но через Закавказье
Он к нам идёт, Афганистан.

* * *

Если даже увижу сам,
Не поверю – века застыли!
В Белоруссии, даже там
Издеваются над Россией.

Поделом нам. Герр президент
Уговаривал отделиться.
Отделился и сам. Патент
Был оплачен. Мрачнеют лица.

Это раз. А потом в расчет
Взять и то: в партизанском крае
Слава Волгой давно течет,
Да ведь в омутах – полицаи.

Вдруг запружено: приналечь,
Так Россия не принимает.
Берег залило, в трюмах – течь.
Тут-то нечисть вся и всплывает.

Вот такие теперь дела,
Как чернобыльская проказа.
Русь-сестрица, ведь ты Бела!
Не давай себя дегтем мазать.

* * *

Вновь покинув, на сей раз сожженный, шалаш,
Неприкаянный призрак витает над Невским,
Где трёхцветный, привычный уже, ералаш
Бескозырки сменил на бейсбольные кепки.

Как названия улиц, двоит под луной
Лики всех бюрократов политика-сводня,
Медный всадник грохочет за нашей спиной,
И болотная нечисть чудит в подворотнях.

Август

* * *

Как странно, что по этому мосту
Пройти не могут призраки и тени:
Хранит – и это видно за версту –
Елагин остров сильный добрый гений.

Забыты петербургские дома,
То, как костями уплотняли сушу.
Там Достоевский сводит нас с ума.
Здесь Блок и Росси снова лечат душу.

9 августа

* * *

Где с размахом вширь и ввысь
Все пути пересеклись,
Там торчит средь поля зря
Голова Богатыря.

А зачем она торчит –
Неизвестно. Спит. Молчит.
Только вдруг, за все грехи,
Вихрь и смерч – ее апчхи?

Снова миру скажет «Ша!»
Эта русская душа:
«Вольно ж было, вашу мать,
Нам ноздрю пощекотать!»

Через уши – змий творит! –
В мозг втащили динамит.
Так зато разинут рот –
Неплохой громоотвод!

Принимаете в расчет
То, что вытечет-втечет?
Вдруг да вновь (пока жива!)
Уцелеет голова?!

Сентябрь

* * *

То был не лес, а перелесок.
Вы за усадьбою в овраг
Спуститесь, где ночует леший
И прочий некрещеный враг.

О них-то гениальный барин
Так ли писал в своей строке?
Вам проскрипит лесной хозяин
Про то деревьями в тоске.

Стихи пришлись не по нутру,
И он, в отместку, сжег усадьбу,
А там с похмелья поутру
Такое сотворил – не знать бы.

Всё разорил, а не сберег,
Взорвал и церковь смутным чохом,
В заброшенный уселся лог
И зарастает диким мохом.

*28 сентября
Шахматово*

* * *

Деревья подрезали, подрезали,
Старательно выстраивали в ряд,
Чтоб было как в Версале. Не сдержали:
Вновь вытянулись, свечками стоят.

Но прошлого ужаснейшие раны
Забывать непросто, сделав бодрый вид:
Корявы, колченоги великаны.
Живет и терпит русский инвалид.

*30 сентября
Ярополец, имение Чернышовых*

* * *

Цветов сентябрьских ералаш
Вновь завораживает пряно,
Когда влетает поезд наш
Под утро в Вятские Поляны.

И в обрамлении лесов,
В их золотистом ожерелье,
В разливах рек земля отцов
Нам пропитает души зельем.

Приворожило: приворот
Так бабьим летом одурманит,
Что вновь, какой бы ни был год,
А нас сюда опять поманит.

Однако в смуте наших дней
Встает один вопрос невольный:
Пейзаж прекрасный этот чей?
Неужто будут резать? Больно.

Татарин, русич и удмурт!
Мы ж россияне! Человеки!
Границ наделает манкурт,
Но будут течь, как прежде, реки.

По Вятке плыть ко мне домой:
И там и здесь в одном аккорде
Над заводскою проходной –
Войны Отечественной орден!

2 октября

Кукмор – Вятские Поляны – Кизнер

* * *

Ну вот, свершилось: пиво и бананы,
Лаваш и виски – только ешь и пей.
Но что-то мы не рады: очень странно.
Смотри, со зла «свободу» не убей!

Исключено. Застопорился Хронос
На каждой из российских новостей.
Ведь очередь покорная в Макдональдс
Не меньше, чем когда-то в Мавзолей.

Октябрь

* * *

Восток багрян: восход означен,
Снега ликуют под лучом.
Церквушкам видится удача:
Взлетают – всё им нипочем,
Коль надо здесь, родней и краше,
Сиять у Бога на виду.
Я ж в Кидекшу по автотрассе
Пешком из Суздаля иду.

Кто мы – чеченцы иль эстонцы,
Иль прочие «осколки зла»?
Для всех взойдет сегодня солнце,
И новые грядут дела!

Мне песня – Русь: дурная удаля
Чуть-чуть морозит, как всегда...
Поверьте, жив покуда Суздаль –
Всё остальное ерунда.

8 декабря

* * *

Играли плохо, но старались:
Разрезав плоть своей земли,
Потом над нею издевались
И друг над другом, как могли.

Фантазмагория костюмов,
Разгул движенья, сдвиг времен.
Пускай не видно толстосумов –
Так ведь никто и не силен.

Мечей карающая сила,
Гробов ржавеющая сталь,
Канкан бодрящий на могилах,
И Лира – никому не жаль!

18 декабря

Центральный детский театр

* * *

Вновь память, грозный старожил,
К загадке Юрьева-Польского
Вернет нас, где бы ты ни жил,
Куда б не удалялся снова.

Собор здесь, гордость всей Руси,
Могуч и мудр, наряжен в стати,
Все годы ига возносил
Молитвы за родные рати.

Духовный вклад его измерь.
А он к тому ж за наши беды
Невосполнимостью потерь
Печально пал в канун победы.

Но коль столица, государь
Надежны, северные дали,
Как прежде, в киевскую старь,
Упорно камни собирали.

И новый облик вышел в срок,
Природы подтвердив законы.
Как даже малый образок
Хранит всю суть святой иконы,
Так крепышу-боровику
Стоять здесь, не пугаясь тленья,
И всё, что видел на веку,
Впечатать в письмена-каменя.

Декабрь

* * *

Вопрос (да и теперь не знаю!),
Меня измучивший, таков:
Ну почему же умирают
Так много славных мужиков?

Смерть – это всё же не награда
И требует немалых сил...
Вопрос отцу однажды задал,
Когда он ночью приходил.

«Пожалуй, – молвил, – я отвечу:
По биографии моей
Давно уже со мною встречи
Ждала колония детей.

Тут каждый взрослый – как умеет.
А дети – к ним особый счет:
Ведь этот Некто их жалеет,
Мужчин включающий в расчет.

Летят особые трамваи –
Вдаль от Земли и от Луны:
Ни пьяницы, ни шалопаи
На это дело не годны».

Да, роль почетна. Но причины
Для грусти есть в иные дни:
Для смерти – есть еще мужчины,
Для школы – женщины одни.

* * *

Чем лирика живет? Природой.
Любовью. Близкою землей.
Осенней хмурою погодой.
Весеннею голубизной.

А ты – с политикой! Плакаты
Так надоели, что тошнит.
Пусть не раскатистые даты,
Пусть, видим, искренне болит,

Ведь это всё так преходяще,
Риск ошибиться так велик,
Что очевиден мне молчащий
Ненапечатанный мой лик.

Но злоба дня рукою водит...
Дам ей хоть что-то совершить:
Пускай-ка в строчках колобродит,
Чтоб в жизни меньше нагрешить!

Золотарёв О. В. Явление креативного класса в России

Ключевые понятия: интеллигенция, новая интеллигенция, креативный класс, власть.

Исследуется феномен появления креативного класса в России. Рассматривается его роль в общественно-политической обстановке конца XX — начала XXI века. Предпринята попытка анализа проблемы соотношения понятий «интеллигенция» и «креативный класс».

Ермушин М. В. Формирование системы оплаты труда инженерно-технической интеллигенции в первой половине 20-х годов XX века

Ключевые понятия: инженерно-техническая интеллигенция, заработная плата, система оплаты труда.

Рассматривается процесс формирования политики государства в области заработной платы инженерно-технической интеллигенции в условиях перехода к нэпу.

Зотова А. В. Материальное стимулирование советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны

Ключевые понятия: интеллигенция, Великая Отечественная война, зарплата, благосостояние, экономика, финансы.

На основе анализа архивных документов и опубликованных источников реконструируется деятельность государства по обеспечению заработной платой представителей различных специальностей в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется динамике зарплат сотрудников научно-исследовательских институтов, сферы образования, учреждений культуры, инженеров. Делается вывод о том, что советское руководство на протяжении всей войны постоянно стремилось повысить зарплату интеллигенции, считая это гарантией успеха в борьбе с врагом.

Каранов Д. П. Роль интеллигенции в этнокультурном развитии ингерманландских финнов и особенности ее формирования

Ключевые понятия: ингерманландские финны, Колпанская семинария, финские интеллигенты, ингерманландская интеллигенция, лютеранская церковь, этнокультурное развитие финнов-ингерманландцев.

Освещается важнейший период в истории ингерманландских финнов, проживавших в окрестностях Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. Анализируются причины и особенности формирования собственной интеллигенции. Показывается первостепенная роль интеллигентов в этнокультурном развитии соплеменников, выделяются две взаимосвязанные группы ингерманландских интеллигентов — лютеранские священнослужители и учительство. Обращается внимание на характерные черты интеллигентов, нашедшие выражение в их активной деятельности. Подчеркивается значение культурных институтов и других организованных форм социальных отношений в генезе интеллигентов ингерманландской этнокультурной общности.

Волков В. С. Приближение к универсальности: методологические искания профессора В. С. Меметова

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентоведение, гуманитарные науки, историография, теория и методология, интеллигентоведческий дискурс.

Рассматривается вклад профессора В. С. Меметова в развитие методологии интеллигентоведения. Анализируются этапы становления ученого, его достижения, подробно изучаются основные публикации. Особое внимание уделяется дискуссионным аспектам современного интеллигентоведения в работах В. С. Меметова.

Кочешков Г. Н. Интеллигенция и историческая наука в конце XIX — начале XX века: Н. А. Рожков

Ключевые понятия: историческая наука, интеллигенция, теория и методология, методика, технологии преподавания и обучения.

Исследуется научная и общественно-политическая деятельность Н. А. Рожкова. Раскрываются основные этапы творческой деятельности ученого, его теоретико-методологические воззрения, своеобразное видение исторического прошлого России. Освещаются взгляды Н. А. Рожкова на технологию обучения и методику преподавания истории в средней школе. Анализируются дискуссии отечественных историков в оценке философских и методологических подходов Н. А. Рожкова. Обосновывается вывод о необходимости тщательного и объективного анализа творческого наследия известного историка рубежа XIX—XX веков.

Курасов С. А. Случай на лекции: столкновение в повседневности «старой» интеллигенции и «нового» студенчества в первые годы советской власти

Ключевые понятия: научно-педагогическая интеллигенция, академическая культура, студенчество, повседневность.

В работе, основанной на микроисторическом подходе, освещается проблема адаптации классической академической культуры в условиях становления советского общества, проявляющаяся в повседневности провинциального вуза. Студенчество, воспитанное на сломе эпох и нарушающее устоявшийся веками образ жизни, вступает в конфликт с научно-педагогической интеллигенцией. Ревностное отстаивание основ высшей школы свидетельствует о незыблемости такого ритуала в вузе, как лекция, что доказывает свободу в процессе создания провинциальной высшей школы в годы Гражданской войны. Интеллигенция не только сохраняет свои сущностные черты, независимые от времени, но и приобщает к ним молодое поколение.

Стрелец М. В. Ханс Альбрехт Бете: страницы биографии

Ключевые понятия: Германия, интеллигенция, ответственность, США, Ханс Альбрехт Бете.

Анализируется жизнь и деятельность нобелевского лауреата Х. А. Бете. Сформулировав критерии для выявления истинного интеллигента, автор соизмеряет с ними биографию великого ученого.

Репников А. В. Размышления на чужбине (По страницам дневника Д. В. Скрынченко)

Ключевые понятия: Д. В. Скрынченко, русская эмиграция, русский национализм, российская история.

Исследуются записи историка, богослова, педагога, журналиста и русского националиста Дмитрия Васильевича Скрынченко. Анализируется отражение на страницах его дневника основных общественно-политических событий в жизни русской эмиграции.

Софронова Л. В., Хазина А. В. Ренессансный ученый в интеллектуальных и социальных практиках (По переписке Джона Колета и Эразма 1512—1513 годов)

Ключевые понятия: эпистолярное наследие, Ренессанс, Эразм, Джон Колет, интеллектуальный и социальный контекст, патронат.

Дается первый русский перевод четырех писем Эразма и его английского друга Дж. Колета (1512—1513 гг.) Предлагается ряд новых

интерпретаций эпистолярных фактов, позволяющих скорректировать датировку и хронологию событий из жизни авторов посланий. Материалы переписки дают возможность окунуться в повседневную жизнь ренессансной интеллигенции, воссоздать интеллектуальный и социальный контекст, в котором осуществлялись великие труды обоих респондентов, наблюдать их характеры и взаимоотношения.

Коваленко С. В., Ермолаева Л. К. Философско-методологические основы деятельности преподавателя в коррекции историко-политического мировоззрения учащихся

Ключевые понятия: мировоззрение учащихся, постнеклассическая рациональность, историко-политическое мировоззрение, коррекция мировоззрения, интеллигенция, единый учебник истории.

На основе анализа педагогической деятельности убедительно показывается, что коррекционная роль интеллигенции с позиций методологии постнеклассической рациональности заключается в согласовании интересов субъектов совместной деятельности.

Порозов В. А. Год жизни — 1992. Избранные стихотворения

Ключевые понятия: 1992 год, стихотворения, творчество ученых.

Публикуются стихотворения Владимира Александровича Порозова, одного из постоянных авторов журнала «Интеллигенция и мир». Материал приурочен к шестидесятилетнему юбилею ученого. Вводные заметки — С. М. Усманова.

Zolotaryov O. V. Phenomenon of a creative class in Russia

Key notions: intelligentsia, new intelligentsia, creative class, power.

The article investigates the emergence of creative class phenomenon in Russia and considers its role in a social and political situation of the end of the 20th — the beginning of the 21st century. It makes an attempt to analyse a problem of correlation of the concepts «intelligentsia» and «creative class», too.

Ermushin M. V. Formation of salary system of the technical-engineering intelligentsia in the first half of the 20-s of the 20th century

Key notions: technical-engineering intelligentsia, salary, salary system.

The article shows the process of formation of state policy towards salaries of the technical-engineering intelligentsia in the conditions of transition to the New Economic Policy.

Zotova A. V. Material stimulation of the Soviet intelligentsia during the Great Patriotic War

Key notions: intelligentsia, Great Patriotic War, salary, welfare, economy, finance.

On the basis of the analysis of archival documents and the published sources activities of the state for providing with a salary of representatives of various specialties during the Great Patriotic War are considered. Special attention is paid to dynamics of salaries of research, educational, cultural institutions staff and engineers. The author comes to conclusion that the Soviet authorities constantly sought to raise the salary of intelligentsia throughout the whole war considering it a guarantee of successful fight against the enemy.

Karanov D. P. The role of intelligentsia in ethno-cultural development of the Ingermanlandian Finns and features of its formation

Key notions: Ingermanlandian Finns, Kolpansky seminary, Finnish intelligentsia members, Ingermanlandian intelligentsia, Lutheran church, ethno-cultural development of the Ingermanlandian Finns.

The work covers the major period in the history of the Ingermanland Finns living in the suburbs of Petersburg — the second half of the 19th — the beginning of the 20th century. The reasons and features of formation of the own intelligentsia of this ethnic community are analyzed. The most important role of intelligentsia members in ethno-cultural development of the tribespeople is revealed. Thus the author allocates two interconnected groups of the Ingermanlandian intelligentsia groups — Lutheran priests and the teachers. The attention is paid to characteristic features of both groups of intelligentsia and expressed in their vigorous activity. Emphasized is the importance of cultural institutes, and other organized forms of the social relations, in genesis of intelligentsia belonging to Ingermanlandian ethno-cultural community.

Volkov V. S. Approach to universality: professor V. S. Memetov's methodological search

Key notions: intelligentsia, intelligentsia studies, humanities, historiography, theory and methodology, discourse of intelligentsia studies.

The article considers the contribution of professor V. S. Memetov to development of methodology of intelligentsia studies, and analyzes the stages of the scientist's formation. His achievements and main publications are studied in detail. The special attention is paid to debatable aspects of contemporary intelligentsia studies in V. S. Memetov's works.

Kocheshkov G. N. Intelligentsia and historical science at the end of the 19th — the beginning of the 20th century: N. A. Rozhkov

Key notions: historical science, intelligentsia, theory and methodology, technique, technologies of teaching and training.

N. A. Rozhkov's scientific and political activity is investigated. Revealed are the main stages of creative activity of the scientist, his theoretical and methodological views, a peculiar vision of the historical past of Russia by the scientist. Shown are N. A. Rozhkov's views of technology of training and a technique of teaching of history at secondary school. Analyzed are the discussions of Russian historians on evaluation of N. A. Rozhkov's philosophical and methodological approaches. The conclusion is that the careful and objective analysis of a creative heritage of the known historian of the end of the 19th — the beginning of the 20th century is necessary.

Kurasov S. A. Episode at the lecture: collision in daily occurrence of the «old» intelligentsia and the «new» students in the first years of the Soviet power

Key notions: scientific and pedagogical intelligentsia, academic culture, students, daily occurrence.

In the work based on micro-historical approach, the problem of adaptation of classical academic culture to the conditions of formation of the Soviet society is shown in daily occurrence of provincial higher education institution. The students being brought up on demolition of eras and breaking a way of life which had been settled by centuries, start the conflict with the scientific and pedagogical intelligentsia. Jealous upholding of the university foundations testifies the firmness of such ritual in higher education institution as lecture and proves presence of academic freedom in a provincial university in the years of civil war. The intelligentsia not only keeps the intrinsic lines independent of time, but also involves young generation.

Strelets M. V. Hans Albrecht Bete: biography pages

Key notions: Germany, intelligentsia. responsibility, United States of America, Hans Albrecht Bete.

The article analyses the life and activity of the Nobel winner H. A. Bete. The author compares facts from the biography of the great scientist with the criteria formulated by him to identify one's belonging to intelligentsia.

Repnikov A. V. Thoughts in the foreign land:
D. V. Skrynchenko's Diary:

Key notions: D. V. Skrynchenko, Russian emigration, Russian nationalism, Russian history.

The article is devoted to records of historian, theologian, teacher, journalist and Russian nationalist Dmitry Vasilyevich Skrynchenko. Analyzed is the reflection of the main political events in the life of the Russian emigration on the pages of his diary.

Sofronova L. V., Hazina A. V. Renaissance scientist in intellectual and social practices (on correspondence between John Kolet and Erasmus in 1512—1513)

Key notions: epistolary heritage, Renaissance, Erasmus, John Kolet, intellectual and social context, patronage.

The first Russian translation of four letters of Erasmus and his English friend J. Kolet (1512—1513) is offered. Translators propose a number

of new interpretations of the epistolary data, allowing to correct dating and chronology of events from the life of authors of messages. Materials of correspondence give the chance to plunge into everyday life of the Renaissance intelligentsia, to recreate an intellectual and social context in which great works of both respondents were carried out, to observe their characters and relationship.

Kovalenko S. V., Ermolaeva L. K. Philosophical and methodological bases of teacher's activity in correction of students' historical and political outlook

Key notions: outlook of pupils, post-nonclassical rationality, historical and political outlook, outlook correction, intelligentsia, uniform textbook of history.

The article analyzes the philosophical and methodological bases of activity of the teacher in correction of historical and political outlook of students. Authors convincingly show that the correctional role of the intellectuals from positions of methodology of post-nonclassical rationality is in coordination of interests of subjects of combined activity.

Porozov V. A. A year of life — 1992. The chosen poems

Key notions: 1992, poems, creativity of scientists.

Publication of poems by Vladimir Aleksandrovich Porozov's, one of constant authors of the Intelligentsia and World magazine. The publication is offered to celebrate the sixty-year anniversary of the scholar. Introduction by S. M. Usmanov's.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2014 № 3

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Дата выхода в свет 11.09.2014 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 100 экз.
Заказ № 204. Цена свободная

Адрес редакции (издательства): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

